

Валентин
ВИШНЕВСКИЙ

ЗАПЛАХ АТОМНОЙ ТЕОРИИ

Воспоминания
офицера-атомщика

Курсор

Курсор — это мы

Annotation

В автобиографической книге Валентина Вишневого описываются подлинные события 1955–1957 годов, происшедшие с автором во время его учебы и службы на секретном полигоне ВВС, где производились испытания первых образцов атомных бомб и самолетов-носителей Советского Союза. Ранее закрытая для широкой общественности информация открывает новые данные о становлении ядерного оружия и осуществления грандиозного Атомного проекта СССР

В книге приводятся документальные материалы и редкие фотографии.

Для широкого круга читателей.

-
- [Валентин Вишневский](#)
 - [Об авторе и его книге](#)
 - [От автора](#)
 - [Глава I](#)
 - [Глава II](#)
 - [Глава 3](#)
 - [Глава IV](#)
 - [Глава V](#)
 - [Глава VI](#)
 - [Глава VII](#)
 - [Приложения](#)
 - [Перечень документальных материалов](#)
 - [Аббревиатуры, сокращения и кодовые названия](#)
 - [Список использованной литературы](#)
 - [notes](#)
 - [1](#)
 - [2](#)
 - [3](#)
 - [4](#)
 - [5](#)
 - [6](#)

- [7](#)
 - [8](#)
 - [9](#)
 - [10](#)
 - [11](#)
 - [12](#)
 - [13](#)
 - [14](#)
 - [15](#)
 - [16](#)
 - [17](#)
 - [18](#)
 - [19](#)
 - [20](#)
 - [21](#)
 - [22](#)
 - [23](#)
 - [24](#)
 - [25](#)
 - [26](#)
 - [27](#)
 - [28](#)
-

Валентин Вишневский

Запах атомной бомбы. Воспоминания офицера-атомщика

*Искренне благодарю
Валерия, Олега и Дарью Слоневских за
всемерную поддержку и помощь при издании этой
книги.*

*Анатолия Перерву, Николая Таможникова и
Валерия Жесткина за помощь в ее создании и
оформлении.*

Об авторе и его книге

Юрий Ранюк, доктор физ.-мат. наук, профессор, начальник лаборатории физико-технического института НАНУ.

С автором этой книги Валентином Вишневским я впервые встретился в 1962 году на очередном сборе подводников Министерства среднего машиностроения на Черном море. Сбор проводился на базе Сухумского физико-технического института, занимавшегося исследованиями по физике удержания плазмы.

Начало создания института было положено постановлением Совнаркома от 19 декабря 1945 года, в котором шла речь о привлечении немецких специалистов к работам в рамках Атомного проекта СССР. Тогда в сухумском санатории «Синоп» был образован институт «А» под руководством профессора Манфреда фон Арденне для разработки методов сепарации изотопов. Рядом в санатории «Агудзеры» расположился институт «Г» во главе с Нобелевским лауреатом Густавом Герцем. Он также работал на атомную тематику.

На сборах я выступал одновременно в роли тренера, капитана и представителя Харьковского физико-технического института, в то время как Валентин Вишневский, сотрудник сухумского института и инструктор подводного спорта, был членом судейской бригады.

Как-то нам объявили, что вне обязательной программы инструктор из Сухуми В. Вишневский прочтет лекцию о подводной

археологии. Следствием этой лекции и явилось то, что мы подружались на всю оставшуюся жизнь, из спортсменов-подводников превратились в гидроархеологов. С тех пор мы часто вместе проводили свои отпуска в подводных археологических экспедициях в районе древнего Херсонеса, исследовали дальневосточные моря.

Жизнь Валентина Вишневого была богатой на интересные события, путешествия, знакомства. Он прекрасный рассказчик и я, грешный, не, один раз упрекал его в том, что он не берется за перо. И когда он вручил мне свою первую автобиографическую книгу «Босоніж по війні», я понял, что «процесс пошел» и с нетерпением стал ждать следующих книг, опасаясь, как бы это не произошло слишком поздно.

И вот — новая книга. Тоже автобиографическая, но в ней, главным образом, рассказывается о службе в армии на сверхсекретном атомном объекте, располагавшемся в Крыму возле Керчи.

Я давно занимаюсь историей советского Атомного проекта, особенно участия в нем украинских ученых. Но, откровенно говоря, и понятия не имел о Багеровском полигоне, где проводились многие подготовительные испытания атомных бомб. И тем более, не мог себе представить, что мой друг Вишневский имел непосредственное отношение к этим испытаниям. Его свидетельства в увлекательной и доступной форме добавляют очень важную страницу в малоизвестную историю Атомного проекта и участия в нем Украины.

Это был грандиозный и героический проект. Он оставил большой след в жизни страны и коренным образом изменил политическую ситуацию в мире. Однако этот проект также поглотил огромные ресурсы разоренного войной государства. Послевоенную нищету нашего народа следует объяснять не только военной разрухой, но и небывалой концентрацией материальных и человеческих сил Советского Союза на создание эффективного вооружения, в том числе и ядерного оружия. Мне даже представляется, что при изучении отечественной истории советскую атомную бомбу и все, что было связано с ней, необходимо выделять в отдельную большую тему, подобно тому, как это делается с коллективизацией, индустриализацией и освоением целины.

Мало кто знает, что именно харьковские ученые явились пионерами в разработке технологий атомного оружия. Еще в августе-октябре 1940 года в отдел изобретательства Красной Армии из Украинского физико-технического института (г. Харьков) был отправлен ряд заявок на изобретения, посвященные атомной бомбе и технологии ее изготовления. Это заявки В. Маслова и В. Шпинеля «Об использовании урана как взрывчатого и отравляющего вещества» и Ф. Ланге, В. Маслова и В. Шпинеля «Способ приготовления урановой смеси, обогащенной ураном с массовым числом 235. Многокамерная центрифуга». По иронии судьбы эти заявки были поданы слишком рано — не была готова еще советская военная мысль к таким способам ведения войны. Тогдашние научные авторитеты, в том числе и будущие участники Атомного проекта СССР, отвергли саму идею атомной бомбы. И лишь после взрыва американских атомных бомб в Японии харьковские изобретатели с опозданием получили авторские свидетельства. Произошло это только в декабре 1946 года.

Показательным является то обстоятельство, что автор данной книги учился как раз по соседству с УФТИ, который был построен в 1932 году на территории опытного поля Харьковского механико-машиностроительного института (позже — ХПИ), на котором испытывалась новая сельскохозяйственная техника. Даже забор не разделял тогда территории двух институтов. А весной 1946 года, уже за забором, постановлением Совнаркома, подписанного И. В. Сталиным, была организована Сверхсекретная спецлаборатория № 1, работавшая в рамках советского Атомного проекта.

Книга, несомненно, с интересом будет прочитана специалистами и любителями истории. В ней с документальной точностью излагаются этапы создания, изучения и освоения первых атомных бомб Советского Союза, убедительно отражена роль советской разведки в добывании американских атомных секретов, подробно анализируется противоречивая история лишения Украины ядерного статуса в 90-х годах прошлого столетия. Валентин, описывая один из этапов своей биографии, приводит небезынтересные подробности жизни секретного гарнизона того времени, показывает характеры и манеры поведения своих соучеников, сослуживцев и командиров — военных людей, нюхавших не порох, а атомные бомбы.

*А я теперь с полным основанием ожидаю очередную книгу
Валентина — уже о наших, общих с ним, странствиях.*

Юрий Ранюк всегда был удачлив в поисках античных амфор. Херсонес, 1965 г.

Валентин Вишневский специализировался на подводной фотографии. Херсонес, 1965 г.

От автора

В этой книге описываются дела полувековой давности. Казалось бы, такой большой срок, прошедший с тех времен, может снизить интерес к излагаемым событиям, отодвинуть их в тень более ярких событий последующих лет.

Но дело в том, что условия действительной и мнимой секретности, существовавшие в бывшем Советском Союзе, долгие годы не давали возможности даже в малой степени знакомить читающую публику с тем, что было связано со стратегическими вооружениями Советской Армии.

Создавалось парадоксальное положение: историю создания американской атомной бомбы мы знали больше, чем своей — советской.

Ученый-атомщик Ральф Лэпп^[1] в популярной форме рассказал в своей книге о создании в США атомного и термоядерного оружия, познакомил с основными физическими процессами, сопровождающими ядерные реакции и даже привел конструктивные особенности бомбы.

Роберт Юнг^[2] дал широкую картину атомных исследований в ведущих странах мира, в том числе, и в Советском Союзе.

Генри Киссинджер^[3] проанализировал влияние атомного оружия на внешнюю политику всех стран, обладающих ядерным потенциалом, подробно рассказал о советских бомбардировщиках — носителях атомных бомб и сравнил их с американскими.

Генерал Лесли Гровс^[4], отвечающий за безопасность Манхэттенского проекта, подробно и увлекательно изложил историю создания реальной атомной бомбы США.

У нас же только в последние годы, прорвав все запреты и преодолев комплекс самоцензуры, было издано несколько книг, предназначенных для широкого читателя, в которых повествуется о тайнах создания советского атомного оружия.

Станислав Пестов^[5] в жанре документального детектива рассказал об истории разработки и изготовления первых советских атомных бомб.

Новоселов В. Н. и Толстиков В. С.^[6] подробно рассказали о строительстве первенца атомной промышленности — химического комбината «Маяк» и уральского Атомграда — города Челябинск-40, позднее — г. Озерск. Это были первые заводы, производящие атомные расщепляющиеся материалы для атомных бомб.

Владимир Чиков^[7] впервые подробно и обстоятельно, основываясь на рассекреченном досье № 13676 КГБ СССР, рассказывает в своей книге о роли внешней разведки СССР в получении, транспортировке и использовании секретных материалов из лаборатории в Лос-Аламосе в США и ядерных центров Великобритании. Эти сведения помогли сократить время получения советской атомной бомбы и позволили намного уменьшить расходы на ее создание.

Эти интересные книги освещают, в основном, общую историю создания ядерной мощи СССР. В них рассказывается о колоссальной работе многих тысяч ученых, инженеров, военных, разведчиков по сооружению предприятий атомной промышленности, конструированию ядерного оружия, вкладе нелегалов в общее дело.

Последнее время стали появляться книги и статьи мемуарного характера авторов, которые работали с атомным оружием в непосредственном контакте. Таких воспоминаний немного, но они представляют особый интерес, ведь в них рассказывается о личном опыте и излагаются подробные впечатления очевидцев^[8].

Особо выделяется среди них книга Юлия Федоренко^[9], выпускника Харьковского политехнического института, который был разработчиком блока автоматики для подрыва бомбы. С 1955 по 1961 годы он работал в КБ-11 (Арзамас-16) и написал об этом свои интересные воспоминания.

Автору этих строк довелось быть участником событий начальных этапов оснащения Советского Союза атомным оружием. Это был тот период, когда Советская Армия принимала от Министерства среднего машиностроения первые серийные атомные бомбы.

Возникла необходимость подготовки специалистов разных профессий для работы с атомным оружием, чтобы обеспечить ими все арсеналы и ремонтно-технические базы армии и военно-воздушных сил.

Не секрет, что почти все технические военные учебные заведения бывшего Советского Союза имели военные кафедры. На них готовили специалистов воинских профессий и к окончанию учебы одновременно с дипломом инженера выпускнику присваивали офицерское звание.

Это был большой резерв военных специалистов, который можно было использовать в любое время. И это время, по мнению руководителей советского государства и Советской Армии, пришло, когда холодная война между Соединенными Штатами и Советским Союзом достигла предела.

На международном уровне противостояние США и СССР проявилось в создании двух военно-политических союзов. 4 апреля 1949 года США, Великобритания, Франция, Бельгия, Нидерланды, Люксембург, Канада, Италия, Португалия, Норвегия, Дания, Исландия подписали Североатлантический пакт — НАТО. В 1955 году к нему присоединилась Федеративная республика Германия. 14 мая 1955 года в ответ на создание НАТО был подписан Варшавский договор о дружбе и взаимопомощи между СССР, Болгарией, Венгрией, Германской демократической республикой, Польшей, Румынией, Чехословакией и Албанией.

Пользуясь преимуществом в численности атомных бомб и качестве самолетов-носителей, Соединенные Штаты к пятидесятым годам прошлого столетия в своей стратегической концепции пришли к выводу о возможности нанесения удара ядерным оружием первыми. По их расчетам это могло привести к победе над СССР всего за две-четыре недели.

Однако уже в мае 1954 года военные стратеги США были встревожены взрывом советской водородной бомбы и растущим арсеналом советского ядерного оружия.

В течение 1954–1955 годов СССР усовершенствовал свои стратегические бомбардировщики, которые теперь обладали способностью нанести ответный удар по территории США. Впервые роли поменялись, и американцы столкнулись с угрозой атомного уничтожения, с которой Советский Союз сталкивался в течение последних 15 лет. Вот тогда-то в светлых головах генералов из Министерства Обороны СССР и возник план привлечь на военную

службу выпускников технических вузов, бросив их на самые ответственные участки стратегического противостояния.

Из разных городов Советского Союза — Москвы, Ленинграда, Киева, Харькова, Свердловска и других — были призваны в Советскую Армию около 200 молодых инженеров самых разных специальностей — от химических и метеорологических до радиотехнических и электротехнических.

Большую часть из них стали готовить для работы с атомными бомбами, меньшую — для обеспечения полетов создающихся в то время стратегических ракет.

Тех, кто должен был осваивать ядерное оружие, послали на учебу в Крым. Остальные остались на переподготовке в Москве. В Крым поехали несколько десятков радиоинженеров, в том числе и автор этих строк.

Перед написанием этой книги передо мной встали два основных вопроса. Первый — надо ли вообще ее писать? Может ли она представлять какой-либо интерес для читателей, на которых в последние годы обрушилась лавина самой разнообразной информации? Второй — не нарушу ли я режим секретности, который, даже спустя полстолетия, прикрывает все, что связано с ядерным вооружением?

На первый вопрос я уже частично ответил в начале предисловия. Еще больше меня укрепила в необходимости написать эту книгу кем-то недавно высказанная мысль: события могут считаться историей, если они правдиво изложены очевидцами этих событий. И не так важна их значимость, главное, что они не искажены и не подвергнуты сиюминутным идеологическим требованиям.

Второй вопрос — о секретности — тоже, в определенной степени, находит ответ. Во-первых, любые технические секреты вряд ли способны выдержать временной интервал в пять десятилетий. Техника вооружений изменяется и совершенствуется очень быстро. То, что недавно было тайной, сегодня — лишь видимость ее, псевдотайна. Во-вторых, какие могут быть секреты от американцев, у которых, в основном, эти секреты и были позаимствованы? Есть сведения, что чертежи советской атомной бомбы американцы пытались даже подсунуть иранцам^[10]. В-третьих, нет уже той страны, которой мы

давали подписку о неразглашении. Да и самые крайние сроки этой подписки давно прошли.

Будет не лишним по этому поводу привести слова академика П. Л. Капицы: «Надо помнить, что, скрывая что-либо от других, мы прячем это также от самих себя... Засекречивание ни к чему не ведет, так как по существу оно даже невозможно в полной мере. Засекречивая, мы вредим себе больше, чем нашим недругам».

И такая точка зрения действительно существовала. Может еще и поэтому Петр Леонидович так и не был допущен Л. П. Берией к созданию советской атомной бомбы.

Основное содержание книги составляют мои личные воспоминания о службе в Советской Армии. Написана она тогда, когда взгляды на события тех лет претерпели серьезные изменения из-за ввода в широкий оборот новой, ранее закрытой, информации. Это не могло не отразиться на полноте изложения фактов и их оценки с позиций сегодняшнего дня. Но хронологию и правдивость событий я пытался максимально сохранить.

Для иллюстрации некоторых положений книги приводятся официальные тексты и документы, опубликованные в последние годы. Среди них встречаются малоизвестные и, возможно, спорные страницы истории создания атомного оружия. Но они существуют, и я посчитал уместным познакомить с ними любознательных читателей.

Я понимаю, что мои воспоминания во многом субъективны, не обладают необходимой полнотой изложения темы и, возможно, не исключают ошибок. Впрочем, другими они и не могли быть, так как смотрел я на события не с военно-политических вершин, где не считается грехом что-то приукрасить и что-то утаить. Смотрел я на них с самых должностных и профессиональных низов, где в те далекие времена всю работу совершали офицеры. Рядовых просто к ней не допускали.

Дорогие мои друзья! Многие из вас, кто упоминается в этой книге, находятся в добром здравии. Я заранее прошу у вас прощения за возможные неточности и субъективные оценки. Если что-либо покажется вам некорректным — берите ручку и садитесь за стол, напишите лучше и правдивее! В этом тоже состоит одна из задач этой книги.

Глава I

Призыв

Два атомных колосса, возвышающихся по обе стороны трепещущего от страха мира, обречены враждебно следить друг за другом неизвестно сколько времени.

Д. Эйзенхауэр, президент США.

Ядерное оружие, с моей точки зрения, — самый дешевый способ предотвратить любые угрозы, любые опасности. Ядерное оружие — это оружие и политическое. Оно заставляет возможного агрессора задуматься.

Ю. Трутнев, академик.

• Куда идти — в физику или в лирику? • Харьковский политехнический институт • Военная кафедра • Преддипломная

Этой книги могло и не быть, если бы не моя учительница по математике Александра Иосифовна Гринберг. Она преподавала алгебру и тригонометрию в выпускном десятом классе Харьковской 14-ой школы рабочей молодежи, что находилась на пересечении улиц Карла Маркса и Малиновского.

Я всегда успевал по математике, естественно, отношения между мной и учителем были уважительными и даже дружескими. Домашние задания выполнял всегда старательно и в полном объеме. Александра Иосифовна могла полностью положиться на меня и во время контрольных, и во время открытых уроков с участием проверяющих из района. Я всегда был готов выйти к доске и решить любую, даже самую сложную, задачу. Более того, как призналась мне позже моя добрая учительница, она иногда задавала задачи, в решении которых сама сомневалась. Одним словом, проблем с математикой у меня не было, и отличная оценка в аттестате зрелости мне была гарантирована.

Выпускной десятый класс 14-й школы рабочей молодежи. Во втором ряду вторая справа — моя судьбоносная учительница Александра Иосифовна, а я — слева вверху.

Успевал я также и по гуманитарным предметам: литературе и истории. В отличие от математики, я их еще и любил. Особенно —

историю, увлечение которой у меня проявлялось с раннего детства. Оно проходило в городе Одессе, на улице Мечникова в доме № 74, под которым располагались знаменитые катакомбы. Во дворе была еще «развалка» — остатки старинного дома, среди камней которого мне когда-то посчастливилось найти большой медный екатерининский пятак.

Два этих обстоятельства зажгли во мне огонек страсти любителя старины, который с годами не только не затухал, но иногда разгорался до размеров сознательного искателя древностей. Тогда я представлял себя то археологом на раскопках, то исследователем таинственных подземелий.

Но вихри военного лихолетья сорвали нашу семью из Одессы, покрутили по территории мнимой и действительной Румынии и опустили в Харькове, городе более прозаическом и далеком от исторических мечтаний. И все же, после окончания школы я собирался поступать на исторический факультет университета.

Однажды об этих планах узнала Александра Иосифовна. Она немедленно подловила меня в коридоре и запричитала:

— Валечка, что я слышала: это правда, что вы собираетесь стать историком? Миленький, у вас же прекрасные математические способности! Что вы делаете, вам прямая дорога в технический вуз! Скорее всего, школу вы закончите с золотой медалью, и вдруг — хотите поступить на исторический факультет. Туда же только троечникам дорога! Ваше будущее — престижные факультеты политехнического института: радиолокационный или инженерно-физический. Не делайте глупости, используйте ваше право поступить на эти специальности без вступительных экзаменов!

Так были брошены первые зерна сомнений, которые по мере приближения экзаменов стали прорасти и в конце концов дали неожиданные всходы. Школу я действительно закончил с золотой медалью и получил большой голубой лист, на котором слова «аттестат зрелости» были напечатаны золотом.

В 1950 году я стал студентом радиотехнического факультета Харьковского политехнического института им. Ленина. Это был первый набор в новый мегавуз, который накануне объединил Электротехнический, Химико-технологический и Механико-машиностроительный институты.

Здание электрокорпуса Харьковского политехнического института. 2008 г.

Нельзя сказать, чтобы я совсем был равнодушен к радиотехнике. В детстве я живо интересовался старинными радиоприемниками, лампы у которых стояли наверху деревянных ящиков. Их я охотно разбирал на детали, которые больше никогда не использовались по прямому назначению. Во время войны в селе Завадовка Одесской области я уже собирал детекторные радиоприемники. До сих пор помню то изумление, которое вызывали первые звуки в старинных карболитовых наушниках. На этом мой практический опыт в радиотехнике и закончился. Но осталась удивительная тайна распространения музыки и речи по эфиру без проводов. И эта тайна была сродни тайне исторического поиска.

Как бы там ни было, но радиотехника существенно и надолго потеснила в моей жизни историю. И только значительно позже им — радиотехнике и истории — суждено было встретиться.

Но об этом — потом, а пока я, гуманитарий в душе, стал осваивать радиотехнические дисциплины.

* * *

Обучение на радиотехническом факультете всегда было тяжелым, а с образованием ХПИ — вдвойне. Радиотехника требовала глубоких знаний многих разделов современной физики — науки, всегда трудной для многих, пытающихся ею овладеть.

Комплекс радиотехнических дисциплин базировался на трех фундаментальных курсах: теоретических основах радиотехники, теоретических основах электротехники и распространения радиоволн. Все они требовали основательных знаний высшей математики, которая читалась в двух курсах: дифференциальное и интегральное исчисление и аналитическая геометрия.

Создание политехнического института предусматривало также ряд общих инженерных дисциплин: сопротивления материалов, теоретической механики, теории механизмов и машин, начертательной геометрии, черчения, химии. Среди лекционных курсов во всех инженерных вузах были также: основы марксизма-ленинизма (незыблемые!), политэкономия, иностранный язык.

Особое и довольно серьезное место занимали занятия на военной кафедре (ее называли просто — спецкафедра). Начиная со второго курса, «военке» был посвящен один день в неделю. Здесь мы осваивали основную военную специальность — радиолокацию, именно то, чем меня прельщала добрая милая Александра Иосифовна. Заведующим военной кафедрой был генерал-майор Безрук А. Д. В зависимости от профиля факультета кафедра готовила также других военных специалистов: танкистов, химиков, дозиметристов.

Основам радиолокации учил нас майор В. И. Романов, а конкретным радиолокационным установкам — капитан Е. Я. Чепя. Читались также курсы тактики и топографии. Большое внимание уделялось изучению воинских уставов: строевого, дисциплинарного, внутренней службы, гарнизонной и караульной службы. Естественно, кое-что приходилось из них закреплять на практике. Для этого кафедра имела специальный плац, на котором мы отрабатывали строевой шаг, повороты и отдавание чести.

Но все же, основное внимание было уделено изучению радиолокационной станции кругового обзора SCR-584 и радиолокационным станциям орудийной наводки СОН-3К и СОН-4. На них же мы проходили практику во время летних военных сборов в 1952 году — в Воронеже и в 1954 — в Змиеве. В нашей студенческой жизни эти сборы запомнились замечательными приключениями, оставившими заметный след в памяти.

Лагерные сборы в Воронеже. Занятия по ориентированию на местности. 1952 г.

Чего стоило уже одно «облачение» в солдатскую форму с непременными кирзовыми сапогами. В ней мы сразу становились серой безликой массой, где индивидуальность не только не приветствовалась, но с удовольствием наказывалась. Все, начиная от командира части и кончая сержантом помкомвзвода, старались нам, студентам, как можно нагляднее показать, что воинская служба — не сахар. Сама практика в раскаленных на жаре радиолокаторах казалась им какой-то лишней и никчемной по сравнению с полевыми занятиями и вечерними «прогулками» строем и с песнями по стадиону.

Но сборы прошли, оставив в альбомах фотографии, а в памяти — забавные истории. Впрочем, все это не смогло поколебать моего восторженного мнения об армии, которое у меня сложилось еще в детские годы. Маршалы Ворошилов и Буденный были для меня самыми авторитетными и обожаемыми военачальниками Красной Армии.

Это объяснялось тем, что мне и маме довелось их увидеть воочию во время приезда в Одессу. Дело было задолго до войны, когда мне едва исполнилось четыре года. Они ехали в открытой машине по Дерибасовской улице, вдоль которой стояли толпы ликующих одесситов. Было лето, и наши прославленные маршалы были в белой форме. Машины медленно двигались по улице, сдерживаемые восторженными людьми. Они прорывались сквозь милицейское

оцепление и пытались вручить сидящим в машине цветы. В один из таких моментов, когда машина с Ворошиловым и Буденным остановилась, мама вместо цветов протянула Буденному меня. Он своей тяжелой рукой потрепал мои рыжие волосики, чем произвел неизгладимое впечатление на всю жизнь. В глазах моих запечатлелись только белая гимнастерка с большими золотыми звездами и громадные черные усы. Ворошилова я не запомнил, так как он сидел в дальнем углу автомобиля.

С тех пор имена прославленных маршалов помогали маме бороться с моей худобой, которую мама образно определяла: «ручки — вермишельки, ножки — макаронки». Когда уже нельзя было заставить меня есть манную кашу «за папу, за маму», она использовала свое коронное:

— А теперь, Валечка, съешь ложечку за Буденного.

Далее надо было также съесть и за Ворошилова, после чего уже никакая сила не могла меня заставить проглотить еще кусочек.

Вот тогда я решил стать командиром Красной Армии со звучным званием «майор». Позже на курточку мне мама пришила голубые петлицы с двумя темно-вишневыми «шпалами», которыми я очень гордился.

Надо отдать должное коммунистам, которые всю свою пропагандистскую мощь еще в предвоенные годы направили на создание привлекательного образа Красной Армии, Военно-Морского Флота и Военно-Воздушных Сил.

Миллионы подростков мечтали служить в армии, осваивали воинские навыки в пионерских лагерях, ОСОВИАХИМе, аэро- и морклубах. Я помню, как перед самой войной почти все мальчишки выпускного класса, в котором училась моя тетя Нина, поступили в военные училища. Помню, как они приходили к нам, щеголяя новенькой красивой формой. Один из них, Леня Агеев, во время войны стал Героем Советского Союза. Он уничтожил в воздушных боях множество немецких самолетов и вошел в летопись Отечественной войны. С какой завистью я смотрел тогда на его красные кубики в голубых петлицах и был совершенно уверен, что таким когда-то буду и я. Правда, еще больше мне нравилась морская форма.

Будущий Герой Советского Союза Леня Агеев с моей тетей Ниной Сосновой. Одесса 1940 г.

Даже война с немцами, когда мне, пацану, пришлось увидеть не только внешнюю, но и ее обратную сторону, не смогла рассеять героический ореол нашей родной Армии.

Армия пользовалась в народе уважением, граничащим с любовью. И дело, конечно, было не в форме, которая так нравилась молодежи. У войск НКВД форма была даже более яркой. Поэтому, как мне кажется, армию любили как бы в пику карательным органам. Уважительным отношением к армии люди бессознательно компенсировали бессильный страх и ненависть свою к тем, кто по ночам увозил в черных воронках родных и близких. В этом, по-видимому, тоже заключался источник любви к довоенной Красной Армии. К тому же, как известно, она первой приняла на себя удары сталинских репрессий.

* * *

Преддипломная практика проходила в г. Запорожье на радиозаводе. Позже он станет известным на всю страну своими автомашинами «Запорожец». Тогда же это был один из номерных заводов, выпускающих оборонную продукцию.

Дипломное проектирование я осуществлял на радиотехническом заводе (п/я 165) в Харькове. Он находился около так называемого

«конного рынка», а потому среди нас, студентов, фамильярно назывался «конным заводом».

Строевые занятия военной подготовке. 1952 г.

Тема дипломного проекта называлась бесхитростно и просто: «Колхозный радиоузел КРУ-200». Так же просто и прямолинейно я его и выполнил: из типовых проектов колхозных радиотрансляционных узлов взял схему и просчитал ее по ламповым характеристикам. Компоновку, устройство и внешнее оформление позаимствовал с собственного трофейного радиоприемника «Минерва».

Несколько смущала приземленность назначения моего дипломного проекта: никаких красивых слов типа «радиолокационная аппаратура», никаких таинственных деталей типа «клистрон», «магнетрон», никаких закрытых комнат для проектирования. Не было и неизбежных в таких случаях «прошнурованных, пронумерованных и скрепленных сургучной печатью» тетрадей.

Но зато была полная свобода в использовании рабочего времени и свободное посещение завода. А там, в лаборатории, к которой меня приписали, мой дипломный проект никого не волновал. У них были свои заботы, свои планы, свои сроки и свои неприятности. Чем меньше я там бывал, тем им было спокойнее. Я даже фамилию руководителя своего дипломного проекта не помню. Думаю, и он меня вряд ли помнил.

Во время преддипломной практики и дипломного проектирования произошло несколько событий, нарушивших спокойное течение моей заводской жизни.

В начале апреля 1955 года всех ребят нашего курса, прошедших курс обучения на военной кафедре, вызвали в отдел кадров института и выдали бланки анкет, в которых было множество вопросов биографического характера, но были и некоторые вопросы, повергшие нас в смятение. Требовалось ответить, не служили ли мы в муссаватистских и дашнакских организациях, белых армиях, не принимали ли участие в антипартийных оппозициях. И был уж совсем непонятный вопрос об участии в белорусско-толмачевской группировке.

Вопросы эти нас, молодых, удивили и даже рассмешили, но более старших по возрасту сокурсников — насторожили. Некоторые из них предприняли превентивные меры. Так Коля Малых 15 апреля женился на Ларисе Штернберг, чем сознательно подпортил свою биографию. Больше его не тревожили подозрительными анкетами.

Спустя какое-то время всех нас вызвали на медкомиссию Кагановичевского (теперь Киевского) райвоенкомата. Она располагалась в школе на Черноглазовской улице. Председательствовал тучный красномордый военком. Это насторожило не только «стариков», но и нас, молодых, никогда не служивших в армии.

Ромка Хорошавин пожаловался на то, что у него при длительной ходьбе на ноге вздуваются вены. На это военком ответил:

— Ничего страшного. В нашей армии сейчас ногами ходить не придется — все будут ездить или летать!

Тощий до неприличия Володя Кузнецов вышел из кабинета врачей и на наши вопросительные взгляды ответил:

— Здоров, как бык! — чем вызвал неудержимый взрыв хохота.

Медкомиссия проходила весело, сопровождалась шутками, остротами и особой тревоги почему-то не вызвала.

Но наши старослужащие, как мы их называли, те, кто успел послужить в армии, отнеслись к ней без особого веселья. Они чувствовали, что это не просто профилактическая медицинская комиссия. За ней скрывалось что-то большее, пока что неведомое, но от этого еще более опасное.

Вспомнили о том, что неспроста, начиная со второго семестра первого курса радистам повысили стипендию на 100 рублей. На всех

остальных факультетах она составляла 290 рублей, а мы получали 390 рублей.

Поговаривали, что эту доплату делает Министерство Обороны СССР. Тогда на это никто особого внимания не обратил: дают — значит так надо! Не отказываться же от лишних денег. Теперь эта прибавка не сулила ничего хорошего.

* * *

В начале мая нас, посещавших спецкафедру, вызвали в спецчасть института. С ней мне раньше не приходилось сталкиваться, так как я проходил обучение по специальности «радиосвязь». Спецчасть осуществляла контроль, в основном, за теми, кто был на «радиоаппаратуре».

Современный вид здания спецкафедры Харьковского политехнического института (военная кафедра). 2008 г.

Начальник спецчасти, некий Дворкин, собрал 28 человек в большой комнате и предоставил слово артиллерийскому подполковнику Романову, отрекомендовав его как представителя Министерства Обороны СССР. Подполковник, как это было принято, начал издали — со сложной международной обстановки:

— Темные силы империализма окружили Советский Союз плотным кольцом военных баз и только мечтают о том, чтобы развязать мировую войну. В ответ на эти агрессивные планы партия и правительство делают все, чтобы повысить обороноспособность

нашей страны. Создаются и совершенствуются новые виды оружия, воспитываются высококвалифицированные кадры, призванные овладеть новейшей боевой техникой.

Вы, закончившие курс высшей военной подготовки и освоившие радиолокационную технику, должны внести свой вклад в повышение обороноспособности Родины и исполнить свой гражданский долг. Сейчас вам присваиваются воинские звания и предлагается работа в кадрах Советской Армии. Работать будете по избранной вами специальности, а государство позаботится о том, чтобы вы ни в чем не нуждались. Жилье, форменная одежда и приличное денежное довольствие вам обеспечены. Для этого надо заполнить вот эти анкеты.

Речь подполковника была краткой и не требовала, как ему казалось, особых раздумий. Но подумать было над чем, так как в ней было много неясностей.

Во-первых, пугал резкий и неожиданный переход от привычной гражданской к незнакомой военной жизни. Во-вторых, неизвестно было, где служить, на каких условиях и в каком звании. И хотя предложение служить в кадрах Советской Армии не явилось полной неожиданностью, но мы все же были к нему не готовы. Особенно встревожились те из наших товарищей, которые не только служили в армии, но и повоевали на войне. Они только стали забывать об ужасах войны, охотно, хотя и тяжело, преодолевали трудности учебы, начинали строить свою мирную семейную жизнь, и тут им снова предлагают военную службу.

Поэтому наши старослужащие решительно отказались принимать и, тем более, заполнять анкеты. Мы, молодые, следуя их примеру тоже не выразили желания служить в армии.

Не знаю, ожидал ли представитель Министерства Обороны такого поворота событий, но он не растерялся. Напомнил, что мы, кроме всего прочего, являемся военнослужащими, и нас просто призовут на военную службу. А пока, для учета воинских специальностей, мы должны всего лишь заполнить анкеты и хорошо обдумать высказанные предложения.

Это был явный обман, но он сработал. Большинство молодых, в том числе и я, анкеты заполнили. Мысль работать в армии по специальности, именно работать, а не служить, не казалась мне неприемлемой. Более того, что-то в ней было даже привлекательным.

Событие это через какое-то время отошло на второй план, приближалась защита дипломных проектов. Одни старослужащие все еще протестовали, но уже не так решительно.

Почти перед защитой дипломов всех нас вызвали в Кагановичевский военкомат и зачитали приказ Министра обороны СССР Жукова Г. К. № 00106 от 11 июня 1955 года о присвоении нам воинского звания «младший инженер-лейтенант». Раньше на большее мы и не рассчитывали, но теперь, после предложения служить в кадрах, это нас огорчило.

* * *

27 июня 1955 года я успешно защитил дипломный проект и в качестве новоиспеченного радиоинженера поехал в отпуск к отцу во Львов. Он еще до войны обзавелся другой семьей, но родственные отношения со мной поддерживал.

Мой отец, Иосиф Викентьевич Вишневский с семьей. Львов, 1954 г.

Отец, Иосиф Викентьевич Вишневский, читал лекции в Львовском ветеринарно-зоотехническом институте. Был кандидатом биологических наук, доцентом кафедры зоологии. Вместе с ним и его семьей мы отправились на его родину — в город Каменец-Подольский, город Смотрич и село Новую Гуту. Здесь, в селе, в котором родился мой отец, я впервые встретился со своими родными тетками, сестрами отца — Настей, Милей и Югасей, познакомился с многочисленными родственниками.

Они радушно принимали ученого брата, оказывали ему всевозможные почести и все сокрушались, что такой важный человек, а ходит без шляпы.

С сестрами Эльвирой и Таней я прогуливался вдоль крутых обрывистых берегов реки Смотрич, любовался подольскими красотами, собирал в лесу грибы и ягоды. В Каменец-Подольском побывали в Старой крепости, замыкающей удивительную петлю реки Смотрич, внутри которой находится сам город. Обошли все башни и бастионы, постояли на высоком мосту, соединяющем крепость с городом. Посетили кафедральный собор, полюбовались пятиярусной армянской колокольной и турецким минаретом, на котором в знак торжества христианства возвышается Богоматерь.

Когда-то в 20-х годах отец учился в Каменец-Подольском на рабфаке. Он всегда с любовью вспоминал этот город и мечтал когда-нибудь в нем жить и работать. Но этому не суждено было сбыться.

Мой отпуск был прерван телеграммой, в которой предлагалось срочно прибыть в Харьков. Здесь нам в течение недели пошили в мастерской военторга шинели, кителя, брюки и выдали остальное необходимое обмундирование.

Части старослужащих — Пете Иванову, Славе Щербову, Юре Бутриму — удалось избежать армии. Некоторые — Виктор Бахарев, Виктор Караванский, Виля Яковчик — после большого сопротивления со своей участью смирились. Другие — Слава Магда, Юра Кобыляцкий, Глеб Лысов — нехотя согласились служить..

Пошитая форма, к нашему удивлению, оказалась летной: синие навывпуск брюки с голубыми лампасами, зеленый двубортный китель с голубыми петлицами и серебряными погонами. Белый нагрудный орел с перекрещенными молоточками и авиационная эмблема на петлицах не оставляли сомнения, что служить мы будем в авиации.

Форма мне, как отметили мои близкие, шла. Особенно фуражка с голубым околышем, с непривычки сдвинутая набок. Смущала только одинокая золотая звездочка на широком поле погон. Могли бы дать и побольше.

Отъезд в Москву был назначен на 8 августа. У меня на Холодной горе жил мой друг Юрка Демьяненко. В последние перед отъездом дни мы вместе с ним апробировали новую форму на знакомых холодногорских девушках и, как нам казалось, небезуспешно. Правда, она нас пока несколько стесняла, но в парк на танцы мы в ней все же сходили.

За день до отъезда мои родители устроили нам с Юркой проводы. Стол накрыли в саду под столетней грушей. Были и прощальные тосты друзей с улицы Ярославской, и наставления родителей, и печальный взгляд любимой девушки. Пели, танцевали и веселились почти до утра...

Все было бы хорошо, если бы мое доброе и любвеобильное сердце не сыграло со мной плохую шутку. На проводы, кроме ближайших друзей, я пригласил трех девушек, которые в разное время тревожили мою душу. Всех их, как мне казалось, я любил и они отвечали мне взаимностью.

Первой по значимости для меня среди них была соученица по десятому классу красавица Леннора, которая в то время заканчивала Харьковский театральный институт. Не уступала ей в привлекательности сдержанная и серьезная Таиса. Обаятельная и милая хохотушка Катя замыкала эту троицу, члены которой друг о друге до этого вечера ничего не знали. Под утро, когда пришло время расставаний, я, вопреки логике и ожиданиям, пошел провожать самую веселую и зажигательную Катюшу. Мне тогда не пришла в голову простая и естественная мысль: а как отреагируют на это мои другие симпатии?

Расплата была справедливой и быстрой. Когда я возвратился домой, мама, укоризненно качая головой, сообщила, что ее любимая Леннора, крайне расстроенная, ушла домой. И не просто ушла, а прихватила из моего альбома все свои великолепные фотографии, на одной из которых было написано ее рукой:

Ей захотелось вдруг без предисловья
Расцеловать его, растормошить,
И, не спросясь ни у кого, решить,
Что это называется любовью.

Так легкомысленно я потерял на долгие годы одну из самых верных подруг. К счастью, не навсегда.

Проводы в Армию на Холодной горе. Рядом со мной — красавица Леннора. Харьков, 1955 г.

* * *

В Москве наша команда во главе с Вилей Яковчиком, который еще во время войны был лейтенантом, прибыла по адресу, указанному в Харькове. Это было громадное здание, на стенах которого не имелось никаких вывесок. Позже мы узнали, что это — Министерство среднего машиностроения, название которого тогда нам, впрочем, как и многим непосвященным, ни о чем не говорило.

Яковчику предложили отвезти нашу команду в гарнизонную гостиницу Московского военного округа, что у станции метро «Сокол». Назавтра к девяти часам утра все мы должны были явиться на улицу Новорязанскую, 8А, около Комсомольской площади.

Ожидание назначения на Новорязанской улице, 8А. Москва, 1955 г.

В гостинице на «Соколе» собралось человек 200 младших лейтенантов. Это были такие же, как и мы, свежеиспеченные инженеры из разных технических вузов страны. Никто ничего не знал, да, по-видимому, и не интересовался. Многие, в том числе и я, впервые попали в столицу, и она занимала внимание больше, чем предстоящая служба. Мелькнула надежда, что мы останемся в Москве.

На Новорязанской, под стенами черных от времени бревенчатых домиков, мы прождали до 11 часов. Вышел мужчина в гражданской одежде и сказал:

— Кого я зачитаю в этом списке — ждите вызова, а кого нет, — поезжайте в Главное управление кадров Министерства Обороны.

Харьковчан, оказавшихся в списке, было примерно половина, остальные отправились в ГУК. Вскоре нас по двое провели через КПП и большой двор в здание, где в комнате 412 мы предстали перед полковником Чудиным. Полковник, грузный мужчина с тронутым оспинками лицом, в разговоры не вступал, а дал распоряжение выдать всем по 1200 рублей и 12 дней отпуска. После отпуска, в положенный день и час, мы должны были быть у такой-то кассы Курского вокзала. Нас там уже будут ждать.

Некоторые из наших ребят, успевшие обзавестись женами, сразу же отправились в Харьков. Я остался в гостинице на Чапаевской. Все эти дни мы проводили на выставках, ходили в театры, посещали рестораны и знакомых. К этому времени некоторые наши выпускники, получившие назначения на предприятия Москвы и Подмосковья, уже понемногу обживались в ведомственных общежитиях. Одним из таких был Боря Бабак, мой душевный друг, который оказался в Кунцево. Я с Юркой Демьяненко немедленно разыскал его в каком-то затрапезном общежитии, и остальные дни, по возможности, мы проводили вместе.

Тогда-то мы впервые посетили ресторан «Пекин» и отведали экзотической китайской кухни: вырезку с ростками бамбука и грибами «сянцоу», медузы с креветками под коричневым соусом, трепанг жареный с икрой каракатиц и ханджу «фэнь-цзю». Официант с удивленным сожалением смотрел на странных офицеров и удовлетворенно кивнул головой, когда мы в конце заказали еще и простую отбивную.

В Москве я впервые познал тяготы отдавания чести. Каждое козыряние было пыткой. Рука не поднималась к околышу фуражки,

при первой возможности я старался избежать встречи со старшими по званию.

И однажды попал в очень неловкое положение. Мне надо было купить в военторге на Калининском проспекте недавно введенные кокарды и зеленые галстуки. В самых дверях нос к носу встретился с сухоньким пожилым генералом. Почтительно уступил ему проход, прижавшись спиной к стене. И тут генерал берет под козырек и произносит:

— Здравия желаю, товарищ младший лейтенант!

Я обомлел и, с трудом приложив негнущуюся руку к фуражке, пролепетал:

— Здравия желаю, товарищ генерал!

Генерал улыбнулся, но ничего больше не сказал и пошел своей дорогой. Я же получил урок тактичности, который запомнил на всю жизнь.

В положенный день, в положенный час у одной из касс Курского вокзала нас ждал офицер с билетами. Мы приятно удивились, когда узнали, что путь наш лежит не просто на юг, а — в Крым. Быстро погрузились в поезд, разместились по купе и стали знакомиться с нашими коллегами из других городов. Настроение было хорошее, деньги еще были, а потому вскоре начались и возлияния. Среди радистов и электриков почему-то оказались выпускники Гидрометеорологического института из Ленинграда и химики из Пензы. Это, хотя и вызвало удивление, но не надолго. Вскоре все мы, соединенные общей судьбой, подружились.

В Джанкое была пересадка. Выяснилось, что путь наш лежит в город Керчь. В ожидании поезда сине-зеленая масса младших лейтенантов рассыпалась по привокзальным столовым и кафе. Некоторые даже сходили на танцплощадку, которая была рядом с привокзальной площадью. В одном из купе ехали выпускники радиотехнического факультета нашего института, закончившие курс на год раньше. Среди них я узнал Володю Ершова. Он ехал в команде штатских и военных, которой командовал молодой щеголеватый полковник. На расспросы о работе и месте службы они отвечали неопределенно и расплывчато.

Удалось только узнать, что они тоже едут в Керчь.

Глава II

Полигон

Прежде чем наша планета станет мертвым домом, она должна пройти стадию умалишенных.

А. Хаммер, предприниматель

До тех пор, пока последствия термоядерной войны представляются столь же угрожающими и противной стороне, обе стороны могут избежать катастрофы не посредством компромиссного урегулирования интересов, а путем взаимного устрашения.

Г. Киссинджер, государственный секретарь

• Полигон в Базерово • Первая встреча с «изделием» • Агрессивные планы США • Поездка на Азовское море • Концерт Л. Руслановой • Учеба и будни • Знакомство с Керчью • Снабжение от Музрукова • Принятие присяги • Парадоксы секретности

Утром в 5 часов сопровождающий нас офицер поднял всех на ноги, велел быстро собрать вещи и приказал выйти на платформу неведомой станции. Тусклый свет станционного фонаря осветил название — Багерово.

Нас встречал старший лейтенант, который без лишних слов и проверок повел нестройную толпу к ограждению из колючей проволоки. Я с удивлением заметил, что и Ершов со своими спутниками тоже направились к той же проходной. Возглавлял их все тот же моложавый полковник.

На КПП по списку у всех проверили документы, построили в колонну, и старший лейтенант повел нас по бетонной дороге вглубь городка. Здесь освещение было поярче, и справа от дороги мы увидели летнюю эстраду. Это был неплохой знак: культурная жизнь дала о себе знать громадной раковиной эстрады и рядами деревянных скамеек, выкрашенных в зеленый цвет.

Остановились мы около длинного приземистого барака. Этот одноэтажный, возможно, даже глинобитный барак с низкими окнами в шутку, как мы узнали позже, называли «гостиницей Серебровского». Здесь нам предстояло жить.

Так на рассвете 26 августа 1955 года около сотни недавних выпускников с разных городов Советского Союза начали свою армейскую службу на полигоне в Багерово. Нас, харьковчан, оказалось 11 человек: Виктор Бахарев, Костя Камплеев, Виктор Крыжко, Юра Кобыляцкий, Слава Магда, Виктор Караванский, Лева Рожков, Гриша Коваленко, Юра Савельев, Володя Кузнецов и автор этих строк — Валентин Вишневский.

Все мы разместились в одной, довольно просторной комнате, которую тут же окрестили казармой. Железные солдатские койки стояли в один ряд у стены с окнами. Между ними размещались допотопные тумбочки. Столы, стулья и скамейки тянулись вдоль другой стены. Несколько вешалок у дверей да портреты вождей завершали эту, более чем спартанскую обстановку.

Магда, Караванский, Кобыляцкий и я выбрали койки, стоящие рядом. У нас было много общих интересов. Мы сдружились еще в институте и часто составляли компанию для преферанса.

В этот же день состоялось общее построение, на котором мы познакомились с командованием. Перед нами стояло десятка полтора

офицеров, одетых в такую же, как и у нас, авиационную форму. Основную часть составляли майоры.

Вперед вышел невысокий курносый подполковник, который представился Николаем Васильевичем Шароновым. Он обвел наши ряды недовольным взглядом и сказал:

— Товарищи офицеры! Вы прибыли на один из полигонов Военно-Воздушных Сил СССР, где будете изучать и осваивать новую для вас, гражданских инженеров, технику. Мы с вами в разговорах будем избегать слова «полигон», заменяя его на более понятное — «гарнизон». В отсутствие командира сборов подполковника Шашанова заменять его буду я. Начальником гарнизона является генерал-майор Чернорез, а его заместителем по политической части — генерал-майор Петленко. Комендант гарнизона — подполковник Довженко, а помощник коменданта по охране режима — подполковник Фролов. Личности последних двоих надо знать особо, так как с ними вам придется сталкиваться в первую очередь и неоднократно. С преподавателями вы познакомитесь непосредственно на занятиях. Сейчас вам зачитают списки четырех взводов, которые будем, называть учебными классами, и назовут командиров взводов, — и завершил свою речь. — Занятия начнутся завтра!

Уже знакомый нам старший лейтенант стал повзводно зачитывать фамилии, предварительно назвав фамилию командира. В соответствии со списками, мы перестроились в четыре взвода.

Командирами взводов были назначены старослужащие из наших же рядов. Командиром нашего взвода, в который вошли все радисты, оказался Виктор Бахарев. Он был в институте старостой моей группы Р-10б. Нам повезло, что нашим старшим стал именно Бахарев — парень покладистый и скромный.

Командиром нашего взвода был назначен бывший староста группы Виктор Бахарев. 1953 г.

Командиром учебной роты назначили Виктора Боева, незнакомого нам курсанта. Настораживало его явно выраженное желание немедленно исполнять все приказы командования и подозрительно преданный взгляд.

Впоследствии он оказался исполнительным до глупости помощником командования и неизменной мишенью курсантов-острословов.

В первом взводе были инженеры-электрики, во втором — радиоинженеры, в третьем — инженеры-гидрометеорологи и в четвертом — инженеры-химики.

Такое распределение специальностей было логичным, хотя и вызвало некоторые вопросы, но оно так и не прояснило характер предстоящей учебы.

На следующий день нас на автобусах повезли вглубь городка, где на плацу стали обучать строевой подготовке. По мнению подполковника Шаронова, смотреть на наши штатские фигуры, облаченные в новенькую офицерскую форму, без слез и возмущения было невозможно.

Первый день мы отрабатывали отдачу чести в повседневной форме с брюками навыпуск. В последующие дни было приказано явиться на плац в аэродромной форме: бриджи, сапоги и портупья. Это нас несколько подтянуло, и мы с большим усердием принялись отрабатывать повороты, строевой и парадный шаг. Так прошло целых пять дней.

Первый выезд в город Керчь. 1955 г.

1 сентября в Доме офицеров перед нами выступил полковник Назаревский из Министерства среднего машиностроения. Это было уже второе соприкосновение с таинственным министерством. Но что из этого следует, мы по-прежнему не знали.

Полковник рассказал о том, что по инициативе Министра обороны маршала Жукова Г. К. решено влить в Советскую Армию новую свежую кровь — молодых инженеров, только что окончивших вузы. Партия и правительство отобрали лучших выпускников из разных городов и прикомандировали их к Министерству среднего машиностроения.

— Здесь, — продолжал полковник, — вам предстоит познакомиться с новейшей военной техникой. Как все новое в армии, она является особо секретной. В процессе прохождения военной подготовки на спецкафедрах вы уже знаете, что такое режим секретности. Сейчас вам предстоит познакомиться с тем, что называется военной и государственной тайной. Кто с нами, с нашей техникой соприкасается, тот уже наш на всю жизнь. Выхода есть два: или — в генералы, или — на тот свет. Третьего не дано. Это великая честь и доверие, которые вы должны оправдать!

В этот же день, выйдя на улицу после беседы с Назаревским, мы увидели высоко в голубом небе взрыв, оставивший после себя белое облачко. Наблюдавшие это явление преподаватели с улыбкой переглянулись, но никаких комментариев не сделали.

А нас по-прежнему тревожила мысль о том, какую же технику предстоит осваивать: радиолокации или радиосвязи.

3 сентября нас на автобусах повезли в производственную зону на объект 66. Миновав несколько КПП, мы выехали на аэродром. На площадках стояли несколько стратегических бомбардировщиков Ту-4, Ту-16 и Ил-28. Подъехали к небольшому двухэтажному деревянному домику. В классной комнате за простыми столами весь личный состав сборов поместился с трудом. Пришлось некоторым стоять вдоль стен.

Вперед вышел подполковник Шаронов:

— Пришло время ознакомить вас, товарищи офицеры, с предстоящей работой. Мы с вами будем заниматься атомными бомбами: изучением их конструкций, проведением проверок, оснащением и подготовкой к использованию. Слова «атомная бомба» вы слышите сейчас в первый и последний раз. Отныне вместо них мы будем применять слово «изделие». Всегда и везде! Это всем понятно?

Сообщение Шаронова всех потрясло. Ошеломило оно и меня. Даже во рту пересохло. Я предполагал все, что угодно, но только не это. Атомная бомба была понятием настолько отвлеченным, что невозможно было даже себе представить, что она может войти в мою жизнь.

Шаронов, по-видимому, почувствовал, что потряс нас своими словами, а потому объявил перерыв. Мы все еще не могли прийти в себя. Вопросов не задавали и только молча переглядывались.

После перерыва Шаронов рассказал о расписании занятий, порядке обучения и правилах ведения рабочих записей. Присутствующий здесь же офицер секретного отдела, старший лейтенант Цикарев, ознакомил с порядком получения, пользования и сдачи документов. Все инструкции, схемы и рабочие тетради имели гриф «Совершенно секретно. Особая папка» или попросту «СС ОП».

Посвящение в специальность было коротким, но впечатляющим. После этого мы поехали в городок, постепенно осознавая случившееся и обмениваясь впечатлениями.

На следующем занятии выяснилось, что каждый взвод будет иметь свою основную специализацию. Первый взвод — электрики — будет изучать электроавтоматику изделия. Второй взвод — радисты — будет осваивать радиолокационный высотомер, выдающий исполнительную команду на заданной высоте. Третий взвод — метеорологи — будут изучать барометрический высотомер того же

назначения. Четвертый взвод — химики — будет заниматься самой секретной и самой важной частью изделия — ее центральной частью.

На первом же занятии подполковник Шаронов познакомил нас с блок-схемой основных узлов изделия. Это сложное электронное устройство, призванное на заданной высоте вызвать обжимающий взрыв центральной части. Центральная часть, содержащая уран или плутоний, в результате этого достигает критической массы, и происходит разрушительный атомный взрыв. Об этом мы знали еще с курса физики, который нам читал профессор Корсунский М. И. Принцип действия атомной бомбы излагался также в некоторых переводных книгах.

Вот как описывал этот принцип Ральф Лэпп^[11] в книге, которую я уже упоминал. Первое издание ее было напечатано в СССР еще в 1954 году:

Принцип, на котором было основано действие «Толстяка»^[12], можно выразить одним словом: «имплозия». Даже спустя шесть лет после Хиросимы и Нагасаки этот термин оставался засекреченным...

Начнем с самого центра бомбы. Здесь располагалась полая плутониевая сфера размером, очевидно, не превышающим мяч для игры в бейсбол. В ее полости помещался бериллиевый шар, служивший источником нейтронов. Вокруг плутониевой сферы располагалась другая, очень большая сфера, состоявшая из тридцати шести очень точно обработанных блоков взрывчатого вещества, выполненных в форме линз. В каждой из этих тридцати шести линз помещалось для большей надежности по два детонатора, соединенных в единую электрическую цепь...

Проследим за тем, что происходит внутри атомной бомбы, постепенно идя от ее периферии к центру — заряду ядерного взрывчатого вещества, который, употребляя сравнение Оппенгеймера, подобен бриллианту, помещенному в громадный ком ваты. При одновременном взрыве всех детонаторов (а речь идет о синхронизации большой точности) мгновенная детонация взрывчатого вещества, превышающего по весу тонну, дает очень мощную

взрывчатую волну. Часть энергии этой волны будет направлена каждой линзой внутрь бомбы и сфокусируется в месте расположения заряда ядерного взрывчатого вещества. Все эти взрывные волны одновременно сойдутся в одной точке и сожмут полую плутониевую сферу вокруг бериллиевого шара, как какой-нибудь мячик для игры в пинг-понг. Неудержимо продолжая свой путь, волна направленного внутрь взрыва с огромной силой сдавит плутоний в массу, превышающую критическую. Под воздействием источника нейтронов начинается и с молниеносной быстротой, в течение одной миллионной доли секунды, завершается цепная реакция. Отливающий холодным металлическим блеском шар превратится в неистовствующий, раскаленный до температуры в несколько миллионов градусов, газ. Это и будет атомный взрыв.

Все это кажется очень простым, но на самом деле такая схема требовала точности синхронизации, которой еще не знала техника. Надо было обеспечить в абсолютно одно и то же время взрыв всех линзообразных блоков взрывчатого вещества. Форму линз следовало рассчитать и выполнить с такой точностью, как для оптических приборов. Кроме того, линзы из взрывчатых веществ можно было испытывать, только проводя реальные взрывы.

Если процесс имплозии будет проходить неправильно, и ударные волны достигнут центра бомбы не одновременно, симметричность действия всего устройства будет нарушена. В этом случае бомба хотя и разорвется, но вместо мощного атомного взрыва может получиться просто «шипение»...

Я привел эту выдержку из книги для того, чтобы подчеркнуть, что сам принцип работы атомной бомбы не стал для нас неожиданностью. Неожиданностью стало то, насколько совпадали открытые для всех материалы с реально существующими секретными конструкциями.

Вся сложность приведения в действие изделия (будем так его называть, памятуя слова подполковника Шаронова) заключалась в том, чтобы оно надежно обеспечивалось электропитанием в обоих рабочих состояниях. В первом — когда изделие находится в бомболюке

самолета и питается от его бортсети. Во втором — когда изделие, оторвавшись от самолета, находится в свободном полете и питается от собственных источников питания.

В последнем случае из аккумуляторов изделия формировался высоковольтный импульс, подаваемый на несколько десятков капсулей-детонаторов. Каждый из капсулей-детонаторов подрывал свою долю взрывчатки, свою линзу. Все они, как нам теперь уже известно, фокусировались на центральной части.

Команду на подрыв подавали два, независимые друг от друга канала: радиолокационный и барометрический. Оба они на заданной высоте своими исполнительными устройствами подавали высоковольтный импульс на капсули-детонаторы.

В процессе сборки, хранения и предполетной подготовки изделие необходимо систематически проверять на работоспособность.

Для этого существует множество приборов и устройств, объединенных в пульта управления, которые проверяют правильность сборки изделия, надежность работы электросхем, радио- и бародатчиков и узлов аварийного срабатывания. Во время проверок изделия на пультах управления и специальных стендах создаются условия, имитирующие транспортировку в бомболуке, свободном падении, достижении заданной высоты и момента взрыва.

Изучению десятков пультов управления и стендов проверки, их схем и соединений были посвящены многие часы занятий. Но в первую очередь надо было досконально знать конструкцию и схемы всех блоков, расположенных внутри изделия.

* * *

7 сентября нас привезли к высокому белому зданию, сложенному из железобетонных конструкций и именуемому объектом 70. К нему вела дорога, составленная из бетонных плит, которая заканчивалась большой площадкой. По ее краям стояли несколько деревянных скамеек, выкрашенных в голубой цвет.

Теперь об этом пишут...

71-й полигон

Решение о создании 71-го полигона для авиационного обеспечения ядерных испытаний было оформлено постановлением ЦК КПСС и Совета Министров СССР от 21 августа 1947 года и приказом Министра обороны от 27 августа 1947 г.

При выборе месторасположения полигона рассматривалось несколько вариантов, в том числе были предложения разместить полигон поблизости от места разработки и изготовления атомной бомбы, недалеко ВВС от Сарова. Однако по условиям безопасности и другим соображениям этот вариант не был одобрен.

Аэрофото Багерovo

Окончательным местом для 71-го полигона был определен район поселка Багерovo на Керченском полуострове в Крыму. Полигон был расположен в 14 км от Керчи на месте действовавшего здесь во время войны

полевого аэродрома. В этом районе преобладало значительное количество солнечных дней, это было существенно для обеспечения визуального наблюдения за испытываемыми объектами при траекторных измерениях. При этом учитывалось обеспечение безопасности испытаний и соблюдение режимных условий, а также возможность отчуждения для полигона значительной территории. Восточная граница полигона от поселка Багерово выходила к Азовскому морю в районе Чокракского озера, а западная — Казантипскому заливу.

Приказ главкома ВВС о формировании 71-го полигона как воинской части 93851 с его штатной структурой был подписан 10 ноября 1947 г.

Первым начальником полигона был назначен энергичный обладающий опытом руководства большими коллективами и ведения боевых операций генерал-майор авиации, Герой Советского Союза Комаров Георгий Осипович.

На долю руководства полигона выпала необычайно сложная и ответственная задача по строительству необходимых производственно-служебных сооружений, созданию казарменного и жилого фонда для личного состава и многих других объектов. Необходимо было уже следующего 1948 г приступить к летным испытаниям разрабатываемых изделий.

К первоочередным объектам строительства относились:

- сооружение взлетно-посадочной полосы (ВПП), стоянки для самолетов и командного пункта управления полетами;

- приспособление оставшихся полуразрушенных сооружений и строительство вновь лабораторно-испытательных объектов для проведения наземных испытаний изделий и подготовки их к летным испытаниям при сбрасывании с самолетов;

- строительство цели для бомбометания и пунктов внешнетраекторных измерений;

— прокладка от ближайшей станции железнодорожных путей к разгрузочной рампе и складам горюче-смазочных материалов.

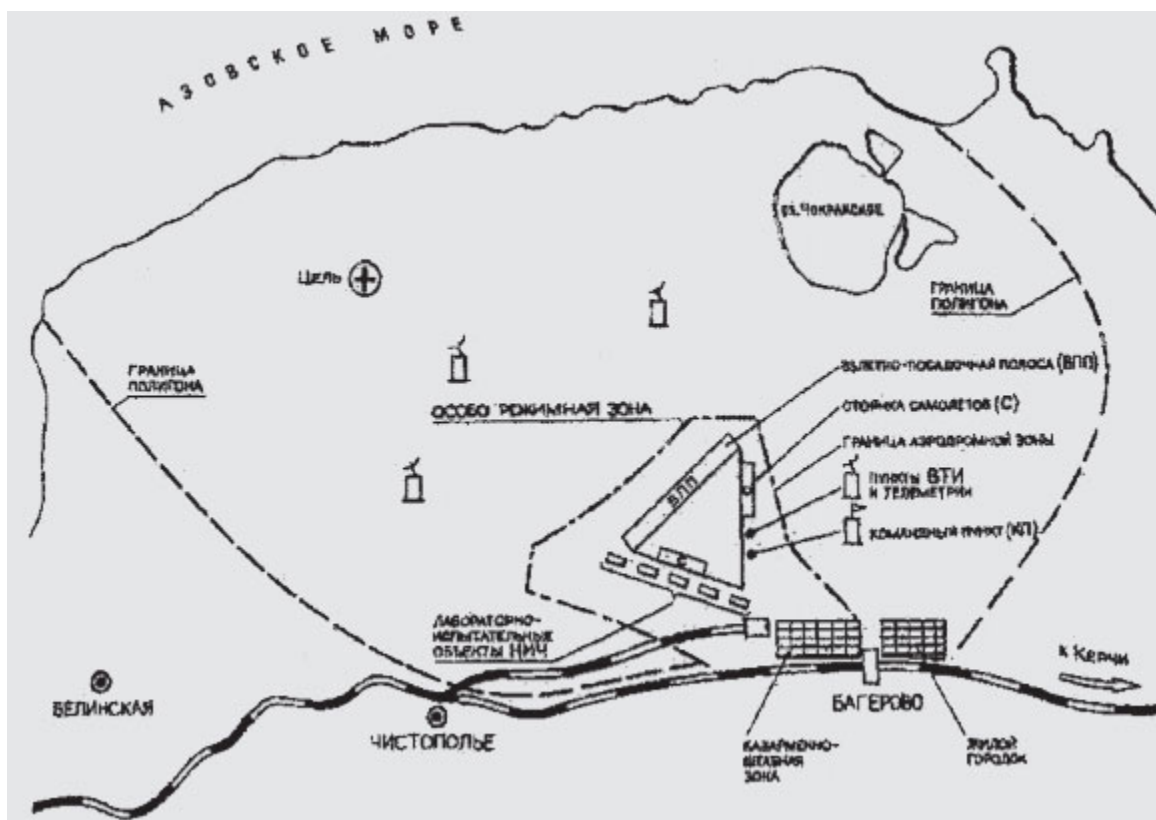
Параллельно с этим велось строительство казарм, жилья, объектов соцкультбыта, электро- и водоснабжения, отопления. Были построены солдатский клуб и гарнизонный Дом офицеров на 620 мест, две гостиницы, госпиталь и поликлиника, четыре магазина, образцовая средняя школа, детский сад, пионерский лагерь на 200 мест.

Как и на аналогичных объектах, связанных с реализацией атомного проекта, в гарнизоне осуществлялся строгий отбор кадров, были ограждены служебная и жилая зоны с введением особого пропускного режима. В первые годы действовали ограничения по переписке, проживанию членов семей как в гарнизоне, так и близлежащих поселках и г. Керчи.

Инженерно-авиационной службе полигона приходилось организовывать работу в специфических условиях, обусловленных многообразием обслуживаемой авиационной техники и повышением требований обеспечения безаварийности полетов во избежание возникновения ситуации с катастрофическим исходом. Принятие мер по безусловному выполнению этих требований усиливалось сознанием того, что существовал в то время и неусыпный контроль соответствующих служб аппарата Берии.

В 1972 г. 71-й полигон прекратил свое существование как самостоятельная организация и по директиве Генерального штаба Министерства обороны был реорганизован в 10-е Управление при ГНИИ ВВС с дислокацией в районе п. Ахтубинска.

Интернет, <http://bagerovo.narod.ru>

План полигона 71 ВВС

Навстречу вышел майор Бугаенко в аэродромной форме. Такую же форму приказано было одеть и нам. Майор выглядел деловито и торжественно. Мы прошли через небольшой тамбур, у дверей которого стоял часовой, и зашли в большой зал. Высокие белые стены вверху заканчивались широкими окнами из прозрачных кубиков голубоватого стекла.

Вдоль стен стояли многочисленные шкафы на колесиках, столы с приборами и стулья. Это, очевидно, и были те пульта и стенды, о которых нам уже рассказывали на занятиях, и схемы которых мы уже начали изучать.

Наше внимание сразу же обратили на себя две тележки на толстых шинах, стоящие посреди зала. Обе они были накрыты брезентом, который скрывал что-то округлое спереди и прямоугольное — сзади. Высота тележек была чуть выше роста высокого человека. Мы смотрели на эти тележки, не отрывая глаз. Еще вчера подполковник Хихоль намекнул нам, что завтра мы познакомимся с самими изделиями.

Майор Бугаенко вместе с другим майором, которого мы увидели впервые, уверенными движениями сбросили брезентовые чехлы, и перед нами открылись две разные по конструкции атомные бомбы.

Они поблескивали темно-зелеными боками, на которых размещались многочисленные круглые лючки и крепились какие-то блоки. Оба изделия заканчивались четырехлопастными стабилизаторами. Их аэродинамические формы отличались друг от друга: одна была более округлая, отчего казалась короче, другая — более стройная и продолговатая, обе были одной и той же длины.

— Товарищи офицеры! — торжественно провозгласил майор Бугаенко. — С этого момента вы допущены к общему виду изделий. Это является одним из секретных допусков, который дается только по особому приказу компетентных органов. Не каждый летчик имеет возможность видеть изделие без чехла. Эта возможность предоставляется только командиру самолета и штурману. Тому штурману, который по команде командира корабля нажимает кнопку сброса изделия. Тому, который, в сущности, поражает противника этим оружием. Часовой, который охраняет эти изделия, никогда не видел и не увидит их. А если случайно он увидит их внешний вид, то будет иметь большие неприятности, вплоть до суда.

А теперь — к делу. Изделие, которое выглядит потолще, называется «изделие 513» или, как мы говорим, «тройка». Которое потоньше — «изделие Т-514» или «четверка». Еще за ним закрепилось название «Татьяна». Оба изделия имеют одинаковую мощность, которая приблизительно равняется мощности бомб, сброшенных на Японию: 20 000 тонн тринитротолуола или попросту — 20 килотонн.

«Тройка» являет собой один из первых вариантов, «четверка» — более усовершенствованный вариант, о чем свидетельствует ее более удобная аэродинамическая форма.

Вы уже знакомы со схемами блока автоматики, радио- и бароканалов, так что пора ознакомиться с конструкцией основных блоков изделия на реальных образцах.

Поздравляю вас с сегодняшним знаменательным днем, и — за работу, товарищи офицеры!

Одно из изделий было быстро и ловко зачехлено, а другое — толстую «тройку» — стали готовить к разборке. На специальном столике появился набор сверкающих хромом ключей и

приспособлений. Незнакомый майор, который оказался постоянным служителем этого здания, торцевым ключом начал быстро вывинчивать с передней части изделия потайные болты. Через какое-то время полусфера отошла от корпуса, как дверца, и открыла внутренности изделия. Меня обволокло необыкновенным запахом, который и раньше ощущался по всему залу. Это был запах краски, лака и аптеки, который, раз вдохнув, невозможно было забыть никогда.

У меня на запахи особая память. За годы жизни их собралась целая коллекция. Помню, как пахнет советское военное снаряжение — потом, хлебом и махоркой. Немецкое — кожей, эрзац-кофе и сигаретами. Румынское — табаком, мамалыгой и дешевым одеколоном. Оружие всегда пахнет краской, маслом и порохом. Но во всех этих запахах ощущается запах живого человека — солдата. Запах же атомной бомбы совсем другой. Подобный запах несколько лет позже я ощущал от акваланга. И в том, и в другом случае в нем совсем отсутствует человеческий запах. В нем для него нет места. Этот неповторимый запах будет ощущаться во всех помещениях, хранилищах и даже на открытых площадках, которые имеют хоть какое-то отношение к изделиям.

Прошло много лет, но запах атомной бомбы иногда возникает в памяти при контакте с самыми разнообразными предметами, в самых неожиданных местах. Так он, спустя годы, неоднократно всплывал во время дальнего плавания по Тихому океану на научно-исследовательском судне «Валерьян Урываев». Но это было уже позже...

Через хитросплетение кабелей и проводов проглядывал черный шар тротилового заряда. В некоторых местах на нем, как прыщи, сидели капсули-детонаторы. Их было тридцать два.

— Это и есть главные исполнители задума тех, кто создал это устройство, кто подготовил его к использованию и тех, кто примет решение о его взрыве. Именно они, капсули-детонаторы, должны мгновенно и целенаправленно обрушить силу ударной волны тротилового заряда на центральную часть изделия, — торжественно провозглашал майор Бугаенко. — Подчеркиваю — мгновенно, за доли микросекунды и без никакого разброса во времени. Вот тогда и возникнет атомный взрыв с максимальным коэффициентом полезного действия.

Пусть вас не смущает выражение — коэффициент полезного действия, так как то, что врагам на смерть, нам — на пользу. Правда, один физик, по фамилии Ландау, упорно говорил не «коэффициент полезного действия», а «коэффициент вредного действия» бомбы. Но это — не для нас.

Через какое-то время таким же способом, как передняя, была открыта хвостовая часть изделия. В ней размещалось что-то напоминающее цилиндрическую бочку желтого цвета, от которой вглубь уходило несколько кабелей.

— Это блок автоматики, основное назначение которого — формировать высоковольтный заряд для подрыва изделия. Для этого постоянное напряжение аккумуляторов, которые размещаются вот здесь, в стабилизаторах хвостовой части, преобразуется в высокое напряжение и в виде импульса поступает на капсули-детонаторы.

Майор обошел бомбу вокруг, похлопал указкой по ладони и хитро спросил:

— Кто же определяет то мгновение, когда должна сработать вся эта сложная начинка? Скажу сразу — это мгновение, а точнее — высоту подрыва — устанавливают еще во время подготовки изделия, на земле. А исполнительная команда подается вот этими двумя блоками — высотомерами, действующими независимо друг от друга. Это барометрический и радиометрический датчики высоты.

Первый определяет ее по изменению атмосферного давления, которое меняется в зависимости от высоты. Второй — по скорости прохождения радиоимпульса к поверхности земли и обратно.

В зависимости от рельефа местности, метеорологических условий и, конечно же, характеристики цели поражения, высота может устанавливаться в широком диапазоне. Для наших учебных задач мы будем ее принимать в 400–600 м.

— А что это за устройства в передней части изделия? — спросил один из курсантов. — Одно в центре и несколько — по бокам?

— Это вспомогательные блоки подрыва изделия в том случае, если не сработают баро- и радиоканалы и изделие упадет на землю. Как это ни удивительно, но теория вероятности этого не исключает. Впрочем суровая практика эту невероятную возможность должна исключить: изделие все равно должно взорваться. Для этого в центре выступает наружу главный контактный узел — ГКУ, а по бокам —

боковые контактные узлы — БКУ. При ударе изделия о землю они замкнут контакты резервной системы подачи импульса на капсюли-детонаторы. Но, упаси Боже, если когда-либо это случится в вашей практической работе. Пока, насколько мне известно, такого не бывало.

Мы подошли к хвостовой части изделия, где в четырехлепестковом стабилизаторе на отдельных полочках были закреплены два черных аккумулятора. Их почти обычный автомобильный вид по сравнению с другими узлами был мирным и успокаивающим.

После знакомства с «тройкой» мы ознакомились с внутренностями «четверки», которая почти ничем, кроме формы, от нее не отличалась.

— А теперь познакомимся со стендами проверки изделий на работоспособность и нормальное функционирование всех блоков в комплексе. Это ряд пультов управления и контроля, которые имитируют на земле все то, что происходит с изделием во время транспортировки в самолете и свободном падении.

Вам предстоит знать их электрические схемы, кабельные соединения, представлять их взаимодействие с изделием, понимать их работу и уметь мгновенно ориентироваться при возникновении непредвиденных ситуаций. Ваша работа именно и направлена на то, чтобы этих ситуаций не было.

В нашем деле должна быть стопроцентная конечная надежность. Не обязательно — больше, но ни в коем случае — не меньше, — майору нравилась роль лектора, и он с удовольствием ею пользовался.

А стендов было много, почти полтора десятка. Все они были установлены на колесиках, что давало возможность перемещать их по всему залу.

В этот день мы только познакомились с внешним видом и внутренним устройством двух изделий, состоящих на вооружении Советской Армии и известных как РДС-3 и РДС-4. Увидели стенды проверок и узнали их назначение. С уважением и опаской посмотрели на гору инструкций и схем, которые в последующие дни предстояло изучать.

Вскоре у нас появился новый командир сборов. Это был инженер-подполковник Князев Валентин Никанорович. Он отличался от других офицеров тем, что выглядел как-то по-штатски: шинель висела на его

высокой и худой фигуре, словно пальто. Внимательный взгляд серых глаз располагал к спокойному разговору и не вызывал излишнего трепета и беспокойства. Раньше он был преподавателем в одном из высших военных училищ города Харькова.

Будучи опытным инженером и преподавателем, он занимался, в основном, учебным процессом и в дисциплинарные дела не вмешивался.

Этими вопросами по-прежнему занимались Шашанов и Шаронов. К нам, молодым инженерам, Князев относился с уважением и вниманием, старался вникать в наши проблемы и никогда ни на кого не повышал голос. Его уважали, хотя и побаивались. Известно, что суетливое и крикливое начальство опасно в краткосрочном плане, когда подчиненный попадаете ему под горячую руку. Спокойное и молчаливое — всегда более непредсказуемо, и его гнев может иметь более серьезные последствия.

* * *

На утреннем построении командир роты Боев объявил, что сегодня лекцию «О новом в военной науке» прочитает начальник политотдела гарнизона генерал-майор Петленко А. Д.

В актовом зале Дома офицеров собрался весь личный состав вместе с командованием сборов и несколько летчиков гарнизона.

На трибуну вышел высокий плотный генерал. На его груди выделялись несколько рядов орденских колодочек. Говорили, что во время Отечественной войны Петленко был хорошим летчиком, сбившим несколько десятков немецких самолетов. На загорелом лице играла приветливая улыбка, которая исчезла при первых же словах:

— Товарищи офицеры! Мы живем с вами в непростое время. Международный империализм во главе с Соединенными Штатами Америки всеми способами старается уничтожить первую в мире страну рабочих и крестьян — наш Советский Союз. С этой целью американцы сосредоточили вокруг нашей страны свои многочисленные военные базы. С запада на нас направлены самолеты и ракеты с атомным оружием, дислоцированные, в основном, на территории Федеративной Республики Германии. С юга на нас смотрят

ракеты НАТО, расположенные в Турции. С севера, через полюс, американские агрессоры угрожают нашим городам своими межконтинентальными ракетами. Не является безопасным и Дальний Восток, где в водах Тихого океана плавают корабли и подводные лодки наших потенциальных врагов.

Партия и правительство делают все, чтобы остановить зарвавшихся агрессоров. Но наша оборона должна быть не только несокрушимой, но и активной. В концепцию активной обороны входит нанесение упреждающего удара по врагу. Если мы видим, что агрессивные действия Америки и ее сателитов неизбежны, мы должны, мы просто обязаны нанести упреждающий удар по агрессору. Упреждающий удар, нанесенный внезапно и вовремя, дает победу даже слабому нападающему.

Что же остается делать нашей славной Советской Армии и Военно-Морскому Флоту? Только одно — крепить оборону и совершенствовать оружие сокрушительного ответного удара.

Наши военные теоретики уделяют много внимания разработке концепции упреждающего удара, о чем вы можете прочесть в журнале «Военная мысль» в номерах 2 и 3 за 1955 г. А мы, практики, должны быть всегда готовы нанести этот удар стремительно и всепокрушающе всем арсеналом оружия, которое доверила нам Родина. Это оружие надо знать досконально и применять его быстро и эффективно.

Вот тут иногда спрашивают: в чем же отличие упреждающего удара от агрессивного нападения? Это вопрос неправильный, так как свидетельствует о непонимании отличия между справедливыми и несправедливыми войнами, о которых так доступно и всеобъемлюще писал великий Ленин. Читать надо классиков марксизма-ленинизма, и тогда будет все и всем понятно!

Все же генералу Петленко пришлось снова разъяснять отличие упреждающего удара от агрессии. Его наши вопросы явно раздражали, так как он и сам чувствовал весьма сомнительную и условную разницу между ними. А младшие лейтенанты, которые еще не научились робеть перед генералом, не унимались и перешли к тезису активной обороны.

— В истории Великой отечественной войны пишется, что в 1941-42 годах наши войска использовали активную оборону, чтобы измотать противника. Действительно ли специально были применены планы

активной обороны, которая привела к тому, что наши войска отступили до берегов Волги? — спросил Виктор Караванский.

— Никаких таких планов активной обороны не было. Был фактор внезапности нападения гитлеровской Германии на Советский Союз, который и привел к временным неудачам. Головы надо было бы посрывать тем деятелям, которые якобы разрабатывали такие планы. Вероломное нападение — это действительно разработанный немцами план. — горячился генерал.

— Так может Гитлер нанес упреждающий удар и получил от этого все преимущества в начале войны? — не унимался Виктор.

— Нет, это была чистой воды агрессия, и об этом тоже надо было бы знать. Я вижу у вас с политической подготовкой, товарищи курсанты, не все в порядке. Подполковник Шашанов, надо ввести в курс обучения политико-воспитательные занятия. А то так, черт знает до чего можно договориться.

— А почему об упреждающем ударе заговорили только после января 1955 года? Что изменилось в мировой политике? — спросил очередной курсант.

Теперь об этом пишут...

Вверх по ступеням безумия

В послевоенный период военно-политические стратегии и концепции США неоднократно изменялись. На разных этапах противостояния с Советским Союзом эти стратегии имели названия: «превентивная война», «сдерживание», «массированное возмездие», «реалистическое сдерживание», «прямое противоборство». Исходя из цели и возможностей, США разрабатывали различные планы ядерного нападения под самыми экзотическими наименованиями.

Профессор ядерной физики Нью-Йоркского университета Митио Каку и профессор физики Мичиганского университета Дэниел Аксельрод выпустили книгу «Одержатъ победу в ядерной войне: секретные военные планы Пентагона». В ней они прослеживают более

чем 40-летнюю историю эволюции ядерной стратегии США, начиная с атомной бомбардировки Хиросимы и Нагасаки и кончая доктриной ведения «затяжной ядерной войны».

Вскоре после окончания второй мировой войны, в июне 1946, года Комитет начальников штабов (КНШ) завершил разработку первого подробного плана ядерного нападения на СССР под названием «Пинчер». В случае войны «Пинчер» предусматривал нанесение ядерного удара 50 атомными бомбами, которые уничтожили бы 20 советских городов.

Главными мишенями «атомного блицкрига» с использованием десятков бомбардировщиков В-29 были выбраны районы вокруг Москвы, нефтяные промыслы Баку и уральский промышленный район. Первостепенной задачей «Пинчера» было сокрушить Советский Союз или же, как минимум, заставить его капитулировать на приемлемых для США условиях.

В 1948 году появился план «Бушокер», логическое продолжение «Пинчера». В нем излагались «планы оккупации Советского Союза» и уничтожения «большевистского контроля». В плане особо подчеркивалось, что оккупации СССР должна предшествовать такая ядерная атака, которая «обезглавила бы его систему руководства, и, в первую очередь, коммунистическую партию, и таким образом парализовала бы советские вооруженные силы».

В конце 40-х годов появился план «Бройлер», который в случае войны предусматривал нанесение ударов по 24 советским городам 33 атомными бомбами. Позже он трансформировался в план «Сиззл», согласно которому на Москву предполагалось сбросить восемь, а на Ленинград — семь атомных бомб.

Испытание Советским Союзом атомного оружия в 1949 году положило конец американской монополии на атомную бомбу. Теперь США не хватало сил, чтобы уничтожить Советский Союз или помешать ему нанести ответный удар.

КНШ проинформировал Пентагон, что США должны произвести 400 атомных бомб, равных по разрушительной

мощи бомбе, сброшенной на Нагасаки.

Именно для исследования возможной войны с Советским Союзом, включающей атомное нападение в 1956–1957 годах в 1954 году был разработан план «Дропшот». Этот план содержал вывод о том, что ядерное нападение на Советский Союз в середине 50-х годов может привести к решающей победе всего за две-четыре недели. Удар должен был наноситься 300 атомными бомбами, сброшенными на 200 целей в Советском Союзе.

Министр обороны США Роберт Макнамара позже признавался: «В 50-х годах Соединенные Штаты планировали использовать атомные бомбы практически по образцу стратегических бомбардировок времен второй мировой войны — для нанесения ударов по городам и промышленным предприятиям противника, т. е. по его военному потенциалу».

Однако в течение 1954–1955 годов СССР усовершенствовал новое поколение стратегических бомбардировщиков, которые обладали способностью нанести ответный удар по территории США.

Впервые в современной американской истории иностранная держава могла перенести войну прямо в сердце Америки, нанеся небольшой, но парализующий ответный удар. Впервые роли поменялись, и США пришлось встать перед лицом угрозы атомного уничтожения, с которой Советы сталкивались в течение последних 15 лет.

По материалам «Известия» 29.06.87. «За рубежом» № 5. 1987.

— А то изменилось, что при планировании политики госдепартамента США в 1953 году Комитет начальников штабов заявил, что противником считает всех без исключения коммунистов и требует подвергнуть атомному уничтожению все советские и китайские вооруженные силы на Дальнем Востоке. Американцы считают, что удар должен наноситься 300 атомными бомбами, сброшенными на 200 целей в Советском Союзе. У них даже план

специальный разработан для этого — «Дропшот» называется. Так что история и прогресс нас простят, если мы вынуждены будем нанести упреждающий удар. И давайте об этом больше не рассуждать. Мы все военные, и, если будет дан приказ ударить первыми, мы ударим всей нашей мощью. И никаких сомнений ни у кого быть не должно, — подытожил генерал Петленко.

Расходились мы из Дома офицеров в смятении: одно дело — готовить атомное оружие, совершенствовать его, но не применять, другое дело — наносить, так называемый, упреждающий удар, т. е. начинать мировую войну.

Понятие «упреждающий удар» просуществовало недолго. В «Советской военной энциклопедии» 1976–1980 годов о нем не упоминают.

* * *

Жизнь за несколькими рядами колючей проволоки без права покидать территорию городка угнетала и настраивала на невеселые мысли. Из развлечений было только кино в Доме офицеров, игра в карты и дружеские посиделки. Чтобы посиделки напоминали студенческое прошлое, кто-то отправлялся в гарнизонный магазин и приносил бутылку водки и нехитрую закуску.

В таких комфортабельных «сталинских» домах жили офицеры полигона. Фото 2006 г.

В магазине, кроме обычных продуктов, всегда были охотничьи сосиски и голубые банки сгущенного молока. Охотничьи сосиски были прекрасного качества: сухие, душистые и очень вкусные. Закусывать ими было одно удовольствие. Сгущенку употребляли в качестве десерта. Когда одно и другое стали приедаться, Костя Камплеев предложил макать сосиски в сгущенку:

— Я всегда считал, что сочетание разных по своей природе продуктов, если ты не консерватор и творческий человек, может создавать необыкновенные вкусовые ощущения.

Костя двумя пальчиками погрузил сосиску в сгущенку, осторожно вынул ее, накручивая густую белую ленту на коричневую палочку, и ловко отправил свое изобретение в рот.

— У тебя, Кот, просто извращенный вкус. Я сладостями водку не закусываю. Для этой цели нет ничего лучше соленого огурчика, — мечтательно протянул Караванский.

— Отчего же, Витя? Мой дед, Феокист Васильевич, любил, к примеру, пить сладкий чай с селедкой, — вспомнил я. — В этом что-то есть.

— Поневоле станешь экспериментатором, если в магазине все время одни и те же продукты, — сказал Магда.

Как бы там ни было, но охотничьи сосиски со сгущенкой еще долго были нашей фирменной закуской.

А потом вдруг в магазине появились греческие маслины в банках. Харьковчане, в отличие от южан, не очень хорошо представляли их гастрономические качества. Но из любви к новому почти каждый принес по банке маслин.

Крыжко первый открыл банку и положил в рот блестящую черную ягоду. Лицо его сморщилось в гримасе, и он сразу же выплюнул экзотику в ладошку:

— И эта дрянь кому-то может нравиться? — потянулся он к банке. — Сейчас я ее вышвырну на улицу.

— Остановись, темнота, — остепенил его я, — не отвергай того, чего никогда не вкушал. Это деликатес, к которому надо привыкнуть. Давай банку мне.

Крыжко охотно отдал банку, которую я тут же поставил в тумбочку. Не понравились маслины и большинству других харьковчан. В результате у меня скопилось несколько банок этих замечательных

ягод, которые я, одессит, любил еще с детства. Долго еще я и Славик Магда, который тоже знал толк в маслинах, с удовольствием закусывали водку, вместо сосисок со сгущенкой, сочными солоноватыми ягодами.

Командование, видимо, обратило внимание на однообразное и пагубное для дисциплины свободное время и решило сделать нам сюрприз — организовать поездку на Азовское море.

В один из солнечных дней к казарме подъехало несколько бортовых автомашин. Командиры взводов рассадили курсантов по кузовам, и небольшая колонна отправилась через дальнюю проходную в сторону моря.

Дорога прямой линией тянулась по равнине, поросшей мелким кустарником и пожухлой травой. Где-то вдали желтели невысокие холмы. Слева сверкнула гладь бесконечного Чокракского озера, над которым летали стаи чаек.

За всю дорогу не встретилось ни одного человека, ни военного, ни гражданского. И не удивительно — ведь это тоже была территория полигона. По идее она должна была бы охраняться так же тщательно, как и другие его части. Но охраны нигде не было видно. Только — все те же бетонные столбы с колючей проволокой.

Ржавый шлагбаум подняли сами, и перед нами открылась голубая гладь моря. Машины водители поставили на склоне прибрежных дюн в тени чахлах деревьев. А вся наша братва, словно ватага школьников, посыпалась бегом вниз к песчаному пляжу, зажатому между невысоких скал. Свежий соленый ветер дул со стороны моря, небольшие волны накатывались на мелкий песок, и жизнь снова стала поворачиваться своей лучшей стороной.

Магда, Караванский, Кобыляцкий и я облюбовали бухточку среди скал, сложили свою одежду и бросились в набегающие волны. Вода была освежающей, но не очень теплой. Был конец сентября.

После первых восторгов наступило время отдыха, и все мы улеглись на горячем песке. Благостное настроение располагало к размышлениям.

— Так служить можно, — задумчиво протянул Караванский. — Особенно, если будут почаще вывозить на море. А еще лучше — служить здесь, на берегу моря.

— А на Ямал не хочешь? — спросил Кобыляцкий.

— Нет, не хочу. И еще не хочу служить на Дальнем Востоке. Я рыбу не люблю.

— Тогда тебе прямая дорога на Урал к Музрукову, откуда нам деньги присылают, — сказал Магда. — Там, говорят, хорошо. Хорошо... охраняют.

— Я бы тоже не возражал остаться в Крыму, — сказал я, не подозревая, как я тогда был близок к истине.

На Азовском море в районе мыса Зюк. 1955 г.

Несколько раз мы заходили в море и подолгу плавали, пока совсем не замерзли. Время подошло к обеду, который каждая группа устраивала по своему желанию и усмотрению. Наша группа заранее припасла кое-что из еды. Нашлась бутылка водки. Разговоры пошли о прошлой жизни, о женах, которыми успели обзавестись Славик и Виктор. Вспомнил и я своих подружек, ни одна из которых так и не смогла меня «задушить» в своих любящих объятиях. И теперь мне стало казаться, что я вел себя с ними не так, как следовало. Особенно — по отношению к чудесной девушке, с которой сидел в десятом классе за одной партой. Это было первое чувство, от которого я сознательно уклонился. И я теперь об этом жалею...

С Витей Караванским на пляже. 1955 г.

Солнце клонилось к закату. Отцы-командиры принялись поднимать с теплого песка разнежившихся подчиненных и завлекать их к машинам. Неспеша и нехотя мы потянулись вверх на дюны, где уже нетерпеливо похаживали около грузовиков наши водители.

Все свидетельствовало о том, что прекрасный день, проведенный на мысе Зюк, заканчивается.

На обратном пути, когда машины миновали Чокракское озеро, подполковник Хихоль показал рукой на запад и сказал:

— Там, за теми вышками, располагается главная цель для наших бомбардировщиков. На всех испытаниях над ней взрываются изделия полковника Капустина. Там же подбирают имитации центральных частей. Радиометрическая и фоторегистрирующая аппаратура размещается на вышках и в бункерах. Может, когда-то и вам придется ими пользоваться.

* * *

Однажды в казарму пришел комсорг Ератов и сообщил, что сегодня вечером в летнем кинотеатре состоится концерт известной певицы Лидии Руслановой.

Билеты для всей роты он уже заказал, но неплохо было бы вручить артистке букет цветов. Так как в жилой зоне в эту пору года, кроме чернобривцев и ноготков, ничего более подходящего найти невозможно, решено было отправить гонца за букетом роз в Керчь.

Начальник сборов откликнулся на наше желание почтить певицу особым знаком любви и уважения и разрешил одному из офицеров съездить в город. Были собраны деньги, и киевлянин Володя Кушнир, знаток этикета и любитель женщин, отправился ближайшим поездом в Керчь.

Весть о предстоящем концерте быстро распространилась по взводам и вызвала редкое желание почистить пуговицы и надраить до блеска ботинки. Всем достаточно надоели ежевечерние кинофильмы в Доме офицеров и хотелось приобщиться к более возвышенному искусству.

Правда, фильмы в то время шли неплохие и некоторым образом соответствовали нашему армейскому положению. «Солдат Иван Бровкин» с трогательным Харитоновым в главной роли тревожил молодые сердца мечтаниями о любимых девушках, оставшихся где-то за колючей проволокой. А фильм «Максим Перепелица» с лукавым Быковым давал заряд бодрости и веселья, которых нам так не хватало в новых условиях. Особым успехом пользовался аргентинский фильм «Возраст любви» с несравненной Лолитой Торрес в главной роли. Эту обворожительную девушку с темными, слегка раскосыми глазами и осиной талией, наверное, каждый видел в своих мечтах олицетворением своей будущей подруги. Песни, которые она пела, до сих пор трогают своей грустью о тех далеких годах и несбывшихся желаниях. Это, пожалуй, один из немногих фильмов, которые я мог смотреть несколько раз.

Теперь об этом пишут...

Первые начальники полигона

Комаров Георгий Осипович (1905–1973)

Родился 13 марта 1905 г., в Советской Армии с 1926 г. Окончил Борисоглебскую военную школу летчиков, затем — Военную академию им. Фрунзе. В Великой Отечественной войне участвовал с июня 1941 г., командовал штурмовой авиационной дивизией. За боевые заслуги награжден

многими орденами и медалями. 29 мая 1945 г. было присвоено звание Героя Советского Союза.

Георгий Осипович в должности начальника полигона № 71 — командира в/ч 93851 прослужил до 1952 г. В 1949 и 1951 гг. участвовал в организации и проведении ядерных испытаний на Семипалатинском полигоне. «За выполнение специального задания правительства» — авиационное обеспечение ядерных испытаний — ему в 1953 г. была присуждена Государственная премия.

С 1959 г. находился в запасе, умер 20 сентября 1973 г.

Чернорез Виктор Андреевич (1910–1980)

Родился 31 января 1910 г. в с. Пески Изюмского района Харьковской области в семье рабочего. В 1930 г. поступил в Ленинградский институт точной механики и оптики. После второго курса этого института продолжил учебу в Военной артиллерийской академии им. Дзержинского.

В 1936 г. окончил академию с отличием и поступил в адъюнктуру Военно-воздушной академии им. Жуковского.

В 1938 г. Чернорез В. А. был командирован в Германию для отбора и закупки лабораторно-испытательного оборудования для полигона ВВС. С этого года его служба проходит на научно-испытательном полигоне авиационной техники, преобразованном затем в 4-е Управление ГК НИИ ВВС — Управление испытаний авиавооружения. В 1947 г.

ему в должности заместителя начальника полигона по научной части вместе с генералом Комаровым Г. О. поручено формирование 71-го полигона ВВС. В 1952 Чернорез В. А. назначается начальником полигона.

На этой работе руководимый им коллектив инженеров и летчиков-испытателей внес значительный вклад в отработку и внедрение в Вооруженные Силы новых образцов авиационного ракетно-ядерного оружия, авиационное обеспечение ядерных испытаний. Чернорез В. А. многократно участвовал в проведении ядерных испытаний на Семипалатинском и Новоземельском полигонах.

За достигнутые успехи и исключительные заслуги перед государством он был удостоен высоких званий и правительственных наград. В 1962 г. ему присвоено звание Героя Социалистического Труда, в 1953 г. — присуждена Государственная премия. В 1953 г. ему было присвоено воинское звание генерал-майор, а в 1960 г. — генерал-лейтенант.

После увольнения в 1970 г. в отставку вел активную общественную работу. Умер 8 июля 1980 г., похоронен на Кунцевском кладбище в Москве

Интернет, <http://militera.lib.ru>

Подписание акта об испытании «изделия 501» на 71-м полигоне ВВС. Сидят — полковник Чернорез В. А. и генерал-майор Комаров Г. О. 1949 г.

К вечеру наш гонец приехал из Керчи слегка пьян, но с большим букетом роз. Возбужденно рассказывал, как долго искал цветы, какой чудесный кокур он пил, и по нему было видно, что всем этим он остался очень доволен.

В летнем кинотеатре, где под крышей-раковиной была просторная эстрада, собралась большая часть населения городка. Наши новенькие мундиры с блестящими серебряными погонами выделялись темным зеленым квадратом на фоне поблекшей формы гарнизонных офицеров, расцвеченной незамысловатыми нарядами их жен. В первом ряду сидели генералы Чернорез и Петленко, командиры авиачастей и работники штаба.

И вот, наконец, вышла несравненная Лидия Русланова в сопровождении баяниста. На ней была русская национальная одежда — широкий и тяжелый сарафан, розовая кофта и высоко повязанный цветастый платок. В руках — красный платочек. Невзрачный и какой-то примятый жизнью баянист в высоких сапогах сверкал клавишами баяна, висевшего через плечо на вишневого цвета ремне.

Ведущий объявил, что выступает исполнительница русских народных песен заслуженная артистка Российской Федерации Лидия Русланова, и зал взорвался щедрой овацией. Все предвкушали встречу с большим искусством.

Когда аплодисменты смолкли, раздался необыкновенный низкий и не очень сильный голос певицы. Она пела одну из старинных народных песен о замерзающем в степи ямщике, о его наказе, о прощании со всем белым светом. Низкая тональность и неспешность пения оправдывались темой и содержанием песни, и были доброжелательно приняты неискушенной в вокалах публикой. Но когда и последующая песня была спета в той же тональности и манере, мне показалось, что певица бережет себя для коронных песен, так хорошо знакомых по патефонным пластинкам и выступлениям по радио. Наконец очередь дошла и до известных и любимых «Валенок», но голос Руслановой все еще не поднимался до знакомых высот. Более того, он иногда просто сипел и срывался. Слушатели были в недоумении, начали перешептываться, кто-то даже свистнул. Стало ясно, что ту всеми любимую Русланову, мы сегодня не услышим. И

хотя исполнительница не смущалась и смело продолжала свой концерт, меня охватило разочарование, а потом — обыкновенная жалость к стареющей артистке.

Значительно позже, с всплеском гласности и развалом Советского Союза, я узнал, что несчастную Русланову недавно выпустили из тюрьмы. Ей разрешили концертировать только по окраинам страны да в затерянных, подобно нашему, военных гарнизонах.

А в тюрьму на 5 лет она попала вместе с мужем, генерал-лейтенантом ВВС Крюковым В. В., после того, как в 1948 году их обвинили в скупке картин в блокадном Ленинграде, хранении драгоценных камней и присвоении трофейных ценностей.

Заслуженная артистка РСФСР Лидия Андреевна Русланова с мужем генерал-лейтенантом Владимиром Викторовичем Крюковым. 1943 г.

При обыске на даче Лидии Андреевны были изъяты 208 бриллиантов, множество изумрудов, сапфиров, жемчуг, платиновые, золотые и серебряные изделия. Супругов уличили также в скупке 132 полотен, среди которых 4 картины Нестерова, 5 — Кустодиева, 7 — Маковского, 5 — Шишкина, 4 — Репина, по 3 — Поленова, Малявина, Сомова, Айвазовского и многих других выдающихся русских художников.

Все это открылось тогда, когда Иосиф Виссарионович собирал компромат на Жукова Г. К., вчерашнего маршала Победы и нынешнего соперника великого вождя.

Тогда всплыли на поверхность и стали известны неблагоприятные дела высших командиров Советской Армии, оккупировавшей поверженную Германию. А началось трофейное дело с противостояния двух руководителей советских органов безопасности в Германии — уполномоченного НКВД Серова И. А. и главы военной контрразведки

СМЕРШ Абакумова В. С. Оба они были близкими друзьями Жукова, находились под его командованием и пользовались его доверием. Когда Сталину доложили об эшелонах трофейного имущества и ценностей, которые эти генералы не только присваивали себе, но и снабжали ими Жукова, он приказал провести тщательное расследование.

На квартире и даче маршала были произведены нелегальные обыски. В квартире в сейфе находилась шкатулка, в которой чекисты обнаружили 24 штуки часов, в том числе 17 золотых и 3 с драгоценными камнями, 15 золотых кулонов, другие золотые вещи — портсигары, браслеты, серьги. На даче улов был более солидный. Дотошные чекисты докладывали:

Две комнаты превращены в склад, где хранится огромное количество разного рода товаров и ценностей. Например: шерстяных тканей, шелка, парчи, пан-бархата и других материалов — всего свыше 4000 метров; мехов — собольих, обезьяньих, лисьих, котиковых, каракулевых — всего 323 шкуры; дорогостоящих ковров и гобеленов больших размеров, вывезенных из Потсдамского и других дворцов Германии — 44 штуки; ценных картин классической живописи больших размеров в художественных рамах — всего 55 штук; аккордеонов с богатой художественной отделкой — 8 штук; уникальных охотничьих ружей фирмы «Голанд-Голанд» и других — всего 20 штук.

Жуков не стал отрицать обвинения или оправдываться и в объяснительной записке написал:

О моей алчности и стремлении к присвоению трофейных ценностей. Я признаю серьезной ошибкой то, что много накупил для семьи и своих родственников материала, за который платил деньги, полученные мною как зарплату^[13].

Маршал Советского Союза Георгий Константинович Жуков также был подвержен обычным человеческим слабостям.

Тогда-то и арестовали генерала Крюкова и певицу Русланову, которые находились с Жуковым в дружеских отношениях. Сам маршал отделался ссылкой в Уральский военный округ, а других «коллекционеров», в том числе и чету Крюковых, посадили в тюрьму.

После того, как Хрущев простил и вновь пристроил к власти Жукова, на волю были выпущены и Крюков с Руслановой.

За свои стяжательские прегрешения генерал Крюков Владимир Викторович, командовавший кавалерийским корпусом, так и не попал в энциклопедию «Великая Отечественная война 1941–1945» 1985 года издания. Русланова Лидия Андреевна, заслуженная артистка РСФСР и кавалер ордена Красной Звезды такой чести удостоилась.

Но всего этого в тот осенний день мы не знали и просто обиделись на артистку, хотя букет роз Кушнир преподнес Лидии Руслановой под бурные аплодисменты зала.

Этот жест очень пришелся по душе нашему политическому наставнику генералу Петленко, о чем он в тот же вечер сказал Князеву.

* * *

Занятия по теоретическим вопросам и схемам электро- и радиоустройств проводились на объекте 66. Практические занятия с изделиями, их блоками и пультами управления проходили на объекте 70. Оба объекта-здания находились на территории аэродрома в самой его дальней части. Для того чтобы попасть на объекты, нужно было

пересечь несколько ограждений колючей проволоки и пройти несколько контрольно-пропускных пунктов. В первые дни мы выходили из машин и должны были индивидуально проходить КПП, где контролер сверял наши удостоверения личности со списком. Это занимало много времени, и через какое-то время такой порядок отменили. Теперь на КПП заходил преподаватель со списком, а мы продолжали сидеть в машине.

Лекции и практические занятия по основной аппаратуре нашей специальности — радиолокационному высотомеру «Вибратор» — проводили подполковник Хихоль и майор Фомин. Оба были образованными инженерами, приятными в общении и не лишенными чувства юмора. Чувствовалось, что раньше их служба проходила не в действующих войсках, а где-то на предприятиях, изготавливающих радиоаппаратуру, или в научных подразделениях.

Хихоль был нашим классным командиром и отвечал перед начальником сборов не только за учебный процесс, но и за дисциплину и наш моральный облик. С ним легко было общаться: он интересовался нашей прошлой студенческой жизнью, учил особенностям военной службы, сопровождал нас во время поездок в город и посещения культурных заведений.

Мой первый снимок, сделанный в фотоателье г. Керчи. 1955 г.

Сам «Вибратор» не представлял особой сложности, являясь одной из разновидностей радиолокатора сантиметрового диапазона. Его схему и принцип действия мы освоили легко, а вот точную частоту работы так и не узнали. Она являла собой главный секрет устройства, так как лишала возможности вызвать несанкционированное срабатывание изделия.

— Когда будете работать в войсках — узнаете, а пока можете только гадать, — с улыбкой отвечал на наши вопросы подполковник.

Несколько сложнее было с общей электрической схемой изделия, которой нас обучал майор Свиридов. Она была более разветвленной, охватывала работу всех узлов комплекса и имела много соединительных разъемов. В этих разъемах легко можно было заблудиться, прослеживая прохождение по электрическим цепям сигналов и команд.

Для того, чтобы освоить электрические схемы и конструктивные особенности изделий, имелись многочисленные ИОС — Инструкции обслуживания спецтехники, которые мы называли «иосками».

Майор Свиридов, несколько флегматичный молодой офицер, терпеливо и настойчиво прослеживал вместе с нами путь сигнала от блока к блоку и удовлетворенно улыбался, когда этот путь заканчивался в районе капсулей-детонаторов.

Совсем несложными оказались занятия по аэродинамике изделия в полете после отрыва от самолета, которые проводил капитан Шелков. Но капитану пришлось отвечать на вопросы, связанные с самой формой изделия. К тому времени некоторые из нас видели в переводных книгах американские атомные бомбы «Малыш» и «Толстяк», сброшенные на японские города. Наши изделия поразительно внешне напоминали американские.

— Товарищ майор, почему наша «четверка» так похожа на американского «Малыша», а «тройка» — в точности копирует «Толстяка»? — спросил Кобыляцкий.

— Законы аэродинамики являются общими для всех — и для американцев, и для англичан, и для нас. Поэтому и наиболее выгодная аэродинамическая форма, рассчитанная в лабораториях разных стран, тоже будет одинаковой. Дело не столько в форме изделия, сколько в его внутренней начинке. А она у наших изделий отличается от американских тем, что все системы и блоки разработаны нашими учеными, сконструированы нашими инженерами и выполнены на наших предприятиях. И главное — наши изделия имеют совершенно оригинальную центральную часть.

— Почему же все виды изделий не получили одну оптимальную аэродинамическую форму и имеются две разновидности? — не унимался Кобыляцкий.

— Потому что первоначально разрабатывались два варианта изделий, конструктивно отличающихся друг от друга.

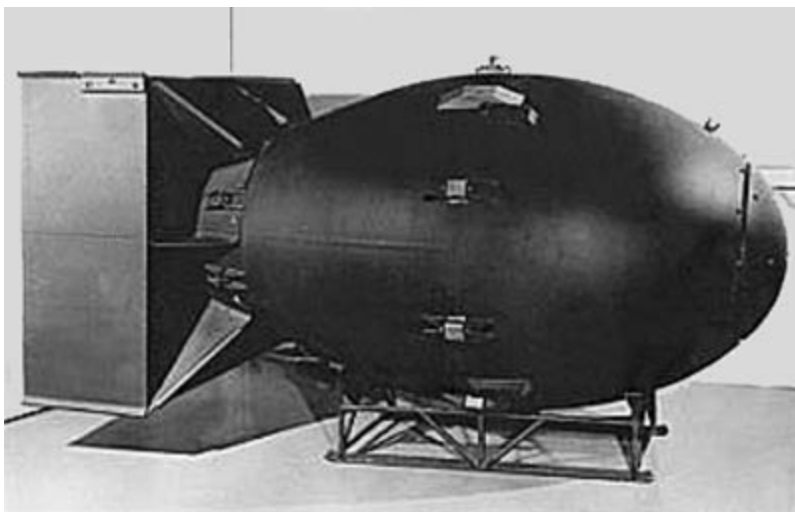
— Как и у американцев? Для Хиросимы — одно, для Нагасаки — другое? Или, может быть, наши конструкторы кое-что позаимствовали у американцев и решили оставить все так, как и у них?

— Товарищ Кобыляцкий! Ваши вопросы выходят за рамки наших занятий, и у нас нет времени обсуждать разные предположения. Мы должны изучать то, что стоит перед нами, а не нарисовано в книжечках и показано в кино, — и майор Шелков посчитал дискуссию законченной.

Я тоже к тому времени видел изображения американских атомных бомб, знал какую из них сбросили на Хиросиму, а какую — на Нагасаки. Удивительное сходство наших и американских атомных бомб объяснялось, конечно, не общими законами аэродинамики, как это нам пытался объяснить майор Шелков. Оно было следствием приказа куратора атомного проекта Берии ничего не менять в тех принципиальных данных и конструктивных сведениях, которые добыла наша разведка в Соединенных Штатах.

А наши нелегалы присылали настолько подробные описания конструкции американской атомной бомбы, что трудно было ими не воспользоваться. В одном из донесений (18 октября 1945 г.) они писали:

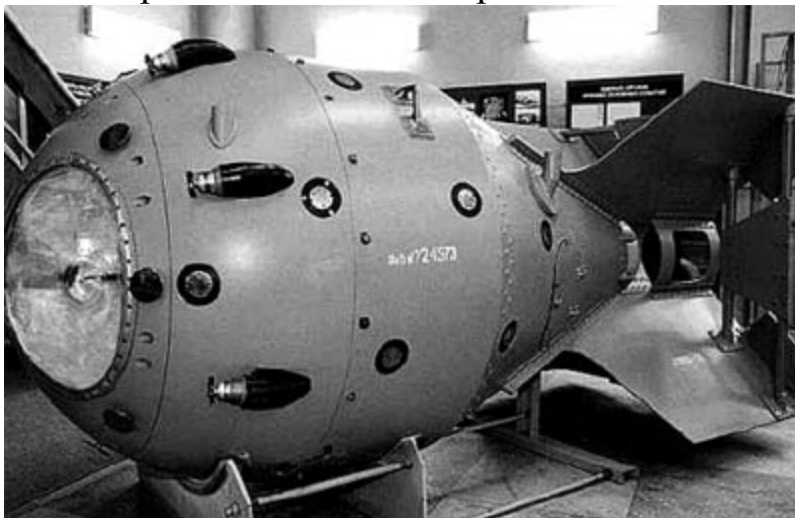
По наружному виду атомная бомба представляет собой снаряд грушевидной формы с максимальным диаметром 127 сантиметров и длиной вместе со стабилизатором 325 сантиметров. Общий вес около 4500 килограмм... Имеет 32 линзы взрывчатого вещества^[14].

Первая американская атомная бомба «Толстяк», которая послужила прототипом советской «тройки».

В состав компонентов аэродинамических устройств входили также две чеки отрыва, расположенные в верхней части изделия. Именно они переключали электропитание с бортсети на аккумуляторы изделия.

Сюда входили также механические блоки БДВМ, блокирующие работу электросхем на начальном участке полета изделия. Они представляли собой маленькие пропеллеры, которые подавали электропитание на изделие только после определенного количества оборотов. Эти механические временные реле должны обеспечивать безопасность самолета от несанкционированного срабатывания изделия. Пока крутятся вертушки блоков, самолет может уверенно отлетать от места сброса на безопасное расстояние.

Первая советская атомная бомба РДС-2. Мне не удалось найти фотографию РДС-3, но она имеет такое же закрытое хвостовое оперение как и «Толстяк».

О высотомере, основанном на изменении атмосферного давления, рассказывал майор Бугаенко. Этот дублирующий канал давал исполнительную команду в случае отказа радиоканала. Мы, радисты, естественно считали свой радиоканал надежным, более современным, и на бароканал смотрели снисходительно.

Костя Камплев (слева) с товарищами.

Каждый взвод, в основном, специализировался на своей части изделия, но изучал и другие. Особое место занимал четвертый взвод, осваивающий центральную часть изделия.

К изучению ядерного заряда допускались только так называемые химики. Мы никогда не присутствовали на их занятиях и имели о центральной части только общие представления. И хотя, надо полагать, на занятиях настоящих ядерных центральных частей не было, даже общий вид «шарика» удавалось увидеть не всем.

Теперь об этом пишут...

Багеровский аэродром

В книгах по истории Отечественной войны много раз упоминается Багеровский аэродром. Наши летчики летали бомбить его, когда он был занят немецкой авиацией, затем

сами садились и взлетали с него после освобождения Керчи. Так что история аэродрома героическая.

После 1945 года мир вступил в ядерную эпоху. И хотя вначале противостояния стратегического вооружения на полуострове не было, однако Крым внес свою лепту в создание «щита Советского Союза».

Известно, что испытания водородного оружия проводились в Казахстане и на Новой Земле. Но базовый центр многих экспериментов находился в поселке Багерovo близ Керчи. Полигон № 71 ВВС, который иногда называли «объект Керчь-2», стал ареной чрезвычайно важных экспериментов. Прежде чем сбрасывать на северных и среднеазиатских площадках бомбы с ядерными зарядами, необходимо было проверить механизм сброса и взрыватели.

С весны 1949 года здесь прошла серия испытаний. Самолет-носитель бросал на полигон № 71 бомбы, идентичные по форме, весу и размерам первой отечественной атомной — РДС-1, с той же системой взрывателей, но не ядерные, а с обычным взрывным устройством. (Аббревиатура РДС-1 расшифровывается как «Россия Делает Сама»).

Только после того, как эксперименты прошли успешно, приступали к испытаниям настоящих ядерных бомб на полигонах Семипалатинска и Новой Земли.

Полигон № 71 был создан с целью авиационного обеспечения проведения воздушных атомных испытаний и отработки технических средств доставки ядерных зарядов, в качестве которых в то время могла использоваться только авиация. Ввод полигона в действие был приурочен к лету 1949 года, т. е. к первому испытанию атомного заряда на Семипалатинском полигоне № 2. В состав полигона входили три авиационных атомного полка: 35-й отдельный смешанный и бомбардировочный, 513-й истребительный и 647-й смешанный специального обеспечения.

Здесь же отрабатывалась система радионаведения самолетов-снарядов на цель. В качестве цели использовался крейсер Черноморского флота «Красный Кавказ». По заявке

испытателей он выходил из базы и курсировал в 20–30 км от южного берега Крыма, в районе мыса Чауда. В результате удачных испытаний крейсер и был потоплен в этом районе.

Для взлета и посадки тяжелых бомбардировщиков на полигоне была построена взлетно-посадочная полоса шириной 100 метров и длиной 3,5 км. Полоса была сделана из прочнейшего бетона и до сих пор находится в отличном состоянии. К ней от огромных ангаров с бетонными перекрытиями ведут под 45 градусов рулежные дорожки.

Все основные самолеты-носители атомных и водородных бомб проходили испытания на полигоне в Багерово. Таким образом, можно смело утверждать, что крымский полуостров — колыбель «Советского атома».

Интернет, <http://geocaching.ru>

После гражданской свободы, нас тяготила не столько воинская дисциплина, сколько закрытый режим гарнизона. Чьи-то мудрые головы решили, что еще не готовым к военной жизни офицерам полезнее будет постоянно находиться за колючей проволокой. Не последнее место в этом решении, очевидно, сыграли специфика нашей работы и повышенный уровень ее секретности. Какие бы ни были соображения командования, но они произвели на нас тягостное впечатление.

Представьте себе — все офицеры гарнизона, многие из которых жили в Керчи, имели свободный выход, а мы должны все свободное от занятий время, проводить в постылых казармах.

Сперва это был бывший свинарник, переоборудованный в так называемую «гостиницу Серебровского». Серебровский — был одним из начальников административно-жилищной службы гарнизона.

Позже мы переехали в настоящие казармы с большими, на несколько десятков коек, комнатами, высокими потолками и звучными бетонными стенами. Если в «гостинице Серебровского» можно было хоть как-то создавать иллюзию уюта и покоя, то в настоящей казарме все было на виду. В ней всегда было шумно, беспокойно: кто-то играл в домино или преферанс, кто-то, поставив между койками столик, пил водку, кто-то устраивал спортивные соревнования. Начальники, надо

им отдать должное, нечасто наведывались в казарму, предоставив командирам взводов доводить до нашего сведения приказы и указания Шашанова и Шаронова.

* * *

Дисциплина, вместо того, чтобы крепнуть в нетронutom воинскими муштрами сознании, падала на глазах. Все чаще по вечерам устраивались пирушки с водкой и вином, которые многим заменяли посещение кино в Доме офицеров. Других развлечений, таких как танцы или вечера самодеятельности, не было. Общение с девушками, естественное в нашем возрасте, ограничивалось флиртом с официантками офицерской столовой да сестрами медсанчасти.

Мы мечтали о поездках в Керчь, где могли бы познакомиться с достопримечательностями города, посетить ресторан и удовлетворить жажду общения с прекрасным полом.

Однажды нас уже вывозили в Керчь на экскурсию, которая произвела очень хорошее впечатление. Классный командир, подполковник Хихоль, прежде всего повел нас в историко-археологический музей.

На территории нынешней Керчи в античные времена располагалась столица Боспорского государства — Пантикапей. Древнейшие поселения — торговые фактории и город — основаны были в VI–V веках до н. э. и располагались по восточному склону горы Митридат. Боспорское государство занимало когда-то восточную часть Крыма, Таманский полуостров, низовье Кубани и устье Дона. Это было одно из мощных государств древнего мира, которое вело бесконечные войны с Римом. С тех времен на территории Керчи — Пантикапеее осталось много памятников и артефактов, сосредоточенных в хорошем музее.

С неподдельным интересом я рассматривал камни с древними письменами, амфоры, статуи и собрание античных монет. Думаю, что и моим друзьям это было интересно. Многие вообще в первый раз были в таком музее. Командование не поскупилось, и во всех экскурсиях по музею и городу нас сопровождала и давала подробные объяснения молодая женщина-экскурсовод.

На экскурсии в Керченском историко-археологическом музее (слева — подполковник Хихоль). 1955 г.

Побывали мы в Царском кургане, построенном еще в IV веке до н. э., под которым хорошо сохранилась погребальная камера высотой около 10 метров. К ней ведет широкий и длинный ход — дромос, обрамленный стенами, сложенными из рустованных камней. По мере приближения к камере стены дромоса постепенно повышаются, около середины его длины начинается перекрывающий его уступчатый свод. В конце дромоса находится вход в квадратную камеру, перекрытую высоким ступенчатым куполом.

Эти уступчатые перекрытия входа и погребальной камеры производят очень сильное впечатление, которое не могло оставить меня, любителя истории, равнодушным.

Вход в Царский курган. Керчь, 1955 г.

С горы Митридат, названной именем одного из славных боспорских царей, перед нами открылся вид на город, охватывающий полукольцом удобную и вместительную бухту. Говорят, где-то здесь, на склонах горы, великий Митридат покончил жизнь самоубийством, продемонстрировав Риму свою непокорность и свободолюбие.

В тот день Хихоль повел нас обедать в единственный приличный ресторан города под символичным названием «Пантикапей». К удивлению официантов младшие лейтенанты пили не водку, а марочные вина: мускаты, мускатели и кокуры. В те времена их ассортимент был неплохим и цены доступными. Через какое-то время нас уже по этому признаку определяли: если летчики пьют водку — наши, городские, если же заказывают вина — из гарнизона Багерово.

И вот, всех этих удовольствий гарнизонное командование лишило нас приказом об отмене свободного выхода.

* * *

Началось все с очередного закрытого письма ЦК ВЛКСМ. В нем отмечались вопиющие случаи злоупотребления спиртными напитками в армейских подразделениях и приводились конкретные примеры

последствий с несчастными случаями. Чтобы сохранить личный состав и технику, в гарнизонах и частях проводили грозные мероприятия, вплоть до введения сухого закона.

Присутствующий на собрании подполковник Шаронов привел несколько случаев распития спиртных напитков и на наших сборах.

— Для предотвращения пьянства и связанных с ним нежелательных явлений командование гарнизона приняло решение запретить продажу спиртных напитков в торговых точках и местах отдыха на всей территории городка.

По залу прокатился глухой ропот, который придал комсомольскому собранию новое болезненное направление. Всплеск активности удивил комсорга Ератова и встревожил подполковника Шаронова.

В ответ на приказ гарнизонного начальства мы стали припоминать все прочие обиды и притеснения от закрытого выхода из гарнизона до задержек в снабжении форменным обмундированием.

А перебои в получении вещевого и, что еще хуже — денежного довольствия, как в армии называют зарплату, уже случались неоднократно. Недавно нам зачитали длинный список разных видов форменной одежды и снаряжения, который удивил некоторыми экзотическими позициями и сроками их использования.

Согласно приказу № 155 Министерства Обороны, шинель простая выдается на 3 года, а шинель парадная — на 5 лет, ботинки — на 1 год, а сапоги — на 2 года, ремень с портупеей и ремень для кортика — на 5 лет, фляга и кортик — навсегда. Но не то что кортика и фляги мы так никогда и не получили, но нам даже не выдали теплое белье, перчатки и носки.

Конечно, ни фляга, ни, тем более, кортик нам и вовсе были не нужны, но надо же было как-то отреагировать на притеснения начальства. И мы стали требовать, хоть и ненужное, свое.

Юра Савельев, 1956 г.

По словам наших взводных командиров, с которыми было легче всего общаться, вещевое и денежное довольствие не поступало от некоего таинственного Музрукова.

Тогда мы даже не представляли, что это — фамилия человека или название организации. Позже стало ясно, что это — и то, и другое, слившееся в одно понятие — предприятие, руководимое генералом Музруковым Б. Г. Находится оно где-то на Урале и является поставщиком всего необходимого для нашей части. Со временем слово «Музруков» расширило свое понятие, стало привычным и часто повторяемым. Но для нас оно тогда означало лишь одно — было источником нашего снабжения.

Спустя годы, в одной из книг, посвященных производству оружейного плутония, одна из глав называлась Б. Г. Музруков — генерал атомной промышленности»^[15].

Уже тогда, в Багерово, мы знали, это от Музрукова, кроме нашего вещевого и денежного довольствия, к нам на полигон поступали для испытаний новые модификации изделий. Бригады, о которых я уже упоминал, приезжали с тех же краев.

Теперь об этом пишут...

Музруков Борис Глебович (1904–1979)

Музруков Б. Г. родился 11 октября 1904 года в г. Лудейное Поле. В 1922 г. окончил среднюю школу, поступил на рабфак, затем в Ленинградский политехнический институт. В 1929 г. Музруков Б. Г. заканчивает институт и его направляют на Кировский завод мастером. Уже через два года он — заместитель начальника цеха, затем начальник цеха, а в 1938 г. — главный металлург завода. В 1939 г. под его руководством на заводе было освоено изготовление литых башен для танков вместо клепаных, за что в мае 1939 г. он был награжден орденом Трудового Красного Знамени.

В октябре 1939 г. по решению Политбюро и приказу наркома тяжелого машиностроения Музруков Б. Г. назначен директором Уралмаша. За организацию серийного изготовления танков Т-34 и САУ в январе 1943 г. Музрукову Б. Г. присвоено звание Героя Социалистического Труда. В 1951 и 1953 гг. — лауреат Государственной премии.

В 1947 г. решением правительства Музруков Б. Г. был переведен на химкомбинат «Маяк». За работы по созданию и освоению производства плутония для первой атомной бомбы Музруков Б. Г. в 1949 г. одним из первых в стране становится дважды Героем Социалистического Труда.

После «Маяка» Музруков Б. Г. некоторое время возглавлял 4-е Управление Минсредмаша. В июне 1955 г. он становится директором КБ-11 (ВНИИЭФ) и руководит им почти 20 лет до ухода — на персональную пенсию союзного значения в 1974 г. В 1962 г. награжден Ленинской премией. Период его работы во ВНИИЭФ отмечен огромным объемом

разработанных атомных зарядов для всех родов войск, а также развитием промышленной базы и социальной структуры города.

Генерал-майор Музруков Борис Глебович награжден тремя орденами Ленина, орденом Октябрьской Революции, тремя орденами Трудового Красного Знамени, орденом Кутузова I степени, орденом Отечественной войны I степени. Умер 31 января 1979 г.

Интернет, www.Vniies.ru

Шаронову кое-как удалось нейтрализовать взрыв негодования, направив его в сторону письма, но покинули мы собрание расстроенные и обозленные.

Конечно, гарнизонным офицерам «сухой закон», хоть и вносил некоторые неудобства, но все же — был терпимым, так как они имели свободный выезд в Керчь. Но для нас, молодых и неженатых, отсутствие спиртных напитков в условиях закрытого выхода, казалось катастрофическим.

Думаю, это решение отцов-командиров оградить нас от пагубного зелья, было не до конца продуманным. Оно посеяло новые семена недовольства армейской жизнью. Если многие и так не имели желания служить, то теперь появилось желание покинуть армию навсегда. И не столько из-за «сухого закона», сколько от осознания того, что армия и свобода личности — понятия несовместимые.

К этому прибавился приказ о том, что в столовую и из столовой курсанты должны ходить строем. Якобы для выработки строевой выправки... Правда, этот приказ оказался мертворожденным и ни разу не был выполнен, но свое отрицательное действие оставил.

Шел третий месяц военной жизни. Я свыкся с армейской формой: офицерский китель уже не стоял колом, галстук не казался ненужной удавкой, серебряные погоны не мозолили боковое зрение и даже фуражка стала легче и удобнее. А аэродромная форма мне просто нравилась. Я быстро запомнил основное правило ее ношения — кожа к коже, и с удовольствием надевал легкие хромовые сапоги и остро пахнущий ремень с непривычной портупеей. Синие, хорошо сшитые бриджи, заправленные в сапоги, делали фигуру длинноногой и

спортивной. Хотелось если и не маршировать, то бегать и прыгать. Все было ладно пригнано, ничего не болталось и не оттопыривалось. В такой форме легко было пролезть в узкий люк, преодолеть препятствие, выдержать порыв ветра и дождя.

С наступлением холодов приказом по гарнизону была введена зимняя форма одежды. Мы надели длинные, почти кавалерийские шинели и шапки-ушанки с голубоватым искусственным мехом. Стало тепло и уютно, но длина шинели несколько смущала, так как у остальных офицеров гарнизона она была короче. Другое отличие наших шинелей от местных заключалось в том, что спинной шов у нас еще не был распорот. С нераспоротым швом шинель походила на пальто. Ее невозможно было свернуть в скатку, как это предписывалось в прошлых уставах и все еще находило отражение в современных правилах ношения формы.

С этой недоработкой швейных мастерских быстро и бесцеремонно начали бороться воинские патрули. Они останавливали длиннополых офицеров, командовали «кругом» и здесь же, на месте, лезвием бритвы разрезали шов на несколько сантиметров. Мне казалось это глупым а патрулям — грубейшим нарушением формы. Каждый смотрел даже на такую мелочь по-своему. Такой взгляд со временем появился и у меня. Я тоже стал замечать малейшие нарушения в форме: незастегнутая на все пуговицы шинель под портупею, не соответствующий летней или зимней форме головной убор, не то расстояние между звездочками на погонах.

* * *

Несмотря на то, что мы уже достаточно хорошо освоили изделия и стали носителями секретов с грифом «СС ОП», формально вручать нам в руки новое оружие командование не имело права. Ведь до сих пор мы не приняли воинскую присягу.

И вот этот день настал. Для командования и личного состава это должно было быть знаменательным событием. Были отпечатаны и размножены фотографическим способом пригласительные билеты такого содержания.

Командование, партийная и комсомольская организации подразделения тов. Князева приглашают Вас 19 ноября с. г. на товарищеский вечер-концерт в гарнизонном Доме офицеров. Начало вечера в 18 часов.

Программа вечера:

1. Торжественная часть.
2. Концерт художественной самодеятельности.
3. Товарищеский ужин.
4. Танцы и короткометражные фильмы.

Пригласительный билет на присягу. 1955 г.

Здание Дома офицеров, в котором мы принимали присягу. 2006 г.

Как видим, о принятии воинской присяги в приглашении не было ни слова, но о «товарищеском вечере-концерте» сразу же узнал весь гарнизон. Разрешалось присутствовать на торжестве вместе с офицерами и их «боевым подругам», как любил говаривать генерал Петленко. Начальство и преподаватели были с женами. Особенно бросалась в глаза дородная рыжая жена генерала Петленко, одетая в длинное и яркое платье. Не осталась незамеченной то ли жена, то ли подруга подполковника Шаронова, которую наши остряки сразу же прозвали «шароновской мумкой». С женами были также майоры Бугаенко и Свиридов.

Некоторые курсанты тоже пригласили девушек. Это были хорошо знакомые лица из подразделений бытового обслуживания и медсанчасти. Вызвал удивление и восторг младший лейтенант из электриков Варенников, который с собой привел дочь начальника гарнизона генерала Чернореза. Среди нас уже давно ходили слухи о необыкновенном и дальновидном увлечении нашего коллеги. Кто-то где-то его видел с генеральской дочкой, но вот так — открыто, у всего гарнизона на глазах, они появились впервые.

— Молодец, Серега! Ему теперь не надо искать на карте точку, где он будет служить. Даю голову наотрез, что он останется здесь, в Крыму, — восхищенно говорил рыжий, как медь, Ливанов.

— А ты, Валерка, разведай — нет ли у генерала еще одной дочки. Может, и тебе повезет, — хихикнул Камплеев.

— С моим колером волос и пролетарским происхождением — служить можно только в Сибири, да и то — подальше от населенных пунктов.

— Тебе легче. Ты уже все знаешь, а мы должны гадать и мучиться неизвестностью.

Зал Дома офицеров был полностью заполнен. Наши ребята сидели слева плотной группой. В первых рядах расположились преподаватели. Вся правая часть зала была отдана приглашенным. На сцене за столом сидели генерал Петленко, комендант гарнизона подполковник Довженко, гость из Центра полковник Назаревский и командир сборов подполковник Князев.

Подполковник Шашанов по списку вызывал принимающих присягу с упоминанием полного звания — инженер-младший

лейтенант. Офицер подходил к невысокой трибуне, стоящей в зале перед первым рядом присутствующих, зачитывал текст присяги и ставил подпись.

Церемония принятия присяги шла без накладок и сбоев, хотя некоторые во время вечерних дискуссий в казарме грозились отказаться от присяги. Мотивировали они это тем, что их недовольства и требования могут быть приняты и учтены только до принятия присяги. До этого момента они еще не настоящие военнослужащие, с которыми начальники вынуждены будут считаться, хотя бы из боязни скандала. После подписания текста присяги все пути назад уже отрезаны, суровые воинские законы вступают в силу, и малейшее сопротивление или неповиновение будут караться на законных основаниях.

Одним из таких возмутителей спокойствия был киевлянин Сергей Кордовский. Человек неглупый и способный, он не хотел служить в войсках и мечтал о научно-исследовательской работе. В этом он был не одинок, но заявлять прямо об этом командованию решался только он. Разговоры о его предполагаемом демарше, конечно, дошли до начальства. Кордовского вызвали к Князеву (хорошо, что только к нему), и командир провел с ним более чем часовую беседу. Что уж он там ему говорил, что обещал и чем грозил, мы так и не узнали, но после этого Кордовский присмирел и перестал бунтовать.

И вот, для принятия присяги вызывается младший лейтенант Кордовский. Мы затаили дыхание. Оторвал от бумаг глаза, вооруженные допотопными черными очками, подполковник Князев.

Кордовский зашел за трибуну, посмотрел в зал недобрыми глазами, чуть заметно улыбнулся и стал зачитывать текст. В наших рядах слышался шепот, кто-то хлопнул сидением, и снова воцарилось молчание.

Скандал не состоялся. Да его и не могло быть, так как слишком это серьезное дело — бунт в армии, да еще в таких войсках, как наши.

Официальная часть затянулась часа на полтора. Приглашенные гости стали явно скучать. Некоторые покинули зал и перешли в буфет.

Из наших рядов тоже удалилось несколько человек, но они пошли за кулисы. Готовился концерт художественной самодеятельности, в котором вместе с нашим струнным оркестром должны были выступать

девушки из пошивочной мастерской и ребята из других воинских частей.

Струнный оркестр возник вокруг киевлянина Филенко, добродушного великана, прекрасно играющего на аккордеоне. К нему вскоре присоединились две гитары и мандолина. Образовалась играющая и поющая группа. Понемногу она расширилась, пока не превратилась в неплохой оркестр.

В Доме офицеров нашлись неиспользованные инструменты, среди которых оказалось несколько балалаек, мандолина, огромный контрабас и даже — покалеченный ударный центр.

Недостатка в оркестрантах не было. Почти каждый мог вспомнить, как когда-то он играл дома или в школе на каком-либо инструменте. Вспомнил и я оркестр своей Завадовской школы, где играл и на балалайке, и на ударных. Теперь мне захотелось освоить контрабас.

Филенко оказался к тому же и неплохим организатором с широким музыкальным кругозором. Так образовался коллектив из полутора десятков оркестрантов, который сегодня дал свой первый публичный концерт.

Мы успешно сыграли несколько музыкальных номеров самостоятельно, а потом — вместе с местными солистами.

Неизбалованная гарнизонная публика принимала выступления хорошо. Солистов встречала аплодисментами, а своих родненьких швей из мастерской — с восторгом. Все были довольны: и командиры, и солисты, и многочисленные гости.

Впереди всех ждал обещанный товарищеский ужин. Столы накрыли в одном из просторных холлов клуба. Сервировка не блистала изысканностью, зато количество блюд и бутылок впечатляло. Ассортимент и внешний вид закусок был явно столовским, но обилие колбас, сыров, мясных изделий и рыбы приятно удивляло. Водки на столах не было, но зато было много хороших крымских вин.

За главным столом восседали генерал Петленко с женой, подполковник Князев и несколько старших офицеров. По обе стороны, вдоль стен, располагались столы, за которыми сидели курсанты, преподаватели и гости.

Когда движение и шум в зале несколько утихли, слово взял генерал Петленко.

— Товарищи офицеры! Только сегодня я с полным основанием могу вас так назвать — «товарищи офицеры»! Еще недавно вы были неорганизованной группой то ли студентов, то ли инженеров. Сейчас вы прошли обучение, освоили новую военную технику, приняли воинскую присягу и стали настоящими офицерами. Родина, партия и весь советский народ доверили вам грозное оружие, которое способно охладить горячие головы безответственных американских агрессоров. Они разрабатывают планы нападения на Советский Союз, хотят подвергнуть наши города атомным бомбардировкам, уничтожить миллионы женщин и детей, расчленив Советский Союз.

В ответ на эти угрозы, исходящие от НАТО и Америки, в этом году подписано Варшавское соглашение стран социалистического лагеря во главе с Советским Союзом — оплотом мира и щитом против агрессии.

Ваша задача, товарищи офицеры, крепить военное могущество нашей Родины и при необходимости отразить возможную агрессию!

Поздравляю вас с принятием военной присяги! Да здравствует наша родная Коммунистическая партия, вдохновитель наших побед! Ура, товарищи!

В ответ на пламенный призыв генерала в зале раздалось нестройное «ура»! Подполковник Шаронов зачитал приказ по воинской части 93929, в котором отмечались успехи в освоении новой техники. Особо отличившимся вынесена благодарность, а командиры взводов были награждены грамотами.

На этом официальная часть была окончательно закончена. За столами произошло заметное оживление, зазвенела посуда, послышались хлопки открывающихся бутылок, и банкет начался. Вначале произносились тосты за командирским столом, но потом все потонуло в шуме разговоров и звоне стаканов.

Большинство преподавателей были с женами, которые некоторое время сдерживали своих мужей, и за их столиками соблюдался относительный порядок.

Основная масса младших лейтенантов быстро позабыла о субординации, к которой, правда, почтения никогда не проявляла, и, разбившись на группы, пила и закусывала.

Из-под столов появились бутылки с водкой и коньяком. Это быстро сплотило слушателей и преподавателей в единую команду.

Жены напрасно пытались умерить пыл своих мужей и беспомощно поглядывали в сторону командирского стола.

Генерал Петленко недовольно смотрел в зал, где стремительно рушились основы дисциплины, и досадливо качал головой. Вскоре он встал и покинул банкет. Это никого не огорчило, а только придало застолью новые силы.

Удивительно, но одним из первых опьянел наш командир подполковник Князев. Он подходил к группам своих воспитанников, охотно принимал тосты за свое здоровье и не отказывался со всеми выпить.

Но, видимо, здоровье у него было уже не то. Скоро его, и без того серое, лицо стало еще темнее, длинные ноги стали заплетаться и ему стало совсем плохо. Кто-то из наших набросил на его плечи свою шинель и вывел проветриться на свежий воздух.

— Да, хлопчики, я сегодня немного не в форме. Но на это есть основания. Вы не представляете, какое большое дело мы с вами сделали. По такому случаю можно и отойти на некоторое время от устава. Ведь я тоже инженер и даже кандидат технических наук, ваш брат — радист, — рассказывал командир, поддерживаемый под руки.

Сами именинники то ли по молодости и крепости здоровья, то ли по опыту и осмотрительности, но были пьяны значительно меньше своих наставников. Большинство преподавателей жило в Керчи. В автобусе, который стоял около Дома офицеров, уже сидели их жены и нетерпеливо ожидали своих благоверных. Некоторых приходилось грузить в машину насильно.

— Козлова есть?

— Есть.

— Получай своего мужа...

— Жена Севастьянова тут? Вот ваш Севастьянов.

Жены втаскивали мужей в автобус, привычно ругались и усаживали их на сидения. Мужья вяло огрызались, через какое-то время замолкали и засыпали.

* * *

Абсолютно все, что относилось к атомному оружию, средствам его доставки (самолетам и ракетам), местам размещения, защищалось самыми высокими грифами секретности и совершенными (по тем временам) способами охраны.

Действовал старый и испытанный закон: знай только то, что доверено непосредственно тебе, и не проявляй интереса к тому, что не входит в круг твоих обязанностей. Ничего не рассказывай о своей работе и ничего не спрашивай о работе других. При такой постановке дела можно было годами работать в одной и той же организации или служить в одной и той же части и ничего не ведать о работе друг друга. К этому с первых дней нас приучали преподаватели, работники секретных служб, офицеры охраны режима объекта.

Первый опыт работы с закрытой документацией мы получили еще в институте, где на военной кафедре изучали радиолокаторы SCR-584, СОН-3К и СОН-4. Описания радиолокационных станций, их схемы и конструктивные особенности считались секретными, несмотря на то, что две из них были американскими. Документация станций подлежала особому учету и хранению. За потерю хотя бы одного листа из толстого тома грозили серьезные неприятности.

Каково же было наше удивление, когда в магазине «Военная книга» появилось в продаже описание радиолокатора кругового обзора SCR-584. Уже тогда мы догадывались, что эти станции давно рассекречены, и нас просто приучают к будущей, действительно закрытой документации.

Радиолокатор СОН-3 был одной из первых станций орудийной наводки, с которой нам пришлось работать на лагерных сборах в Воронеже. 1952 г.

И теперь такое время настало. Мы сразу перескочили через несколько степеней секретности и стали работать с документами с

грифом «Совершенно секретно. Особая папка».

Старший лейтенант из секретного отдела Цикарев выезжал вместе с курсантами на объект и привозил большой опечатанный чемодан. В нем хранились персональные папки каждого слушателя, в которых были: рабочая тетрадь, учтенный блокнот и инструкция работы с секретной документацией. Толстые альбомы схем отдельных блоков изделий и на лагерных сборах стендов он выдавал командиру учебной группы под расписку.

После окончания занятий все документы снова вкладывались в папку, папка опечатывалась пластилиновой печатью, и сдача ее скреплялась подписью. Потом все это грузилось в чемодан и снова опечатывалось.

К этим операциям мы быстро привыкли и стали считать их обыденными. Цикарев на время учебы куда-то исчезал и появлялся только к концу занятий. Все шло тихо и мирно пока однажды не произошло чрезвычайное происшествие.

Во время перерыва курсанты выходили из помещения покурить, оставляя схемы и тетради на столах. Выходили, как правило, все, чтобы в учебном классе не оставалось никого.

Станция орудийной наводки СОН-4.

После одного из перерывов киевлянин Грузнов не обнаружил на своем месте рабочей тетради. Его и без того длинная шея вытянулась еще больше, глаза под толстыми стеклами очков в страхе расширились, и он закричал:

— Ребята, кто взял мою рабочую тетрадь?

Шум в классе мгновенно стих, установилось тягостное молчание.

— Ребята, не шутите, отдайте тетрадь, — взмолился Грузнов.

Но тетрадь никто не возвращал.

Командир группы Бахарев напомнил, что шутки в этом деле неуместны и даже опасны. Проводивший сегодняшнее занятие майор Фомин, тоже заволновался и попросил немедленно возвратить тетрадь.

Предугадывая серьезные последствия пропажи секретного документа, вся группа стала тщательно обследовать комнату. Обшарили все столы, перетряхнули преподавательскую кафедру, полки тумбочек, осмотрели даже стулья. Но так ничего и не нашли.

В панике был Грузнов, разволновался Бахарев, побледнел и смолк Фомин. Шутка, а мы были уверены, это была чья-то глупая шутка, затягивалась и принимала опасный оборот.

Приехал за документами Цикарев. Он попросил всех сдать тетради, схемы и инструкции. Остался один Грузнов, на которого страшно было смотреть. «Секретчик», как мы часто называли Цикарева, был неплохим парнем, что на такой работе бывает крайне редко. Но и он заявил, что в его обязанности входит немедленно сообщить о пропаже в секретную часть.

Майор Фомин, наш неизменный защитник и добрейший человек, попросил Цикарева повременить еще минут десять и за это время произвести еще один осмотр помещения.

Рабочая тетрадь имела достаточно большие размеры и твердую обложку, просто так ее спрятать было невозможно. Все мы на выходе из класса подверглись досмотру и с тяжелым сердцем вышли во двор.

В классе остались только командиры и бедный Грузнов. Потянулись долгие минуты ожидания. Мы молча курили и избегали смотреть друг другу в глаза.

Вдруг внутри помещения раздался радостный крик, и в дверях появился Грузнов. Он размахивал своими длинными руками и орал:

— Нашлась, туда ее в качель! За батареей отопления нашлась! Ну знал бы я, кто ее туда пошутил, я бы ему, скотине, яйца оторвал!..

Грозная поначалу туча понемногу стала рассеиваться.

— Повезло вам, ребята, — произнес Цикарев. — Еще бы минут пять, и я вынужден был бы звонить своему начальству. Вы даже себе не представляете, какого несчастья вам, да и мне вместе с вами, удалось избежать. Будем считать, что тетрадь закатилась за батарею сама. Так будет лучше всем.

Коля Грузнов. 1955 г.

Этот урок не прошел даром. Теперь каждый следил в оба за своей тетрадью и перед выходом из помещения обязательно все документы прятал в папку. А шутник так и не сознался в содеянном, и имя его навсегда осталось неизвестным.

Надо сказать, что спустя некоторое время настолько освоились с правилами секретности, что многое из того, к чему нас приучали наши преподаватели, делали автоматически. Например, надо было отворачиваться от случайных объективов фотоаппаратов.

Даже сейчас, спустя многие годы, на фотографиях я не могу увидеть лиц наших преподавателей. Они, как правило, стоят к объективу либо спиной, либо далеко в профиль.

О том, какой техникой занимаются младшие лейтенанты, старшие офицеры полигона, конечно, знали. Догадывались о нашей работе офицеры летного состава, так как часто видели нас на аэродроме возле самолетов. Но никто никогда не подавал виду о своей осведомленности, никто никогда не пытался говорить с нами на эти темы и, тем более, расспрашивать о нашей службе.

Контролировали нас соответствующие органы и ответственные за режим люди? Безусловно — да, но делали это профессионально — корректно и незаметно.

Правда, был один исключительный случай, нарушающий эти правила. В новой гостинице по вечерам к нам ходили прикомандированные офицеры поиграть в преферанс. Мы с радостью их встречали и охотно обыгрывали.

Как-то в комнату зашли два незнакомых подполковника и попросили составить им компанию. Я и Женя Кузнецов согласились. Гости играли так себе, и потому можно было без риска отвлекаться на разговоры. Узнав, что мы недавно закончили гражданские высшие учебные заведения, наши компаньоны расспрашивали о нашей прошлой жизни: учебе и преподавателях, Харькове и его достопримечательностях и, конечно, об украинских женщинах.

В это время по постоянно включенной радиоточке передавали сообщения об очередных испытаниях ядерного оружия. Тогда их производили часто и с большой помпой сообщали об этом на весь мир. В этот раз диктор рассказывал об испытании термоядерной бомбы, которую взорвали на большой высоте.

— Интересно, как они взрывают ее на такой высоте? — как бы между прочим спросил один из подполковников.

— Кто его знает. Может быть, поднимают бомбу на воздушном шаре? — лукаво ответил Кузнецов.

Подполковники молча переглянулись, улыбнулись, но уточнять ничего больше не стали.

— Семь первых, — заявил один из них, и игра продолжилась.

Я не могу утверждать, что это была проверка, но то, что гости знали, с кем имеют дело, весьма вероятно. К тому же это были не армейские, а флотские подполковники. Их темная морская форма нам уже не раз встречалась на полигоне. Не надо было быть детективом, чтобы догадаться, что на суше моряки занимаются отнюдь не кораблями.

Игры в секретность — одни из самых распространенных игр, в которые любят играть те, кто охраняет секреты, и те, от которых эти секреты скрываются.

Основная их задача — сохранение в тайне масштабов и уровня новой военной техники, находящейся в данное время на вооружении армии. Не менее важным является — сокрытие уровня отсталости этой техники и распространение о ней заведомо ложной информации. Если внимательно проанализировать суть закрытой информации, то окажется, что основной секрет заключается не в том, что есть, а в том — чего нет.

На боевом дежурстве следовало быть в аэродромной форме. 1955 г.

В свое время Пеньковский, полковник Главного разведывательного управления Министерства Обороны СССР, передал американским и английским спецслужбам именно такую информацию. Хрущев заявил на весь мир, что мы выпускаем баллистические ракеты с такой же скоростью, как выпускают сосиски. Советский Союз действительно тогда обогнал Соединенные Штаты по качеству и эффективности ракет, но количество их было советским лидером явно преувеличено.

Наши потенциальные враги были очень обеспокоены отставанием в создании новых способов доставки ядерных зарядов. Им надо было знать, сколько ракет может достигнуть территории США.

В секретном донесении американской разведке Пеньковский развеял блеф о количестве баллистических ракет. В своем сообщении он писал, что советские ракеты все еще находятся только на стадиях испытания и СССР может запустить всего одну или две ракеты.

Эти секретные сведения о реальном положении дел в ракетостроении стоили нашей стране значительно дороже, чем разглашение какой-либо конкретной технической тайны. Со временем количество баллистических ракет с ядерными боеголовками в Советском Союзе значительно возросло, произошло изменение баланса сил в нашу пользу. Но тогда, в начале 60-х годов, сведения Пеньковского очень сильно повлияли на ход «холодной войны». Они

до некоторой степени устранили опасную нервозность в отношениях противоборствующих сторон и их взаимную боязнь. Этим был снижен риск развязывания новой мировой войны. Американцы даже называли Пеньковского «шпионом, который спас мир».

Глава 3

Изделие

...Все хорошо. И вдруг при общем молчании за десять минут до «часа» раздается голос Берии:

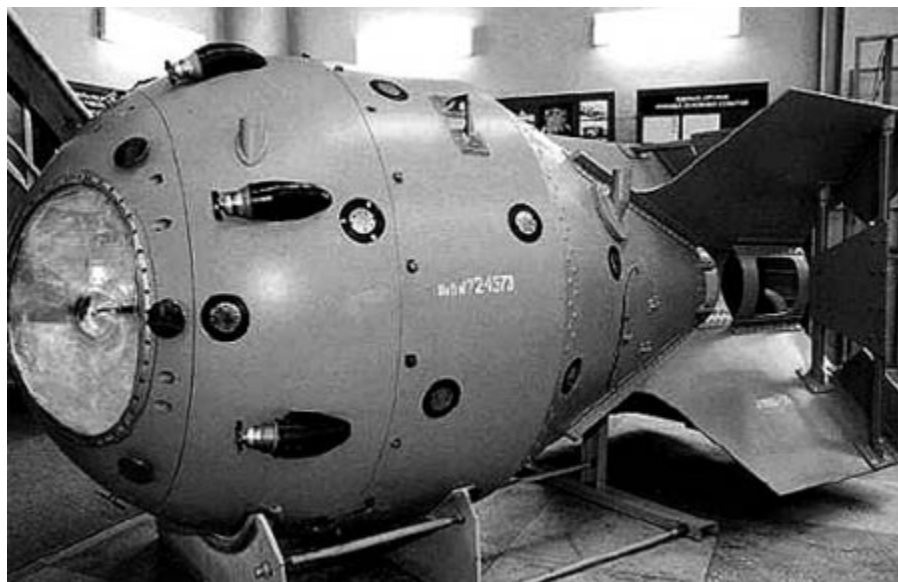
— А ничего у Вас, Игорь Васильевич, не получится!

— Что Вы, Лаврентий Павлович! Обязательно получится! — восклицает Курчатов и продолжает наблюдать, только шея его побагровела, и лицо сделалось мрачно-сосредоточенным.

Из воспоминаний докт. физ.-мат. наук И. Головина

Если бы вы не успели создать атомное оружие, это оружие испытали бы на своих головах все советские граждане.

И Сталин — И. Курчатову

• *Снаряжение изделия • Советские бомбардировщики Ту-4, Ту-16, М-4, Ил-28 • Авария на подвеске изделия • Бомбардировщики США • Райский роман • Гауптвахта в Керчи • «Жены-декабристки» • Первая советская атомная бомба РДС-1 • Экзамены и итоги первого цикла*

Занятия по изучению внутреннего устройства изделий и стендов их проверки подходили к концу. Я уже хорошо ориентировался в электрических схемах выдачи на исполнительные элементы основного импульса срабатывания изделия. Овладел радиолокационным и барометрическим каналами, приводящими изделие к взрыву. Четко прослеживал работу аварийных блоков срабатывания в случае непредвиденных обстоятельств. Несколько раз участвовал в комплексной проверке изделий на работоспособность в качестве рядового участника и в качестве руководителя бригады.

Настала пора практической работы с изделиями: по оснащению, транспортировке и подвеске в бомболук самолета.

Для радистов оснащение ограничивалось постановкой всех 32 капсулей-детонаторов на свои рабочие места. Каждый капсуль с величайшими предосторожностями обеими руками подносился к лючку в корпусе и ввинчивался в тротильную линзу. Имитатор центральной части изделия устанавливала другая группа слушателей.

Проверенное и снаряженное изделие закреплялось на тележке в походном положении и закрывалось брезентовым чехлом. Вручную тележку с изделием выкатывали из здания и подцепляли к машине. Все было готово для транспортировки изделия к самолету. На аэродромных стоянках полигона стояли бомбардировщики Ту-4, Ту-16, М-4 и Ил-28. Это были в те годы основные самолеты-носители атомного оружия.

Тяжелый бомбардировщик Ту-4 с четырьмя поршневыми двигателями представлял собой точную копию американской «летающей крепости» В-29. Именно эти самолеты в 1945 году сбросили первые атомные бомбы на Хиросиму и Нагасаки.

Тяжелый бомбардировщик ТУ-4.

После войны на одном из дальневосточных аэродромов три американских В-29 совершили вынужденную посадку. Пилотов советские представители отправили на родину, а самолеты оставили у себя. Один из самолетов оставался в неприкосновенности как модель, второй — испытывался в полетах, а третий — конструкторы разобрали на 105 тысяч деталей. С каждой из них сделали точную копию и собрали новый самолет. Выполнение работы было поручено конструкторскому бюро Туполева. И хотя это задание Туполев воспринял как оскорбление, точная копия В-29 через год с лишним поступила на вооружение как бомбардировщик Ту-4. Щепетильный Туполев первоначально назвал самолет-копию Б-4 — бомбардировщик четырехмоторный, но Сталин лично исправил Б-4 на Ту-4. По натовской квалификации самолет назывался «Булл» — бык.

Прием воспроизведения точной копии оружия противника известен еще с античных времен. Во время первой Пунической войны Рима с Карфагеном один из карфагенских кораблей попал в руки римлян. Они разобрали его на мельчайшие части, изучили их и воспроизвели, так как он считался вершиной морского искусства. Через 45 дней у римлян уже был современный боевой корабль.

В 50-х годах самолет Ту-4 уже уходил в прошлое. 18 октября 1951 года он сбросил на Семипалатинском полигоне первую серийную атомную бомбу. А вот первую советскую водородную бомбу 22 ноября 1955 года сбрасывал уже Ту-16. Надо отметить, что это была первая в мире водородная бомба, сброшенная с самолета. В США это сделали только в 1956 году.

Дальний бомбардировщик ТУ-16.

Дальний бомбардировщик Ту-16 конструкции Туполева впервые поднялся в небо в 1952 году, еще при жизни Сталина. Это была прекрасная воздушная машина со стреловидными крыльями, у основания которых вплотную к фюзеляжу располагались двигатели АМ-3 конструкции Микулина А. А. По натовской классификации Ту-16 назывался «Бэджер» — барсук, зверь агрессивный и опасный, не любящий соседей. Сильное оборонительное вооружение могло себе позволить кое-кого не любить, особенно если этот кое-кто — вражеские истребители. В бомболюке самолета свободно размещались две атомные бомбы. Мог он нести и крылатые ракеты.

Самолет Ту-16 — необычное явление не только в Советском, но и в мировом самолетостроении. В течение 40 лет было создано около 50 модификаций, часть из которых и сейчас находится в строю.

Стратегический бомбардировщик М-4 конструкции Мясищева создавался как первый межконтинентальный самолет. Он имел 4 реактивных двигателя, которые настолько нагружали крылья, что они своими концами едва не касались земли. Для предотвращения этого при посадке на концах крыльев выпускались дополнительные шасси. Основная тяжесть самолета опиралась на две четырехколесные тележки, расположенные под корпусом самолета.

Первый полет М-4 состоялся 20 января 1953 года. Самолет был принят на вооружение в 1955 году, хотя по максимальной дальности и бомбовой нагрузке не удовлетворял разработчиков. Он так и не стал межконтинентальным без дозаправки в воздухе.

М-4 имел множество модификаций: бомбардировщик, топливозаправщик, разведчик, транспортировщик. На нем было установлено 12 мировых рекордов высоты полета и грузоподъемности и еще 7 мировых достижений скорости по замкнутому маршруту с различной загрузкой. По натовской классификации М-4 назывался

«Бизон». Со временем М-4 вытеснил более совершенный самолет Ту-95, но это было уже значительно позже.

Стратегический бомбардировщик М-4.

Тактический бомбардировщик Ил-28 подняли в воздух 8 июля 1948 года. Это был один из массовых самолетов в ВВС СССР. Всего за шесть лет серийного производства (1949–1955 годов) было построено 6316 Ил-28 самых различных модификаций.

Ил-28 конструкции Ильюшина имел на прямом крыле два реактивных двигателя небольшой мощности, обеспечивающие дальность полета 2400 км.

При проектировании самолета не предполагалось, что в его арсенале будет атомная бомба. Но стремительное нарастание противостояния между СССР и США потребовало его превращения в самолет-носитель. Доработка заключалась в оснащении бомбоотсека системой обогрева и установкой на борту необходимого спецоборудования и светозащитных шторок. В бомбоотсеке могла поместиться только одна атомная бомба.

Теперь об этом пишут...

Взлет с ядерной подвеской

Полковник в отставке Б. Д. Давыдов, принимавший участие в первом в СССР воздушном испытании атомной бомбы на Семипалатинском полигоне, вспоминает:

— В мае 1950 года в Болбасовский гарнизон из Москвы пришел приказ об отправке на новое место назначения почти пятидесяти человек. Новым местом назначения оказался поселок Багерово под Керчью. Там располагался 71-й полигон ВВС, где проводились учебные полеты,

предшествовавшие настоящим ядерным испытаниям под Семипалатинском.

Все письма из Багерово шли через Москву — не дай Бог, кто из военнослужащих проболтается родным, чем занимается.

Организацией безопасности занимался Берия, и мы, конечно, понимали: если что — не поздоровится не только тебе, но и твоим близким. Мы знали, к чему нас готовили. Периодически выполняли спецзадание, например, летали с подвешенной к самолету бомбой, правда, без заряда. Изучали баллистику. Единственное, не знали, кто именно примет участие в испытаниях. В Багерово собралось четыре экипажа: два наших и два — из-под Винницы. В конечном итоге из четырех экипажей было сформировано два и в июле 1951 года переброшено под Семипалатинск.

За три дня до взлета был объявлен состав основного экипажа. В этом списке штурманом-бомбардировщиком оказался и я.

В 5 утра 19 октября началась подвеска бомбы РДС-3 весом в 8 тонн и мощностью 42 килотонны в тротиловом эквиваленте к самолету вручную. Процесс был отработан до мелочей на фугасных моделях. Сначала ее закатывали в яму, затем подгоняли самолет, бомбу поднимали с помощью лебедок и крепили под бомболюком.

Взлет произошел в 7 утра. Ту-4 с атомной бомбой на борту сопровождали истребителями Ла-11. Наводились на круг с крестом. Он был нарисован белой краской на деревянном щите, который лежал на земле. Я включил тумблеры. После сброса самолет даже немного «всплыл», все-таки весила она немало. Я сразу же закрыл бомболюки и включил секундомер, чтобы знать, когда именно произойдет взрыв. Экипаж перешел на питание чистым кислородом, чтобы не вдохнуть радиационный воздух. Я отсчитывал: 5, 10... 30 секунд. Перед моментом, когда бомба должна была взорваться, надели очки для электросварки, специальных тогда не было. Взрыв произошел на высоте 380 метров над полигоном. Это делалось для того, чтобы увеличить радиус

поражения. В момент взрыва прикрыл глаза, но все равно почувствовал яркий свет. После взрыва очки сняли. Когда пришли ударные волны, было такое ощущение, будто деревянной дубиной бьют по самолету. Стрелки на радиометрических приборах крутились словно шальные.

После взрыва в небо взметнулся шлейф. Он поднялся на нашу высоту. Когда скорость шлейфа уменьшилась, он стал растекаться в гриб позади самолета. И — удивительно, обычно гриб изображают в виде черного облака. А мы сверху увидели его другим. Он переливался всеми цветами радуги. Очень красиво...

На полигоне, куда упала атомная бомба, наш экипаж побывал уже через пару дней. Мне кажется, что в то время все как-то играючи относились к радиации. Прилетели на самолете, приземлились рядом. Ничего, кроме выжженной земли и исковерканного, завязанного в узлы металла.

Вернувшись из Семипалатинска в Болбасово, я не сказал ни слова о том испытании. Рассказать о событиях того октябрьского дня своим детям я решился, живя уже в другой стране — в России.

Интернет, <http://fib.ru>

* * *

17 декабря наша учебная бригада, которой должен был командовать Кобыляцкий, вывезла на подвеску в бомбардировщик Ил-28 изделие «четверку».

Нестройная колонна во главе с майором Фоминым двинулась за тележкой в сторону самолетной стоянки. Со стороны эта процессия могла бы напоминать похоронную. Стоящий на рулежной дорожке аэродромный персонал, догадывался, что за штука скрывается за плотным брезентом. Вскоре наш кортеж приблизился к самолету. Средняя часть фюзеляжа в районе бомболюка была закрыта брезентовым ограждением, вход в который охранял часовой.

Тактический бомбардировщик Ил-28.

Теперь об этом пишут...

***Тактико-технические характеристики советских
бомбардировщиков***

Характеристика	Ту-4	Ту-16	М-4	Ил-28
Размах крыльев, м	40,05	32,99	53,14	21,45
Длина фюзеляжа, м	30,18	34,8	51,7	17,65
Тяга двигателей, кг·с	4×2000	2×9500	4×11000	2×2270
Масса взлетная, кг	66000	72000	202000	18400
Максимальная скорость, км/ч	558	1050	940	906
Практический потолок, м	11200	12800	15600	12500
Дальность полета, км	5100	7200	12000	2400
Вооружение	10 пуш. НС-23	7 пуш. АМ-23	6 пуш. АМ-23	4 пуш. НР-23
Бомбовая нагрузка, кг	8000	9000	18000	3000
Экипаж, чел.	11	7	6	3

*Интернет, Combat Avia, все о военной авиации
России*

Тележку с изделием отцепили от машины и вручную закатали в небольшое углубление под самолетом. Бригада, состоящая более, чем

из десятка человек, с трудом разместились в ограждении под бомболоком.

Майор Фомин дал разрешение на начало работ, предоставив Кобыляцкому руководить подвеской. Строго в соответствии с инструкцией Кобыляцкий отдал команду освободить изделие от крепежных хомутов. Теперь оно свободно лежало на своих посадочных местах, украшенное красными флажками предохранительных устройств.

Юра Кобыляцкий. 1956 г.

Два человека стали на цепи ручной тали, подвешенной внутри фюзеляжа. Применение электромоторов для этих целей не разрешалось из-за их возможного искрения. Вручную из недр бомболока опустили коромысло с двумя крюками и зацепили их за рым-болты изделия. По команде были вынуты красные флажки — предохранители, и изделие к подвеске было готово.

Позвякивая цепями, осторожно выбрали слабинку до тех пор, пока изделие не оторвалось от тележки. Непродолжительная остановка, и изделие стали медленно поднимать над тележкой.

И тут случилось страшное: по какой-то причине таль противно взвизгнула, цепи затрещали, и изделие с глухим стуком снова упало на свое ложе.

Воцарилась зловещая тишина. Первым отозвался майор Фомин:

— Ну что, младший лейтенант Кобыляцкий, — сушите сухари. Случилось то, что никогда не должно было случиться. Благодарите Бога, что это произошло во время учения.

Бедный Кобыляцкий стоял с вытаращенными глазами и все еще не мог прийти в себя. Он пытался что-то сказать, но это у него не очень получилось. Его обычно легкое заикание теперь совсем перекрыло ему дыхание.

— На сегодня — все. Разбор полетов будет завтра. Привести изделие в состояние транспортировки, — приказал наш командир и вышел из ограждения на свежий воздух.

Как показало расследование, в лебедке обнаружился технический изъян, за который командир самолета получил взыскание.

Работа по подвеске спустя несколько дней была успешно проведена, но уже не под руководством Кобыляцкого. И хоть Фомин настоятельно не советовал нам обсуждать этот досадный случай, возможные его последствия еще долго тревожили наше воображение.

Значит, все же случалось то, что никогда не должно было случиться. Об одном из таких невероятных случаев, более серьезном и опасном, вспоминает спустя десятилетия участник ядерных испытаний (смотри вставку на стр. 115).

Теперь об этом пишут...

«Атомный солдат», ставший свидетелем ЧП с первой водородной бомбой СССР

Вспоминает Тимофей Анатольевич Тимошенко, участник испытаний атомного водородного оружия на Семипалатинском и Новоземельском военных полигонах:

— Мы получили в Казани новенький Ту-4 — скоростной бомбардировщик дальнего действия, перегнали его в город Жуковский, где располагалось ОКБ Туполева, и здесь специалисты переоборудовали его под размещение ядерного оружия. Он стал первым самолетом в Вооруженных силах Советского Союза, который переоборудовали для доставки ядерного оружия...

А потом мы получили приказ лететь на этой машине в Багерово — это под городом Керчь. Назывался объект «Керчь-2» — секретный учебный ядерный полигон. Здесь же

базировался авиаполк, машины которого использовались для испытания ядерных бомб.

К этому времени я был уже достаточно опытным специалистом в звании старшего лейтенанта. Меня определили к командиру эскадрильи майору Головашко. Отсюда мы летали в Семипалатинск на ядерный полигон для испытания нового оружия.

Есть такая станция Жана-Семей, там мы и жили в спецобщезитии. А руководил объектом академик Курчатов. Тут были все его «изделия».

Первую водородную бомбу пришлось сбрасывать майору Головашко, моему комэску на самолете Ту-16а. Это был более современный скоростной бомбардировщик дальнего действия. «Изделие» находилось в подземном хранилище. Здесь же размещалась лаборатория. Рядом с ней была бетонированная ниша, которая вела в хранилище. Самолет заруливал на нишу, лебедкой поднимали «изделие» в бомболюк и крепили замками. Бомба сбрасывалась с помощью автосбрасывателя.

Самолет Ту-16 взлетел и ушел. Главным на командном пункте был академик Курчатов, а командовал командир нашего Багеровского авиаполка. На часах — 10.00 утра. Вспышки нет. Если бомба взрывалась, с командного пункта — а это 170 км от полигона — видна яркая вспышка. Ярче солнца. А тут ее нет!

Вдруг на командном пункте все забежали. Оказалось, бомба не сбросилась, и самолет возвращается.

Когда командир полка доложил о случившемся Курчатову, тот сразу связался по ВЧ с Хрущевым, объяснил ситуацию, спросил как быть с бомбой. Тот ответил Игорю Васильевичу: ты ее создал, мол, ты и отвечай. Курчатов отдал распоряжение: самолету с «изделием» садиться на «точку»... Это была нештатная ситуация, да еще какая! Курчатов говорит: «изделие» не подведет. Но страх был у всех.

Смотрим — самолет заходит на садку. Закрылки посадочные и шасси выпущены. Прошел первый раз — не

сел. Пошел на второй круг. Нервы у всех на пределе. А вдруг при посадке самолет тряхнет, и водородная бомба покатится по взлетной полосе? Но обошлось — со второго захода сел.

Причиной чрезвычайной ситуации стало то, что сигнал не проходил на систему сброса бомбы. Специалисты сняли блок, заменили его другим, опробовали — все нормально. В тот же день «изделие» снова подвесили, и на следующий день Головашко все-таки сбросил водородную бомбу на полигон...

Неисправность при сбросе бомбы стала поводом для серьезного разбирательства. На Ленинградском заводе, где производили этот блок, пострадало человек 40. Кого-то арестовали, кого-то уволили, кого-то судили.

Многих за испытание первой в мире водородной бомбы наградили.

Майору Головашко присвоили звание Героя Советского Союза и дали подполковника.

Интернет, <http://www.news2000.org.ua>, № 15, 2007

* * *

Наша учеба предусматривала работу только с двумя бомбардировщиками: тактическим Ил-28 и дальним — Ту-16. Самый современный самолет-носитель турбовинтовой Ту-95, который по натовской классификации проходил как «Бэр» — медведь, только появился на нашем полигоне. В дальнейшем он станет одним из основных стратегических бомбардировщиков СССР.

Если сравнивать американскую и советскую авиацию тех лет, то надо сказать, что по тактико-техническим характеристикам наши самолеты не уступали американским.

Стратегическая авиация США имела на вооружении три основных бомбардировщика: В-47 — среднего радиуса действия (около 5000 км), обладающего максимальной скоростью порядка 1000 км/час; устаревшего — В-36 и тяжелого В-52 с дальностью

полета, превышающей 9500 км, и максимальной скоростью более 1000 км/час^[16].

Для того чтобы достичь с территории Соединенных Штатов основных советских районов, самолету В-47 требовалась дополнительная заправка горючим в воздухе. С заморских баз его радиуса вполне хватало для полетов над большой территорией Советского Союза.

Межконтинентальный бомбардировщик В-52 мог совершить полет в центральные районы СССР непосредственно из США.

В те годы США располагали 1410 самолетами В-47 и около 500 самолетов В-52. Но в те же годы Советский Союз делал стремительный рывок в создании баллистических межконтинентальных ракет. Эти новые средства доставки ядерного оружия компенсировали преимущества Соединенных Штатов в самолетах. В дальнейшем ракеты станут основным видом стратегических вооружений обеих сторон.

А пока американцы и Советы соревновались друг с другом в дальности и скорости полетов, максимальной бомбовой нагрузке. И, конечно, — в количестве самолетов-носителей атомного оружия. Со временем бомбардировщик В-52, способный нести бомбовую нагрузку в 31,5 тонны, будет признан международными экспертами лучшим бомбардировщиком всех времен.

* * *

Приближение окончания сборов активизировало действия гарнизонных красавиц, мечтающих выйти замуж за курсантов. Несмотря на досадную пустоту на погонах, они считали их перспективными офицерами. К этому времени у многих из нас были подружки в медсанчасти, столовых и магазинах. Это были основные места работы молодых и незамужних девушек. Большинство из них жили в Багерово или в Керчи.

Мой друг Володя Соколов познакомил меня со Светой, поварихой офицерской столовой. Она, в свою очередь, познакомила меня со своей подругой Раей, официанткой. Света жила в Керчи, а Рая снимала комнату в поселке. Светлана была бойкой брюнеткой со смеющимися

веселыми глазами. Раечка, в отличие от подруги, была застенчивой и тихой. Голову ее обрамляла аккуратным венчиком толстая русая коса. Серые глаза тревожно темнели, когда кто-либо из наших отпускал ей комплименты. Она застенчиво опускала пушистые ресницы и, не обращая внимания на любезности, говорила только о том, что касалось ее работы.

В обязанности официантки входила не только подача еды, но и прием талонов на завтрашний день. Заранее можно было выбирать из меню блюда на следующий завтрак, обед и ужин. На талоне указывался номер блюда, время и дата приема пищи. Эта, почти ресторанная система, была для нас удобной, хотя и хлопотливой для обслуживающего персонала.

С помощью вот таких талонов заказывался обед на завтра.

Надо сказать, что ассортимент, внешний вид и вкусовые качества подаваемых блюд были на высоте. Цены же удивляли своей доступностью.

Во всем этом чувствовалась чья-то властная и заботливая рука. Полигон имел свои подсобные хозяйства, которые постоянно поставляли свежее мясо, овощи и фрукты.

Несмотря на разные характеры девушек, а может — благодаря этому, Светлана и Рая были неразлучными подругами. Володя и я тоже дружили еще в Харькове, так что вскоре у нас образовалась своя небольшая компания. Вместе ходили в кино и на танцы, вместе отмечали праздничные и памятные дни. Для этого специально заказывали через комендатуру пропуска на выход из гарнизона.

Спокойная и скромная Раечка мне нравилась. Появилась она в городке совсем недавно. До этого жила в небольшом поселке вблизи Керчи. Кроме нее, в простой семье было еще несколько детей, которых мама воспитывала в труде и уважении к сельской работе. Рая долго не могла привыкнуть к моим ухаживаниям, трогательно отпиралась локотками, с умеренной решительностью отворачивала личико и мило

шептала несмелые увещевания. Ее приходилось приручать, как чужую кошечку. Не сразу, постепенно в наших отношениях стал проявляться прогресс.

Бойкая Света заодно стреляла глазками и с мнимой заботой уговаривала меня не обижать Раечку. Она, мол, девушка скромная, добрая и беззащитная. Возможно, это действительно было так. Правда, как-то не верилось, что на такой работе, которой была занята Раечка, могут быть скромные девицы. Время шло, но разочарования не наступило. Рая была тем живительным фактором спокойствия, который был мне так необходим в это неопределенное время. Я впервые был надолго оторван от родителей, от близких друзей и подруг, от родного дома.

Первый снег в Крыму. 1955 г.

Впереди была неизвестность. Никто не знал, куда занесет его армейская служба, где и в каких местах придется жить. Иногда даже думалось, а будут ли там вообще женщины? И этот вопрос в двадцать четыре года был вполне закономерен.

А тут еще одну за другой показывают кинокартины о любовных страданиях. Наши сверстники Иван Бровкин и Максим Перепелица маются на армейской службе от неразделенной любви. Очаровательная Лолита Торрес строит глазки и, шурша длинными юбками, сводит с ума молодых оболтусов.

И вот тогда, когда, как говорится, «клиент созрел», возникла мысль: а не жениться ли мне на такой замечательной девушке? Не упущу ли я свой шанс на пороге неизвестности? Эта мысль, возникнув однажды, возвращалась все чаще и назойливее, тревожила и не давала покоя. Я чувствовал, что она, шла не столько от сердца, сколько от головы, и это меня смущало.

В один из вечеров, в порыве тоски и нежности, я шепнул Раечке на ушко:

— Выйдешь за меня замуж?

— Выйду, — сразу же выдохнула она. — Ты правду говоришь?

— Вполне. Но придется ехать туда — не знаю куда. Учеба моя кончается, и скоро я поеду к месту службы, о котором мало что знаю.

— С тобой — куда угодно, хоть — на край света. Только позови...

— Вот и зову, — сказал я и сам испугался своих слов.

Внутренний голос протестовал против такого скоропалительного решения, взывал к рассудку и слабому опыту, но слово уже было сказано.

Несколько дней я ходил сам не свой. Терзался мыслями о последствиях своего предложения, взвешивая доводы «за» и «против» и, как ни странно, чувствовал себя отвратительно.

Этим, конечно, не преминул воспользоваться внутренний голос: раз ты не радуешься, а мучаешься, значит, здесь что-то не так. Простое увлечение принял за любовь и готов сделать еще более опрометчивый поступок. Остановись, пока не поздно!

При первой же встрече Раечка уловила мое настроение, почувствовала, что я уже не тот, который звал ее на край света.

— Ты, наверное, передумал? — обреченно спросила она. — Может, это и к лучшему. А меня хозяйка хочет выдать замуж за своего племянника...

— Извини, Рая, но я совершил необдуманный поступок. На меня надежды нет. Ты по-прежнему мне нравишься, но я ухожу с твоего пути, — с трудом выдавил в я из себя.

Упустить такую девушку. 1955 г.

— Прощай, желаю тебе найти другую, которая бы любила тебя так, как я, — и закончила свою фразу уж совсем обреченно: — Почему я такая невезучая? Почему же я не такая, как все.

Это было сказано искренне и настолько печально, что мне стало жаль бедную Раечку. На помощь пришел все тот же бдительный внутренний голос.

На этом, казалось бы, и должна была закончиться эта амурная история. Но нет, она пошла еще на один виток.

Отмечать Новый год было решено у Светланы в поселке, где она снимала жилье. Гарнизонное начальство, решив оградить себя от возможных праздничных неожиданностей и ссылаясь на режим максимальной бдительности, вовсе отменило выход за пределы городка. Это произошло прямо перед Новым годом и расстроило наши планы. Все уже было договорено: компания составлена, продукты и выпивка закуплены, и тут — такой сюрприз. Поселковые девицы, более изобретательные и опытные в таких делах, предложили нам выйти за пределы гарнизона через проволочное ограждение. Говорят, сами так неоднократно делали.

В конце жилого городка есть места, где колючая проволока всего в один ряд, к тому же — местами попорченная. Они рассказали, как туда пройти, указали ориентиры. Так мы и сделали. Когда наступила ночь, я, Соколов, Кушнир отправились в самый дальний угол внешнего ограждения и нашли в колючке старую дыру. Она была настолько большой, что войти можно было слегка пригнувшись. Видимо, здесь не раз уже нарушали режим и с той, и с этой стороны. Без особого труда мы вышли за проволоку и вдоль железнодорожной линии прошли несколько сот метров в сторону поселка.

Нас уже ждали. Столы были накрыты, елка сверкала игрушками, горели свечи. В небольшой комнате собралось около десятка человек. В дальнем углу сидела Рая, положив по-детски на колени руки.

Не знаю, как уже так случилось, но я оказался почти рядом с Раечкой. Она сидела, опустив глаза, и боялась взглянуть в мою сторону. По радио раздался звон курантов, зазвенели разнокалиберные стаканы, и все дружно закричали: «С Новым 1956-м годом!».

Было шумно и весело. Пили и ели много. Еще больше танцевали. Радиола неумоимо прокручивала танго, фокстроты и редкие вальсы.

Я пригласил Раю. Мы молча танцевали, не находя слов для разговора. Наконец, она не выдержала и сказала:

— Через неделю, 7 января, приезжает хозяйкин племянник. Я выхожу за него замуж. Мы уезжаем в Джанкой.

— Ты хоть его знаешь?

— Нет. Даже ни разу не видела. Но он мужчина самостоятельный, богатый, имеет дом и большое хозяйство. Наверное, мы больше не увидимся...

И мне снова стало жаль бедную Раечку и отчасти — себя. Внутренний голос, видимо, тоже был уже под хмельком, так как никаких протестов с его стороны не последовало.

Кончилось все это тем, что я пообещал освободить Раечку из лап хозяйкиного племянника и возродил надежду на возможную женитьбу.

Мы уединились в угол за елку и полностью отдались нахлынувшим чувствам. К тому времени большинство присутствующих тоже разбились на пары и ничего вокруг себя не замечали. За столом сидели самые стойкие к водке и неуязвимые к любви ребята.

До рассвета надо было снова преодолеть проволоку, но уже в обратном направлении. Все прошло без приключений. Разве что брюки и ботинки были измазаны липкой грязью.

В ту ночь по части дежурил Костя Камплев. Он понимающе оценил наш внешний вид, улыбнулся и насмешливо спросил:

— Ну что, товарищи офицеры, «откобелировали» новогоднюю ночь? Приводите себя порядок и идите отсыпаться. А тебя, Валентин, чего туда понесло?

Костя Камплев. 1956 г.

У меня с Камплеевым были хорошие доверительные отношения. Добрый товарищ и неутомимый выдумщик, он был способным в учебе и прагматичным в деле человеком. Умел внимательно слушать собеседника, направлял своими ироническими замечаниями разговор туда, куда ему хотелось, и делал неординарные выводы.

Я все еще находился под впечатлением встречи с Раечкой, но внутреннее беспокойство стал уже снова ощущать. Мне необходимо было с кем-либо поговорить. Лучшего собеседника, чем Костя, нельзя было и желать.

Когда все разошлись по комнатам, я подсел к нему за столик и без предисловий выпалил:

— Костя, я собираюсь жениться...

— Нам еще этого не хватало! И на ком же, позвольте у вас спросить?

— На Раечке-официантке. Завтра иду к Князеву за разрешением...

— Да, случай — клинический, надо — лечить. Какие обстоятельства и причины заставляют тебя вступать в брак? Вдумайся в это слово — брак!

— Никаких причин, кроме собственного желания, нет.

— Тогда это еще — не смертельно. Слушай меня, Вишневский, внимательно. Во-первых, нет никакой необходимости именно сейчас жениться. Во-вторых, эта Раечка тебе через месяц так надоест, что ты на стенку полезешь. О чем ты будешь с ней говорить? О борщах? Чем она, кроме — накормить и обогреть, может тебя порадовать? В-третьих, у тебя впереди этих Раечек будет великое множество, а ты,

еще не выскочив из одной клетки, лезешь по дурости в другую. Опомнись, Валентин, иди проспись и перестань даже думать о женитьбе. К Князеву он, видите ли, пойдет. Я бы сказал, куда тебе надо пойти, да воспитание не позволяет, — решительно закончил разговор Камплеев.

Странно, но слова Кости меня не только не обидели, но даже принесли успокоение. Утром Камплеев не преминул снова возвратиться к этой теме, но это уже было лишним. Эту историю я вспомнил для того, чтобы показать атмосферу той неуверенности и неопределенности, в которой мы находились и благодаря которой готовы были на любые непродуманные действия.

А Раечка вышла замуж за хозяйновитого племянника из Джанкоя, уехала из поселка, и следы ее потерялись для меня навсегда.

* * *

Занятия подходили к концу, на носу были экзамены, но никаких разговоров о нашей дальнейшем службе ни Князев, ни преподаватели не вели. Чувствовалось, что они сами были в неведении и поэтому избегали лишних разговоров.

Количество занятий и их продолжительность резко сократились. Некоторые дни были вообще свободные. Рабочий день часто был занят всего часа три в первой или во второй половине дня. Нас никуда не торопили и, казалось, тянули время, как тянут его в конце футбольного матча.

Неопределенность породила апатию и снижение дисциплины. Все чаще можно было увидеть курсантов, лежащих на кроватях даже в светлое время суток, чего раньше никогда не было. Участились прогулы занятий и посещения медсанчасти. На самоподготовке играли в настольный футбол монетами, спичечными коробками. По вечерам процветал преферанс.

В эти дни сборы и весь гарнизон потрясла неожиданная трагедия. Когда мы ехали на объект 77, наш автобус на большой скорости столкнулся с бортовой машиной, перевозившей группу аэродромных военнослужащих. От столкновения в кузове машины погибли два человека — лейтенант и солдат. В автобусе несколько курсантов

отделались ушибами и порезами стеклом. Смерть двух человек произвела на нас тягостное впечатление. И командование, и мы чувствовали за это трагическое событие какую-то вину.

Среди всего личного состава курсов была собрана довольно большая сумма денег, которую использовали во время похорон. С погибшими прощались сначала в Доме офицеров, а потом их увезли хоронить в родные места.

Однажды Князев сообщил, что генерал Чернорез едет в Москву, в Центр, где среди прочих вопросов будет решаться вопрос о нашем будущем. Все с нетерпением ждали возвращения генерала.

И вот, всезнающий и всегда осведомленный больше всех, Камплеев таинственно сообщил, что сегодня Князев собирает всех командиров на совещание. Скоро мы узнаем, что нас ждет впереди и, главное, будем мы здесь после Нового года или нет.

Вечером в кабинет Князева отправился и наш командир Виктор Бахарев. Все мы собрались в одной из комнат гостиницы и ждали сообщений.

Витя Бахарев. 1956 г.

— Уже 45 минут сидят, — заметил Володя Кузнецов.

Через какое-то время он добавил:

— Полтора часа прошло. О чем можно так долго говорить?

— О чем, о чем? О том, что нужно повысить качество обучения, серьезней относиться к работе, укрепить дисциплину и поднять политико-воспитательную работу на более высокий уровень, — съехидничал Виктор Караванский.

В ответ на это явное издевательство кто-то огрел его подушкой по голове. Завязалась, обычная в таких случаях, возня. На какое-то время ожидание сменилось спортивной борьбой.

Бахарев пришел через два с половиной часа.

— Ну что? — спросил Кобыляцкий.

Виктор мрачно осмотрел собравшихся, неспеша закурил и сказал:

— Что? Ничего хорошего. Сборы продолжатся еще на один срок. Будем овладевать специальностью № 2 — электриков. Учеба будет в полном объеме — со всеми проигрышами, снаряжением, подвеской и экзаменом. А экзамены по нашей специальности начнутся в начале января. После этого — возможно отпуск. Но самое неприятное то, что свободного выхода за пределы гарнизона по-прежнему не будет.

То, что мы задержимся на полигоне, уже давно витало в воздухе и было принято, хотя и без радости, но и без особого негодования. Служба есть служба. А вот закрытый выход убил всех наповал.

— Нет. Надо отсюда убегать, — мрачно сказал Магда. — Ничего хорошего из этого не получится.

Когда же эта звездочка увеличится?

И без того пошатнувшаяся дисциплина стала падать еще стремительнее. Особенно это ощутили те, кто отвечал за наш морально-политический уровень: Шашанов, Шаронов, а позже — и сам генерал Петленко.

Командир сборов подполковник Князев, видимо, понял, что они перегнули палку, и через два дня приказ о закрытом выходе был отменен. Выезжать за пределы гарнизона разрешалось, но с обязательным оформлением пропуска.

О причинах продления учебы никто из командиров ничего не сообщал. Но наиболее демократичные и доступные преподаватели — Хихоль и Фомин — в разговорах осторожно высказали такое предположение. Нас готовили для работы на вновь строящихся объектах, разбросанных по всей территории Советского Союза. Задержка выпуска новых специалистов связана, скорее всего, с тем, что места нашей будущей службы еще не готовы к приему пополнения.

Это предположение позже подтвердилось. Когда мы разъехались по арсеналам и ремонтно-техническим базам, уже на местах мы убедились в его справедливости.

* * *

В одно из воскресений мы поехали в Керчь развлечься. После отмены запрета на свободный выход из гарнизона такие выезды малыми группами бывали теперь довольно часто. Бродили по узким улочкам старого города, поднимались на гору Митридат и обязательно обедали в ресторане «Пантикапей». Там уже успели привыкнуть к младшим лейтенантам, которые уважали хорошие крымские вина.

Местные офицеры нас тоже знали и, конечно, недолюбливали. То ли их раздражала наша одинаковая новенькая форма, то ли поведение, то ли закрытость нашей службы, но они относились к нам недоброжелательно и не упускали случая поспорить.

Обычно это случалось во время танцев из-за девушек. Кто-то у кого-то перехватил партнершу, кто-то кого-то неосторожно толкнул — и начиналось выяснение отношений. А так как мы были в малых чинах, но с большими амбициями, маленькие недоразумения часто выливались в большие конфликты. Иногда они случались прямо в ресторане, иногда на площадке перед рестораном, огороженной бетонной балюстрадой. Недоразумения, как правило, выяснялись, а противоборствующие стороны замирялись и продолжали выпивать вместе. Но бывали случаи, когда в спор вмешивался военный патруль, время от времени заходивший в зал ресторана.

Именно так случилось в один из серых зимних вечеров. Конфликт с группой старших лейтенантов не утихал, а все более разгорался.

Надо сказать, что именно такая разница в званиях очень взрывоопасна. Старшие лейтенанты законно считают себя старшими, а младшие — никак с этим не смиряются.

Споры и крики готовы были уже превратиться в драку, как появился патруль в морской форме. Это ничего хорошего не предвещало. Моряки считали себя хозяевами города и готовы были наказывать всех военнотружущих других родов войск. Опытные старлеи как-то быстро исчезли, не заботясь тем, что подумают об их бегстве. Мы же, зеленые и амбитные, остались выяснять отношения теперь уже с патрулем.

Нас осторожно, но настойчиво, вытеснили на веранду и потребовали документы. Старший патруля, капитан-лейтенант, долго записывал фамилии в блокнот, а мы обдумывали, что это нам будет стоить. Ведь это было наше первое задержание. Все бы кончилось только этим, если бы Юра Пересторонин не потерял часы. Находясь под хмельком, он почему-то решил, что его часы подобрал патруль и стал требовать их возвращения. Несмотря на уговоры Попова и Соколова, он пошел с патрулем в комендатуру выяснять отношения. Вместе с ним отправился Попов, умеющий, как ему казалось, находить общий язык со старшими офицерами. Мы с Соколовым решили обождать их на улице.

Юра Пересторонин. 1956 г.

А дальше, по словам Попова, события развивались следующим образом. Как только они вошли в помещение комендатуры и предъявили свои претензии, в дежурной части появился заспанный и злой помощник коменданта. Веселое настроение каких-то младших лейтенантов его возмутило, и он заорал:

— Как стоите! Смирно! Ваши документы!

Попов попытался показать свое удостоверение личности издали, но ловкий помощник коменданта быстрым ударом вышиб его из рук Попова. Пересторонин отдал свой документ сам.

— В камеру их! — скомандовал помощник. — Завтра разберемся.

И Анатолия с Юрой заперли в каком-то сарайчике до утра.

Прождав товарищей с полчаса, мы поняли, что их задержали надолго, и пошли ночевать к Свете. По дороге нас разбирал смех: Пересторонин сам напросился на ночевку в комендатуре, а деловой Попов разделил с ним участь из солидарности. Мы представляли их недоумение и возмущение и хохотали до упада. Света наше веселье не разделяла. Она знала, чем нам может грозить общение с патрулем.

Утром Попов и Пересторонин, помятые и присмиревшие, пришли к Свете, и мы первым автобусом отправились в Багерово.

Князеву о происшествии решили не докладывать, но Бахареву все до мельчайших подробностей рассказали честно. Вечером командир сборов вызвал нас к себе на разговор. Пришлось рассказать ему о конфликте в ресторане и о встрече с патрулем. О комендатуре решили не говорить. Посчитали, что может быть как-то обойдется.

— Не ходите вы по этим кабакам. От них одни неприятности. Что у нас в городке водки нет? Посмотрим, что привезет «телега», — с досадой сказал Князев.

Но «телега», как называли сообщение в часть, к нашему удивлению, ничего не привезла. То ли сообщение где-то затерялось в комендатуре, то ли сам Князев решил к этому вопросу больше не возвращаться. Ведь он слыл либералом.

В этот день снова приехала от Музрукова бригада полковника Капустина. Они снова привезли для летных испытаний несколько изделий. На этот раз никто ни от кого уже не таился. Нас признали за своих и сгрузили свой груз на объекте 70, где стояли и наши учебные изделия.

Через пару дней мы имели возможность снова наблюдать в небе имитацию взрыва атомной бомбы. Ни преподаватели, ни полковник Капустин, ни наши однокашники по ХПИ, работающие в испытательной бригаде — никто даже словом не обмолвился о результатах работы. А вот, спустя некоторое время, говорят, «вражеский голос» из-за рубежа поздравил полковника Капустина с

успешным испытанием «новой техники». Аналогичное поздравление прозвучало позже и по поводу окончания нами курса обучения.

* * *

Перед Новым годом к Славе Магде и Володе Гусеву приехали жены. Остановиться в Багерово они не решились: в военный городок их никто бы не пустил, а в поселке искать жилье не захотели.

Виту и Тамару мужа встретили в поезде, который на минуту остановился на станции Багерово. Выход за зону в то время был запрещен, но они каким-то образом все же покинули городок. Вместе с женами поехали в Керчь, разместили их в гостинице «Пантикапей» и очередным поездом возвратились в часть.

Весть о приезде «жен-декабристок» сразу же стала известной, хотя по замыслу о ней должны были знать только несколько очень близких людей. Конечно, дошла она и до командования. Князев вызвал взволнованных мужей к себе, поговорил и дал им на следующий день увольнительные в Керчь.

Уже не помню каким образом, но вместе с Магдой и Гусевым поехали в город я и Караванский.

Встреча состоялась в ресторане, где по этому поводу был устроен торжественный обед. Возбужденные встречей супруги не сводили друг с друга глаз, словно не виделись несколько лет. Когда были выпиты первые тосты и отведаны фирменные морские блюда, наступило время рассказов. А поведать было о чем. Особенно Вите Магде, которая пыталась в Москве добиться назначения по месту «работы» мужа. Виктория подробно пересказала историю «поиска правды» в кабинетах столичных чиновников.

— Как вы помните, мы приехали в Москву в августе месяце. Вы оформлялись где-то на Комсомольской площади, а я направилась прямо в свое Министерство энергетики и электрических станций. Дело в том, что мне в Политехническом институте после защиты на электротехническом факультете дали свободный диплом. Свободный потому, что неизвестно было, куда направят на работу моего Славку.

Воспользовавшись этим, я проникла в приемную министерства и предстала перед величественной дамой, которая смотрела сквозь меня,

лениво слушала мою просьбу и даже не пыталась вникнуть в ее содержание. А просьба была простая: дайте мне назначение по месту работы мужа. Когда она в конце концов поняла, что муж служит в армии, в глазах у нее заиграли злые чертики:

«Направление по месту службы в армии мужей мы не даем. С этим никогда никаких проблем не было. Пошлют вашего мужа на Дальний Восток — получите назначение на Дальний Восток, пошлют на Крайний Север — поедете на Крайний Север. Советский Союз у нас, к счастью, большой, места всем хватит. Идите, милочка, домой и ждите назначения мужа. Кстати, в каких войсках будет проходить службу ваш муж?».

«Точно не знаю, — ответила я, — но где-то в Министерстве среднего машиностроения».

«Такого министерства у нас нет. Вы что-то путаете, или у вас неверные сведения. А пока все. До свидания!» — поставила точку дама и демонстративно стала перебирать на столе бумаги.

К этому времени подъехала в Москву Люся Караванская, и дальше по инстанциям мы ходили вместе. А инстанцию мы выбрали, ни много, ни мало, — приемную председателя Президиума Верховного Совета СССР Ворошилова К. Е. Размещалась она на улице Калинина в районе московского военторга.

Вита Магда в поисках правды добралась до приемной самого товарища Ворошилова. 1953 г.

Здесь мы усложнили задачу, увеличив количество вопросов и поставив под сомнение законность призыва наших мужей в армию без их согласия. Тем более, что Витя Караванский в кадрах уже свое отслужил.

Проникнуть в приемную председателя Президиума было значительно сложнее, чем в Министерство. В первом эшелоне приемной, на самом входе в величественное здание, мы предстали перед молодым человеком. Он вежливо спросил, по какому делу мы пришли, терпеливо выслушал наши объяснения и также вежливо объяснил, что все это нужно изложить в письменном виде.

Я вынула из папки несколько листов своего заявления и протянула их референту. В заявлении подробно излагались обстоятельства дела и мои претензии к советской власти. Молодой человек стал читать текст. Его серьезное лицо иногда озарялось улыбкой, иногда становилось скучным. Особенно его развеселили строки, в которых я задавала вопрос, где в Конституции записано, что после окончания высшего учебного заведения можно насильно забирать в армию.

Но человек он был, видимо, неплохой, в чем-то нам даже сочувствовал, и потому шепотом посоветовал быть терпеливыми и настойчивыми, так как впереди нас будет ожидать полное непонимание и сплошные отказы. Заявление на имя товарища Ворошилова надо переписать заново, сократить его и более четко отразить суть прошения. Именно — прошения, а не заявления. Заявлять что-то товарищу Ворошилову он бы не советовал.

Все же нам удалось пробиться на второй этаж в приемную председателя Президиума. Здесь нас встретила женщина, строгость которой могла соперничать только с ее недоступностью. Досадливо и нетерпеливо она выслушала нашу, теперь уже, просьбу и попыталась жестко и бесцеремонно разбить в пух и прах наши построения. Но мы стояли на своем — хотим работать с мужьями, и — все. И все же, дама позволила нам пройти в кабинет начальника приемной.

Встретил нас дядечка в белоснежной рубашке с голубыми подтяжками. В руках у него был подстаканник с крепким чаем, на лице — очаровательная улыбка. Он выслушал уже хорошо отрепетированную речь и вышел из-за стола. Дядечка решил, видимо, несколько отвлечься от больших государственных дел и поговорить по душам с провинциальными «дурочками». «А почему бы вам, дорогие девочки, не получить назначение на целину? — лукаво подмигнул он глазом. — Там сейчас нужны инженеры-электрики».

«Мы согласны ехать поднимать целину, но только с мужьями. Объясните, по какому праву их забрали в армию без согласия?»

Настроение высокого чиновника начинало портиться. Он стал нервничать и нетерпеливо позвякивать ложечкой в стакане:

«Сейчас идет большое сокращение Советской Армии. Мы сокращаем армию количественно, но мы укрепляем ее качественно молодыми квалифицированными специалистами. Вот получают ваши мужья назначения куда-нибудь в Сибирь, — и поезжайте с ними. А по таким вопросам в приемную председателя Президиума Верховного Совета приходить, по меньшей мере, смешно. Если у вас все, то — до свидания».

«Нам бы к товарищу Ворошилову на прием попасть...» — робко протянула Люся.

«Товарищ Ворошилов сейчас не принимает, он — на даче. До свидания, дорогие дамы», — и белая рубашка повернулась к нам спиной.

Мы с Люсей Караванской сходили еще на Фрунзенскую набережную в здание Министерства Обороны СССР. Но здесь нас без заранее заказанных пропусков вообще на порог не пустили. И тогда нам стало ясно, что в Москве правды мы не найдем. Дальше ходить по инстанциям не было смысла. Разве что — в Министерство среднего машиностроения, но такого, как нам уже объяснили, не существует.

Я и Люся возвратились в Харьков и стали искать работу. Вскоре Караванская поступила на работу на 201-й завод, освоилась там, и через некоторое время туда же работать пошла и я. Люсю с работы не отпустили, а я вот приехала.

А вы, наши дорогие, наслаждались в это время красотами Крыма. Но мы вас и здесь нашли. Если от нас смог товарищ Ворошилов скрыться, то вам это не удастся!..

Вот такую интересную историю о мытарствах в высоких кабинетах столицы рассказала неутомимая и беспокойная Виктория Магда.

Пробыли «декабристки» всего пару дней. Погуляли по сырой Керчи, поднялись на заснеженный Митридат и, прикупив крымских вин, разъехались по домам. Вита — в Харьков, Тамара — в Киев.

Занятия первого цикла по изучению изделий под названиями «тройка» и «четверка» закончились. Наступило время экзаменов, на которых надо было показать, чему и как мы научились. Их было четыре. Первый — по специальности, второй — по схемам, третий — по проверкам и четвертый — по снаряжению. Экзаменационная комиссия состояла из преподавателя, предмет которого подвергался проверке, нескольких других специалистов, представителя Центра из Москвы и командира Князева.

Все было, как на настоящих экзаменах: билеты, отдельные столики для подготовки и неизбежное волнение. Вот только шпаргалок не было. Их заменяли описания, схемы и инструкции, которые выдавались под расписку в зависимости от содержания билета. Никакие посторонние записи вне специальных блокнотов категорически не допускались.

4 января 1956 года на экзамен по специальности — радиолокационному каналу подрыва изделия — пришел полковник Капустин. Он, как старший по званию и опытный инженер-испытатель, сразу же взял инициативу проведения экзамена в свои руки. После ответа на обязательные вопросы задавал свои — неожиданные и каверзные. Если ответ на его вопрос был нечетким или неполным, с удовольствием дополнял отвечающего и при этом радовался, как ребенок. Он явно гордился и своими доскональными знаниями, и своей ролью на экзамене. Мне он задал несколько дополнительных вопросов и, как мне показалось, ответы его удовлетворили.

Экзамен по специальности успешно сдали все. Да иначе и быть не могло. После институтских экзаменов по распространению радиоволн академику Брауде С. Я. и теоретическим основам радиотехники профессору Кашееву Б. Л. любые экзамены казались легкой викториной. А освоить еще один радиолокатор, которым являлся наш «Вибратор», не представляло никакого труда.

Экзамен по электрическим схемам принимали подполковник Хихоль и майор Тихий. Этот экзамен был посложней, так как охватывал электрические схемы всех блоков изделия в комплексе. Надо было уверенно провести подготовительный или исполнительный сигнал по нескольким листам схем через многочисленные разъемы и соединения. И не только провести, но и указать параметры сигнала на

каждом этапе его преобразования. Экзамен длился почти весь день без перерыва на обед. И он был сдан всеми без потерь.

Володя Кузнецов, которому на первой медкомиссии сказали: «Здоров, как бык!». 1956 г.

Экзамен по комплексной проверке изделия на работоспособность на стендах, или так называемый «проигрыш», производился бригадой. Несколько экзаменующихся, выполняя по инструкции команды руководителя бригады, имитировали работу изделия на всех этапах его полета. Одна часть находилась непосредственно у изделия и вызывала срабатывание механических контактных узлов. Другая — сидела у стендов и контролировала на пультах параметры электрических сигналов.

До сих пор помню первые команды, которые я подавал в начале работы: «Правая по полету чека — отрыв!» Стоящий на специальном помосте курсант немедленно отзывался: «Есть, правая по полету чека — отрыв!» — и выдергивал из верхней части корпуса чеку.

При команде: «Вдвинуть и выдвинуть БДВМ!» — вертушку временного реле рукой приводили в движение и слегка прокручивали. Как мы уже знаем, неизбежный подрыв изделия при несанкционированном падении его на землю вызывался одним головным контактным узлом — ГКУ и двумя боковыми контактными узлами — БКУ.

На экзамене имитация их срабатывания вызывалась после команд: «Вызвать срабатывание ГКУ!» и «Вызвать срабатывание БКУ!». Осуществлялось это ударами деревянной колотушки по корпусам этих узлов.

На учебных проигрышах эти операции всегда вызывали оживление, которое майор Бугаенко немедленно пресекал:

— Никаких хиханек и хаханек во время работы с такими ответственными узлами быть не может. Помните, какую операцию вы выполните — взрыв изделия!

Конечно, на экзамене никаких вольностей во время исполнения этих операций не было.

Руководителем бригады на экзамене выпало быть мне. Оценка бригадиру ставилась с учетом соблюдения последовательности и четкости отдачи команд. Оценки членам бригады определялись по правильности выполнения команд и докладов о контролируемых параметрах. На этом экзамене вся наша бригада получила отличные оценки.

Экзамен по снаряжению изделия был тоже групповым. Заключался он в установке капсулей-детонаторов в тротиловые блоки, окружающие центральную часть. Каждый из 32 капсулей-детонаторов нужно было осторожно извлечь из упаковки, перенести к изделию, удерживая его обеими руками, и ввинтить на посадочное место. В некоторых труднодоступных местах это сделать было нелегко, потому требовалась особая точность и осторожность движений.

Как это ни странно, но достаточно досконально изучив конструкции двух типов изделий, мы тогда ничего не знали об истории создания этих конструкций. За все месяцы обучения не было прочитано ни одной лекции на эту тему. Все сведения такого рода были закрытыми и недоступными. Оставались только домыслы и предположения. Сейчас уже можно воспроизвести краткую хронологию создания первой советской атомной бомбы РДС-1, составленную по опубликованным материалам последних лет.

Теперь об этом пишут...

Первая советская атомная бомба РДС-1 (хронология создания)

28 сентября 1942 года появилось распоряжение Главного Комитета Обороны № 2352 «Об организации работ

по урану». Этому предшествовало получение разведывательных данных об интенсивном развертывании американцами работ по Манхэттенскому проекту, цель которого — создание атомной бомбы.

11 февраля 1943 года ГКО принимает решение об организации Лаборатории № 2 АН СССР для изучения атомной энергии. Руководителем Лаборатории в марте назначен Игорь Васильевич Курчатов. В состав ее вошли: Алиханов А. И., Арцимович А. А., Померанчук И. Я., Флеров Г. Н., Кикоин И. К., Петржак К. А. В 1944 году в Москву возвратился из эвакуации Институт химической физики, в котором работали Зельдович Я. Б. и Харитон Ю. Б. Они дополнили коллектив Лаборатории.

20 августа 1945 года руководство по созданию атомного оружия возлагается на Специальный Комитет при ГКО во главе с Берия Л. П. Его заместитель — нарком боеприпасов Ванников Б. Л. Для решения технических вопросов при Специальном Комитете создан Технический Совет под руководством Ванникова Б. Л.

30 августа 1945 года распоряжением Совнаркома № 2227-567 создается Первое Главное Управление при СНК СССР. В состав его входили руководители различных наркоматов. При ПГУ имелся свой Технический Комитет, в который входили Ванников Б. Л., Завенягин А. П. и ученые-атомщики: Курчатов И. В., Иоффе А. Ф., Капица П. Л., Харитон Ю. Б.

Большую роль в продвижении проекта следует отдать работе разведки, поставившей огромное количество информации нашим ученым.

9 апреля 1946 года Совмин СССР издал распоряжение № 806–327 о создании при Лаборатории № 2 специального Конструкторского бюро по разработке ядерного оружия — КБ-11, начальником которого назначается Зернов П. М., а главным конструктором — Харитон Ю. Б. В качестве месторасположения КБ-11 был избран г. Саров, позднее — Арзамас-16. В настоящее время здесь находится Российский Федеральный Ядерный Центр — ВНИИЭФ.

Перед КБ-11 ставилась задача создания двух вариантов бомб: урановой — с пушечным сближением и плутониевой — со сферической имплозией. Испытания плутониевого заряда предполагалось совершить до 1 января 1948 года, уранового — до 1 июня 1948 г.

1 июля 1946 года было составлено техническое задание на атомную бомбу. Оно состояло из 9 пунктов и оговаривало тип делящегося материала, способ его перевода в критическое состояние, размеры и массу бомбы, одновременность срабатывания электродетонаторов, требования к высотному взрывателю и самоликвидации системы в случае отказа.

Для создания атомного заряда потребовалось проведение множества теоретических исследований и разработок новых технологий:

- определение критической массы;
- создание теории эффективности;
- методов отделения изотопов урана и плутония;
- способов механической обработки делящихся материалов;
- организации производства полония для нейтронного инициатора;
- отработка конструкции инициатора;
- изучение процессов взрыва сферического заряда ВВ;
- создание теории имплозии;
- изучение сжимаемости материалов;
- разработка электродетонаторов, системы автоматики, корпуса бомбы.

В феврале 1948 года были скорректированы сроки по созданию бомбы: предписывалось обеспечить изготовление и предъявление одного комплекта бомбы РДС-1 к 1 марта 1949 года.

Разработка атомного заряда РДС-1 началась в НИИ-6 в конце 1945 года с создания макета по устным указаниям Харитона. Модель была разработана к началу 1946 года, и к лету изготовлена в двух экземплярах.

К концу 1946 года была начата разработка документации на натурный заряд. В начале 1947 года в КБ-11 начато проведение исследовательских взрывных работ.

25 декабря 1946 года был запущен первый в СССР уран-графитовый реактор и произведена управляемая цепная ядерная реакция. Пуск реактора подтвердил правильность выбранного пути.

В конце 1947 года были получены первые микрограммовые количества плутония, в 1948 году — миллиграммовые, в начале 1949 года — граммовые.

Конструкция РДС-1 во многом опиралась на американскую атомную бомбу «Толстяк». Было принято принципиальное решение повторить американскую атомную бомбу. Хотя некоторые системы: баллистический корпус, электронная начинка — были советской разработки.

Атомный заряд представлял собой многослойную конструкцию, в которой перевод активного вещества — плутония в критическое состояние осуществлялся путем его сжатия посредством сходящейся сферической детонационной волны во взрывчатом веществе.

Заряд взрывчатого вещества из сплава тротила с гексагеном состоял из двух слоев. Внутренний слой формировался из двух полусферических оснований, внешний — собирался из отдельных элементов.

Система автоматики бомбы обеспечивала осуществление ядерного взрыва в нужной точке траектории падения бомбы. Для повышения надежности срабатывания изделия основные элементы автоматики выполнены по дублирующей схеме.

Главным конструктором советской атомной бомбы в 1948 году Сталин назначил Духова Н. Л.

29 августа 1949 года в 6 часов утра РДС-1 была взорвана на башне полигона в Казахстане.

18 октября 1951 года с самолета Ту-4 была сброшена первая серийная атомная бомба.

Интернет, <http://www.atomas.ru>

Конструктор советских атомных бомб Юлий Харитон рядом с одним из своих творений.

* * *

10 января в конференц-зале состоялось совещание по итогам первого этапа обучения. В президиуме сидели преподаватели во главе с подполковником Князевым и представитель Центра майор Орлов.

Князев положительно оценил наши успехи по освоению новой техники, сообщил о результатах экзаменов и зачитал приказ о поощрении наиболее отличившихся благодарностями и грамотами. Отмечены были все командиры взводов, командиры бригад и курсанты-отличники.

Затем он предоставил слово майору Орлову, который курировал в Центре наши курсы:

— Товарищи офицеры! Вы закончили первый цикл работ по изучению конструкций некоторых видов изделий. Вас научили, как их приводить в рабочее состояние и применять в боевой работе. Но это только начало большой и трудной дороги, которая называется армейской службой. И на всем протяжении службы вам предстоит постоянно осваивать все новые и все более совершенные образцы военной техники.

Некоторые из вас считают, что они уже все знают, все освоили, и ожидают особых условий прохождения воинской службы. Некоторые

недовольны условиями быта, которые у нас, как вы позже убедитесь, совсем неплохие. Некоторые требуют бесперебойного и безусловного снабжения, обеспечения форменной одеждой и денежным довольствием. В армии такое недопустимо: командование эти вопросы решает без ваших напоминаний и, тем более, требований. Что положено — то непременно будет. Некоторым не нравятся требования воинской дисциплины и правила безопасности работы режимных объектов. Все это определяется не нами, а воинскими уставами, приказами начальников гарнизона и строгими правилами обеспечения секретности.

Привыкайте, товарищи офицеры, к условиям армейской жизни и поскорее забывайте гражданские вольности.

Теперь о главном. Командование наших войск решило продлить ваши сборы и провести второй цикл обучения. Не нам обсуждать причины и целесообразность этого решения. Радуйтесь, что это происходит на юге, в Крыму, а не где-нибудь в другом месте.

Вы должны освоить вторую специальность, расширив таким образом ваши знания и умение, что будет полезно для вашего дальнейшего продвижения по службе. Второй цикл работ начнется после того, как вы побываете в отпуске. Несмотря на некоторые недостатки первого цикла учебы, вы его заслужили. 40 дней досрочного отпуска командование предоставляет, чтобы вы отдохнули и с новыми силами принялись за учебу.

Все необходимые документы и денежное довольствие уже готовы. Желаю удачного отдыха, товарищи офицеры!

После этой не совсем приятной речи Орлова засыпали вопросами. Большинство из них касались будущих мест службы, условий проживания, возможности трудоустройства жен, перспектив работы и возможностей ротации. На большинство вопросов майор отвечал примерно так:

— Послужите — увидите. Родина и командование вас не забудут. Все, что необходимо для успешной службы, будет: и жилье, и соцкультбыт, и перспектива. Главное — хорошо и добросовестно относитесь к порученному вам делу.

На следующий день в административной части нам выдали отпускные документы, деньги и билеты, заявки на которые командиры взводов собрали заранее.

Глава IV

Отпуск

*За сполох чистый, сполох ранний
далеких радостей моих
я не отдам очарований
туманной памяти о них.*

М. Алигер

*У каждого из нас в детстве были милые сердцу
речки и леса, горы и тропки, дворы и улицы, которые
спустя много лет греют нас золотыми снами.*

В. Чивилихин

**• Воспоминания о военных лагерях • Дома на Холодной горе • Друзья
с улицы Ярославской • Театр им. Т. Г. Шевченко • Корифеи
украинской сцены • Семья Слоневских • Первая встреча с Лилей
Колесниковой • В гостях у Тищенко**

В отпуск я ехал со смешанными чувствами. С одной стороны радовало сорок дней полной свободы в кругу близких и друзей. С другой стороны, тревожило то, что мои сердечные подруги обиделись за то, что я их всех пригласил на прощальный вечер. За четыре месяца — ни одного письма. Особенно виноват я был перед той, с которой сидел за одной партой...

Меня ждали только дорогая мамочка да друзья с улицы Ярославской. Холодногорские приятели-соседи, закончив институты, разъехались по назначениям в разные стороны нашей большой страны.

Вовка Титов, школьный товарищ с Блискучего переулка, получил распределение куда-то за Волгу на строительство военных объектов. Горик Яловой, друг с улицы Технической, после окончания юридического института очутился в приморском городе Феодосия. Шурик Морозов, сосед по дому, окончил электротехникум связи, пошел служить в армию и пребывал где-то на Карельском перешейке.

В Харьков мы со Славой Магдой ехали в одном купе. Годы совместной учебы на одном факультете и совместная служба сблизили нас настолько, что мы стали добрыми и неразлучными друзьями. Правда, между нами имелось одно существенное различие: он еще в институте женился на прекрасной девушке Вите, а я все еще пребывал в холостяках. В результате этого у Славика уже в самом начале службы было множество забот и волнений, а меня они только ожидали. И то — пока только гипотетически.

Вагон вздрагивал на рельсах, стаканы с чаем в подстаканниках позвякивали ложечками, бутылочка коньяка завлекательно покачивала своим вогнутым мениском, а мы вели неторопливую беседу о жизни. Со Славиком нужно и можно вести только неторопливую беседу. Он никогда никуда не спешит, говорит медленно, вдумчиво и авторитетно. В его слова необходимо вслушиваться, анализировать и, я бы сказал, смаковать их. Ни в коем случае не следует торопить Славика, так как развитие и изложение его рассказа не только не ускорится, но может и замедлиться. Он умеет вызывать уважение к собственным словам и удачно этим пользуется. Лучше всего, если вы вообще будете молчать, слушать и наслаждаться основательностью услышанного.

Слава Магда. 1956 г.

Учитывая то, что в купе мы были не одни, наша беседа носила в основном ностальгический характер. Вспоминали случаи из институтской жизни и лагерных сборов в Воронеже и Змиеве, куда нас посылала военная кафедра.

— Все это, как мы теперь понимаем, была напрасная трата времени и средств, — сказал Славик. — Ничему нас там не научили и не могли научить. Только лишний раз показали казенщину службы и бестолковость начальства, отсталость техники и глупую немотивированность дисциплины. Получалось так, что большие начальники с большими звездами придумали эти лагеря не для того, чтобы поднять престиж военной службы, а, наоборот, — вызвать к ней отвращение. А ведь в лагерях, — продолжил он, — надо вызывать интерес к армии. Показывать ее неповторимую уникальность, новейшую технику, культуру службы и быта. А они исходят из злобствующей установки: служба в армии — не мед и не сахар, это не гражданка, это значительно хуже, и вам она не должна понравиться!

— Ты, Славик, нарисовал очень мрачную картину. Вспомни, сколько интересного и веселого привезли мы из лагерей. Годами с удовольствием вспоминали топографические занятия на местности, тепловую закалку в раскаленных будках радиолокаторов, лекции безграмотных старших лейтенантов и вечерние прогулки с песней по стадиону под командованием сержанта Вороного. Помнишь, как запевали:

...Тишина везде вокруг, а коню не спится,
Ему чистая вода и кобыла снится.

Конь мой, конь, конь вороной,

Ходим мы с тобой,
Бродим мы с тобой —
Бережем страны покой!

Помкомвзвод Вороной при этих словах в растерянности соображал: про него эта песня или про коня.

— Вороной был вообще легендарной личностью, — согласился Славик. — Он с видимым удовольствием муштровал «студентов» на стадионе и в поле. Только его ограниченные умственные способности могли позволить ему после этого спрашивать у них же совета, какие лампы и детали выгоднее всего красть из разукомплектованных радиолокаторов.

Сержант Вороной проводит занятия. Воронеж, 1952 г.

В результате этого сержант был немедленно «сдан» начальству лагерей для дальнейшего разбирательства. Хорошо, если все это окончилось для него гауптвахтой... Тогда вместе с Вороным посадили на гауптвахту Вадика Гарцуева. Как раз перед нашим отъездом из лагерей. Мы едем домой в Харьков, а бедный Гарцуев отправляется продолжать срок пребывания на сборах. А посадили его из-за пререканий с тем же Вороным.

— Да и у тебя, Вишневский, с помкомвзвода был конфликт.

— Это точно, — ответил я. — Случилось это на полевых занятиях, которые Вороной, как правило, устраивал на солнцепеке. Я

тогда носил темные очки, что уже само по себе раздражало сержанта. Он усматривал в этом какое-то смутное нарушение устава, но какое — сформулировать не мог.

В тот день мы расположились на пожухлой траве глубокого оврага и с безучастным равнодушием слушали монотонное чтение устава. Я прислонился к глиняной стенке, расслабился и, глядя в упор через светофильтры на Вороного, самым настоящим образом уснул. Моя продолжительная неподвижность и подозрительное внимание к уставу строевой службы его сразу же насторожили. И в это время у меня предательски сверкнула тонкая струйка слюны. Вороной все понял, захлопнул устав и не скомандовал, а — взревел: «Рядовой Вишневский, встать! Снимите очки, и чтобы я их больше нигде, никогда и ни у кого не видел!».

Воспоминания о лагерных сборах как о необычных приключениях всегда пользовались успехом. На любых встречах и вечеринках они веселили и поднимали настроение. Теперь их занимательная сторона отходила в сторону, позволяя сравнивать лагерную жизнь с тем, что мы имели сейчас. Одно дело послужить месяц-другой ради развлечения, другое — годы, а может быть, и всю жизнь.

Славик Магда был тем человеком, с которым можно говорить честно и откровенно, и потому я задал ему прямой вопрос:

— Как дальше служить будем? И будем ли служить вообще?

Мой друг на какое-то время задумался, а потом, наклонив голову чуть в сторону, сказал:

— Не знаю, как ты, а я буду уходить из армии. И как можно скорее.

— А я еще посмотрю: куда получу назначение и что придется делать...

Но вагонные колеса постукивали на стыках рельс и впереди нас ждал отпуск. О грустном думать не хотелось. Хотелось надеяться на лучшее.

Мама — Мария Феоктистовна, я и отчим — Михаил Иванович, в Румынии. 1946 г.

* * *

На вокзале меня встречали Саш и Витя Бороденко, мои задушевные друзья. Вместе поехали на Холодную меня уже ждали родители.

Дома был накрыт праздничный стол. Мама, по обыкновению, наготовила и напекла множество вкусностей. «Як на Меланине весілля», как определяла она масштабы содеянного. Были среди них и мои любимые вареники с сыром, и румяные сладкие «хрустики». Отчим, Михаил Иванович, постарался оживить стол водкой и вином, без которых у нас никогда не обходились застолья. Все было, как всегда, — обильно, вкусно и душевно.

Мама рассказывала о работе в школе, об учебе на заочном отделении, о родственниках, о знакомых.

Она осуществляла свою заветную мечту — закончить институт и получить высшее образование. До войны она училась в Одесском педагогическом институте, но не успела его закончить. Война надолго отодвинула эти планы. Несмотря на то, что у нее уже был многолетний педагогический стаж и никто не побуждал ее к учебе, она все же поступила в институт. Трогательно было слушать, как она с гордостью рассказывала об успешно сданных зачетах и экзаменах, о высокой оценке ее контрольных работ маститыми профессорами.

Слушая маму, отчим только улыбался. Его мало тревожило то, что у мамы не было высшего образования. Не особенно приветствовал он и мамину учебу, которая отнимала много времени и душевных сил. Но,

как человек покладистый и мягкий, он мирился со всеми этими издержками и потерями.

Рассказы отчима, работавшего директором фабрики-кухни ХЭМЗа, касались больше трудностей снабжения его большого сложного производства, а также неприятностей общения с руководством треста столовых и ресторанов.

В Харьков наша семья попала почти случайно. Сразу же после окончания войны мама вышла замуж за капитана — артиллериста, освобождавшего наше село от немцев.

Спустя некоторое время отчим вызвал нас к себе в воинскую часть, которая располагалась в Румынии. В трудные послевоенные дни командование Красной Армии разрешало такие поездки. С одной стороны, они скрашивали жизнь офицеров в чужих странах, с другой, — позволяли подкормить их семьи армейскими пайками.

Когда пришло время демобилизовываться, встал вопрос, куда нам возвращаться в Союз. Во время оккупации наша квартира в Одессе была разгромлена и безвозвратно потеряна. В Харькове жил и работал наш близкий и влиятельный родственник Петр Федорович Слоневский. Он пригласил нас к себе, обещая помочь и работой, и жильем. Свое слово он сдержал, и мы некоторое время жили в его доме. Потом отчим получил квартиру на Нижней Гиевке, улице, которая проходит на границе Лысой и Холодной горы.

Одноэтажный кирпичный домик довоенной постройки с множеством маленьких комнат имел полуподвал, в котором размещались кухня и подсобные помещения. Отсюда был выход прямо в старый сад. И хотя особых удобств в доме не было, но зато было тихо и уютно, как в деревне. Здесь и прошла моя школьная и студенческая юность.

* * *

Среди всех улиц города Харькова есть две улицы, которые мне более всего близки и дороги. Это — Карла Маркса и Свердлова. Первая из них, сравнительно спокойная, была словно предназначена для проживания, лечения и учебы. Вторая — шумная и суетливая, служила местом развлечений, питания и торговли. По первой, тихо

шелестя широкими шинами, ходили голубые пузатые троллейбусы. По второй — звеня и гроыхая, тряслись синие трамваи, на площадках которых гроздьями висели нетерпеливые пассажиры. По приезде в Харьков, некоторое время нам пришлось жить в подвале на улице Карла Маркса.

В этом районе я пошел в 118-ю школу, находившуюся в то послевоенное время на улице Ярославской между Карла Маркса и Свердлова. Здесь в 7-м классе познакомился со своими первыми харьковскими друзьями: Шуриком Олейником, Толиком Шевченко, Виктором Гончаром. Все мы жили недалеко от школы, часто друг с другом встречались, ходили в одни и те же кинотеатры и спортивные секции.

Мои лучшие друзья — Саша Олейник и Витя Бороденко. 1949 г.

Но основным местом встречи был двор низенького одноэтажного дома на углу Карла Маркса и Ярославской. Здесь, в одной из квартир, жил мой одноклассник Олейник. В семье его звали Шура, что у нас трансформировалось в доверительное «Сюра». Это был способный и спокойный мальчик, который учился только на отлично. Он жил вместе

с родителями и старенькой бабкой в крохотной однокомнатной квартире, перегородженной надвое шкафом и буфетом.

Шурик познакомил меня со своим соседом по двору Витей Бороденко, вихрастым задиристым пареньком, работником сцены в театре. Он был на два года старше меня, опытнее и, главное, — добывал деньги на жизнь собственным трудом. Мы быстро подружились и стали друг с другом обмениваться тем житейским опытом, который к тому времени уже удалось накопить. Витя раскрыл передо мной замечательный мир театра, я — мир учебы. В результате я стал постоянным посетителем театра имени Т. Г. Шевченко, а Витя успешно закончил вечернюю школу. На этом он не остановился и поступил в УЗПИ. После окончания вуза стал заведующим лабораторией в Харьковском сельскохозяйственном институте. Но это было уже намного позже.

Часто приходил Толик Шевченко, живший неподалеку на Чеботарской улице, известный в Харькове боксер. Он был неоднократным чемпионом Украины и Вооруженных Сил СССР в тяжелом весе. Мы любили и уважали этого большого добродушного парня с густым румянцем на красивом лице. Гордились тем, что Толик боксировал с самим Николаем Королевым и Альгирдасом Шоцикасом.

Толик Шевченко — спортивная гордость Украины. 1953 г.

Начинал он свою боксерскую карьеру вместе с нами, своими одноклассниками. Но мы после первых же учебных боев у тренера Емельянова перестали посещать боксерскую секцию ДЮСШ. Толик же упорно и настойчиво поднимался по спортивной лестнице и в конце концов стал одним из сильнейших боксеров СССР. Иногда он дарил нам красивые значки с очередного первенства, и мы без зазрения совести выхвалялись ими перед знакомыми девушками.

Саша Олейник, я и Валентин Ротариуш. 1956 г.

На Карла Маркса в особняке с мезонином, к которому вела крутая деревянная лестница, жил еще один из постоянных посетителей дома на углу — Саша Плахотников по кличке «Хвост». Он имел какие-то связи с книжными барыгами Благовещенского базара и мог доставать дефицитные в те времена книги. Веселый и крикливый, он сразу же наполнял громким голосом все пространство маленького двора. Над ним вечно посмеивались, но он на это не обращал ни малейшего внимания и не обижался.

Вот к этим друзьям я отправился на второй день своего отпуска. Встретили меня радушно и приветливо. Сразу же принялись организовывать в квартире Вити Бороденко нечто подобное застолью. Его добрая мама, которая умела готовить потрясающе сочные и вкусные котлеты, сразу же стала колдовать у плиты. С любопытством друзья рассматривали мою авиационную форму и расспрашивали о характере моей службы.

Виктор Бороденко. 1954 г.

Все знали, что я закончил радиотехнический факультет и должен, по идее, заниматься в армии радиолокацией. Я уже был готов к такого

рода вопросам, и потому без зазрения совести импровизировал об аэродромной радиолокационной службе. Для тех, кто пытался лезть в детали, а таким, конечно, был Плахотников, напоминал, что в армии существует такое понятие как военная тайна.

Выяснилось, что все мои друзья пока еще не женаты, хотя у Шурика Олейника брачные узы были уже не за горами. Его подруга Лиля, которую я хорошо знал еще во время учебы в институте, преуспела в этом деле. Шурик долго болел, и Лили могла показать свои лучшие качества будущей жены. И хотя потенциальный жених с женитьбой не спешил, но мощный натиск Лили и родителей Шурика не оставлял места для большого маневра.

Наше застолье закончилось тем, что Виктор предложил сыграть в преферанс. Долгие годы мы играли в буру, в петушки, очко, и я, студент, в совершенстве освоивший преферанс, не мог склонить Виктора на эту, как мне казалось, более интересную игру. Традиции и привычки были сильнее. И только на последнем курсе мне удалось привить Бороденко и Олейнику интерес к преферансу.

Первая же раздача карт показала, что мои друзья продвинулись за это время весьма далеко, смело заказывают игру почти без страховки. Даже начальные два круга распасовки освоили основательно, хотя прежде старались их избегать. Неплохо дело обстояло и с ловлей мизера. Витя имел прирожденные способности к любой карточной игре, играл охотно и успешно. Редко кому удавалось у него выиграть. Теперь он показывал высокие результаты и в преферансе. И хотя мы играли не для выигрыша, а для удовольствия, наш друг нас все же обыграл.

Для меня главным было снова окунуться в атмосферу тех давних дней, когда мы были послевоенными «приблатненными» мальчишками. Когда заботы воспринимались легко и особенно не тревожили наши юные души. Когда надежды ограничивались ближайшими сроками, оставляя в резерве все оставшиеся годы. Когда все плохое казалось временным, а хорошее было совсем рядом — за ближайшим углом.

Следующая наша встреча произошла в театре. Витя Бороденко, как в старые добрые времена, пригласил нас на спектакль «Не називаючи прізвищ».

Один из старейших украинских театров — театр им. Т. Г. Шевченко занимал особое место в нашей жизни. В период с 1946 по 1950 годы мы настолько часто его посещали, что он стал местом нашего сбора. Этому послужили две неравноценные причины. Первая — в послевоенном театре играли великолепные актеры, которых сейчас величают корифеями украинской сцены. Вторая — Витя Бороденко всегда обеспечивал нам почти свободный вход.

Харьковский академический театр им. Т. Г. Шевченко. 1954 г.

В то голодное время, несмотря на замечательный актерский состав и блестящий репертуар, театр полностью заполнялся зрителями только во время премьер. В остальные дни в нем всегда были свободные места. Мы облюбовали одну из лож в правом крыле второго яруса, которая почти всегда пустовала, и сделали ее местом наших встреч. В закрытом с трех сторон уютном пристанище удобно было следить за спектаклем и общаться друг с другом. Это было тогда, когда шло представление, которое мы видели много раз. К примеру, пьесу «Старі друзі» все знали наизусть и могли без запинки воспроизвести любую роль. К тому же всегда можно было отвлечься от спектакля, отодвинув кресла в глубину ложи.

Проходили в театр чаще всего, как тогда говорили, «дав на лапу червончик» знакомой контролерше тете Клаве. Иногда таким образом проводили и знакомых девочек, хотя делали это редко и неохотно.

Девочки, попав в театр, может быть, в первый раз в жизни, полностью поглощались сценой и выпадали из нашего сообщества. Исчезало главное — возможность поухаживать. Они нам становились неинтересными, а мы им — назойливыми. Поэтому чаще всего в театре собиралась мужская компания. Не следует думать, что театр был только местом нашего сбора. Все мы за эти годы полюбили его спектакли, замечательных актеров, которые разыгрывали волшебные действия, так сильно отличающиеся от обыденной жизни. Сохранились детские дневники 1946-48 годов (к сожалению, потом я бросил их писать), где перечислены спектакли, которые я тогда видел. Привожу их перечень только за полтора года в украинской транскрипции:

11 січня 1947 р. Далеко від Сталінграду;
14 січня 1947 р. Ярослав Мудрий;
17 січня 1947 р. Шельменко-денщик;
26 січня 1947 р. Одинадцять невідомих;
31 січня 1947 р. Старі друзі;
9 лютого 1947 р. Дай серцю волю, заведе в неволю;
14 лютого 1947 р. Гроза;
28 лютого 1947 р. Тев'є-молочник;
10 березня 1947 р. Ярослав Мудрий;
16 березня 1947 р. Старі друзі;
23 березня 1947 р. Егор Буличов;
1 квітня 1947 р. Талан;
2 квітня 1947 р. В степах України;
28 квітня 1947 р. Талан (спектакль-концерт);
7 травня 1947 р. Євгенія Гранде (спектакль-концерт);
14 червня 1947 р. Ярмарок наречених;
6 грудня 1947 р. Молода гвардія;
24 грудня 1947 р. Глибоке коріння;
11 січня 1948 р. Молода гвардія;
26 березня 1948 р. Глибоке коріння;
27 травня 1948 р. Софія Ковалевська.

А какие спектакли шли в те годы! Каких великих артистов мы могли видеть на сцене почти каждый день!

Вспоминается премьера великолепной пьесы Ивана Кочерги «Ярослав Мудрый», которую в театре поставили в конце 1946 года. Она имела потрясающий успех и была высоко оценена зрителями не только Харькова, но и Москвы. Даже мы, завсегдатаи театра, не смогли попасть на первое представление и смотрели премьерный спектакль в январе 1947 года. Прошло шестьдесят лет, но и сейчас мурашки бегут по спине, когда вспоминаешь первые громopodobные слова Ярослава Мудрого:

«Благослови, Господь, державний Київ!».

Роль Ярослава исполнял великий украинский актер Иван Александрович Марьяненко. В роскошном княжеском облачении, с символами власти в руках, он выходил на передний план сцены, и зал замирал в предчувствии великого действия.

Он играл с огромным темпераментом и внутренней убедительностью. Марьяненко — Ярослав блестяще выражал всю сложность и противоречивость образа своего героя: суровость воина, одаренную теплом отеческой любви, сомнения государственного деятеля, побежденные верой в народ. Это был отважный воин, любящий отец, мудрый дипломат и живой человек.

Народный артист СССР И. Ф. Марьяненко в роли Ярослава Мудрого. 1947 г.

В спектакле с большим успехом играли и другие ведущие артисты театра.

София Федорцева играла жену Ярослава, гордую, властолюбивую и коварную интриганку Ингигерду, которой были чужды идеалы мужа.

Олесь Сердюк создал многогранный образ монаха-художника Мыкиты с мятущейся душой и честным сердцем. Убедительно и сильно выражал он молчаливую и безнадежную любовь к дочери князя — Елизавете.

Евгений Бондаренко в образе монаха-переписчика Свичкогаса с тонким юмором показал любителя земных радостей гуляку и пьяницу, облаченного в монашескую рясу. Полина Куманченко трогательно сыграла Елизавету, дочь Ярослава, «ласкового ангела», олицетворяющего любовь, мир и красоту.

Семен Кошачевский был великолепен в роли Гаральда, красивого, смелого и благородного варяжского предводителя.

Постановку «Ярослава Мудрого» осуществил художественный руководитель театра Марьян Михайлович Крушельницкий, а костюмы и декорации создал художник Борис Васильевич Косарев.

Я несколько раз смотрел «Ярослава Мудрого» с разными составами артистов. Ярослава играл также артист Д. Антонович, а Ингигерду — артистка Л. Криницкая. Все они были великолепны в спектакле, но, на мой взгляд, превзойти И. Марьяненко и С. Федорцеву не могли.

В июне 1947 года было опубликовано Постановление Совета Министров СССР о присуждении спектаклю «Ярослав Мудрый» Сталинской премии первой степени. Лауреатами стали: М. Крушельницкий, И. Марьяненко, О. Сердюк и художник Б. Косарев.

Высокая оценка спектакля, посвященного истории Киевской Руси, вызвала бурную радость у харьковчан, тайную зависть у киевлян и недоумение у москвичей. В то время еще не было ярко выраженной конфронтации в трактовке истории: Киевская Русь однозначно считалась предшественницей России, и Украина ни в коей мере не могла единолично претендовать на это место.

Поэтому сильные киевские князья, такие как Владимир и Ярослав, как и сильные русские цари Иван Грозный и Петр I, пользовались особым вниманием у сильного вождя Сталина.

Говорили, что Иван Кочерга написал пьесу «Ярослав Мудрый» по прямому указанию вождя. Князь Ярослав после долгих кровопролитных войн со Святославом, Болеславом, Брячиславом «вытер пот с лица» и приступил творить «наряд», то есть порядок в объединенной под его властью русской земле. Победоносно закончив

войну с гитлеровской Германией, генералиссимус Сталин тоже был готов приводить в порядок расшатанный войной Советский Союз. И ему требовались исторические аналогии. Такой аналогией и служила пьеса «Ярослав Мудрый». Отсюда, видимо, и такая высокая оценка работы харьковских мастеров сцены.

Это была великая удача, что мы, пацаны зланных районов Благбаза и Холодной горы, не упустили свой шанс. Несколько лет подряд мы посещали славный театр и не раз имели счастье видеть и слышать великих артистов. Они уже тогда имели высокие звания — народные и заслуженные артисты СССР и Украины. Сейчас о них написаны тома исследований и воспоминаний.

Народного артиста СССР М. Крушельницкого мне посчастливилось видеть в роли Ивана Непокрытого в спектакле «Дай сердцу волю, заведет в неволю», Тевье — в «Тевье-молочнике», Егора Булычева — в одноименной пьесе. Это был артист, которому были подвластны и глубоко трагические, и трогательно лирические, и гротескно веселые роли.

Народный артист СССР М. М. Крушельницкий в роли Тевье-молочника. 1947 г.

Народного артиста СССР И. Марьяненко, помимо роли Ярослава Мудрого, мне довелось видеть в роли Богдана Хмельницкого в спектакле «Богдан Хмельницкий», Феликса Гранде — в спектакле «Евгения Гранде». Я его запомнил как могучего актера с громогласным голосом, великолепным сценическим движением и широким диапазоном эмоций.

Незабываемое впечатление производила на зрителей народная артистка УССР Валентина Николаевна Чистякова. Мне посчастливилось видеть ее в роли Евгении в спектакле «Евгения

Гранде», Лучицкой в пьесе «Талан» и Катерины — в «Грозе». Величественная и очаровательная актриса, привлекательная и красивая женщина, ей подвластны были любые роли. Она была на голову выше всех остальных исполнительниц женских ролей, интеллигентной и талантливой. Но за ней всегда незримо присутствовала тень ее репрессированного мужа, великого режиссера-новатора Леся Курбаса. Поэтому Чистякова всегда пребывала как бы на втором плане.

Народная артистка УССР В. Н. Чистякова, в роли Лучицкой в пьесе «Талан». 1947 г.

Особо хотелось бы вспомнить замечательных комедийных актеров — народного артиста СССР Евгения Васильевича Бондаренко и народного артиста УССР Михаила Федоровича Покотило.

Мне довелось видеть Бондаренко в роли Дикого в «Грозе», Шпака — в «Шельменко-денщик», отца Павлина — в «Егоре Булычеве» и, конечно, Свичкогаса — в «Ярославе Мудром». Запомнился он мне искрометным юмором и неповторимым тембром голоса, которые пронизывали все его роли. Его любили зрители и уважали коллеги по сцене. Он был неповторим.

Покотило завсегдатаи театра не просто любили, а — обожали. Помню его, прежде всего, в роли Шельменко в «Шельменко-денщике», которую он блестяще играл многие годы в театре и даже в кино. Видел его в роли Пупа — в «Степях Украины», Трубача — в «Егоре Булычеве».

Невозможно перечислить роли других выдающихся артистов, которых в те годы пришлось видеть. Но некоторые из них не могу не отметить особо, так как считаю это подарком судьбы.

Народный артист СССР Александр Иванович Сердюк: Микита в «Дай сердцу волю, заведет в неволю», Богун в «Богдане

Хмельницком», Часник в спектакле «В степях Украины».

Народная артистка УССР София Владимировна Федорцева: Катерина в «Грозе», Глафира в «Егоре Булычеве», Ингигерда в «Ярославе Мудром».

Народный артист СССР Данило Исидорович Антонович: Кривонос в «Богдане Хмельницком», Карп Карпович в «Не называя фамилий», Витровий в «Калиновом гае».

Народная артистка УССР Н. Герасимова: Варвара в «Любовь на рассвете», Катерина Крилата в «Калиновом гае», Варвара в «Егоре Булычеве».

Никогда не забудутся такие замечательные артисты как Куманченко П., Кошачевский С, Чибисова С, Радчук Ф., Костюченко И., Криницкая Л., Валуева О., Петрова Е. Эти воспоминания о театре и его артистах снова взволновали, когда мы — Виктор Бороденко, Саша Олейник, Анатолий Шевченко — зашли в так хорошо знакомое фойе театра. В этот раз мы купили билеты в кассе, хотя сели смотреть спектакль в свою пустующую ложу. Анатолий только что приехал из Донецка, где жил, работал и продолжал боксировать. Он все еще представлял на ринге грозную силу. К этому времени на его счету было 127 боев, большинство из которых он выиграл. И он, и я теперь были гостями Харькова.

Пьеса В. Минко «Не называя фамилий», которую мы сегодня смотрели, была нам знакома. В 1953 году она произвела большое впечатление на харьковскую общественность. Премьера ее прошла незадолго до смерти Сталина, когда советский строй еще казался непоколебимым, безошибочным и вечным. Поражала смелость автора, который показал в остро сатирической форме самого заместителя министра. Это был уже не какой-то Часнык или Долгоносик, а член правящей верхушки. Такое тогда еще не приходилось видеть в открытом показе, о таком можно было услышать только на кухне. До смерти вождя оставалось несколько дней, до ареста и расстрела Берии — около года, а до разоблачения культа личности — более трех лет.

Правда, основной сатирический удар был все же направлен на Диану и Поэму — жену и дочку важного чиновника, людей фальшивых, жадных и просто глупых. Но чувствовалось, что окончательной целью критики был сам Карп Карпович, в прошлом храбрый воин гражданской войны. К этому времени он уже имел

полный набор негативных качеств: зажим критики и бюрократизм, забвение принципов советской морали и хождение на поводу у своих женщин.

Роль Карпа Карповича великолепно играл артист Антонович, Диану представляла несравненная Чистякова, которая впервые выступила в сатирическом образе. Она блестяще показала истинное лицо воинствующей мещанки, которая вместе с дочерью командовала своим вельможным мужем.

Образ домашней хищницы убедительно воплотила в роли Поэмы артистка Валуева. На сцене мы снова увидели Покотило в роли колхозника Карпа, Тимофеенко в роли Бэлы, Чибисову в роли Гали и молодого Лешу Быкова в роли Жанека. Это была одна из его первых ролей в театре.

* * *

По приезду в Харьков я сразу же посетил наших ближайших родственников — семью Слоневского Петра Федоровича.

Сестра мамы — тетя Женя — вышла замуж в Николаевской области за молодого и привлекательного сотрудника спецслужбы. С тех пор жизненные пути наших семейств тесно переплетались то в Одессе, то — в Новой Одессе, то — в Николаеве. Энергичного и работающего сотрудника ценили и уважали, и Петр Федорович быстро поднимался по карьерной лестнице. Служба спецслужбы занималась транспортировкой специальной документации и ценностей. Она требовала суровой дисциплины исполнения, четкой и надежной организации и строжайшего соблюдения секретности. Это была тяжелая и ответственная работа, и Петр Федорович с ней прекрасно справлялся.

В послевоенное время он был начальником областной спецслужбы, которая тогда находилась на улице Карла Маркса, 14. По этому же адресу жила его семья: жена — Евгения Феокистовна, дети — Инна и Валерий, отец — Федор Иосифович и мать — Феврония Макаровна Слоневские. Большая и дружная семья подчинялась воле и распорядку Петра Федоровича. Если наступали праздники — все искренне радовались, если случались осложнения по работе — все затихало и

молча переживали тяжелые дни. Такие непредвиденные осложнения бывали не часто, но они грозили в те непростые годы большими неприятностями.

Евгения Феоктистовна и Петр Федорович Слоневские. Железноводск, 1947 г.

Но, несмотря на напряженную работу, Петр Федорович был всегда бодр и подтянут. Высокий и стройный, он в своем форменном кителе с несколькими большими звездами на петлицах, представлял образец жизнелюбия и оптимизма.

Конечно, жизнь и служба научили его осторожности и осмотрительности. Где еще можно было увидеть в гостиной большой портрет вождя? А в квартире Петра Федоровича он висел на самом видном месте. Видимо, это тоже входило в тщательно продуманную систему семейной безопасности.

Никогда не забуду случай, который произошел в бытность мою студентом радиотехнического факультета. Петр Федорович с уважением относился к моей будущей профессии, которая у него ассоциировалась с радиолокацией и другими важными для обороны страны делами.

Дело было в конце 1950 года, еще при жизни Сталина. Склонный с детства к актерскому лицедейству, я с друзьями принялся изображать сценки из жизни немецкого фюрера. Мой друг снимал их недавно купленным трофейным фотоаппаратом. Это были обычные забавы, которые так любят разыгрывать утомленные учебой пацаны. Фотографии получились занятыми и, на наш взгляд, веселыми. Изображал я Гитлера в темном френче, на который были навешаны немецкие кресты, знаки и эсэсовские эмблемы. Волосы спускались на лоб характерной челкой, а усики дополняли хорошо узнаваемый облик бесноватого фюрера.

Я в роли «фюрера». 1950 г.

Один из таких снимков я показал своему дяде, когда он приехал к нам на Холодную гору. Я ожидал, что он добродушно посмеется вместе со мной над этой шуткой, но то, что случилось потом, я и представить не мог. Лицо Петра Федоровича сразу стало серьезным и суровым. Он, не раздумывая, разорвал фотографию на мелкие кусочки и строго сказал:

— Никогда не делай больше таких снимков, Валя. Ты даже не представляешь, какую можешь навлечь на себя, да и на всех нас, беду!

Я был ошеломлен. Не понимал всей глубины опасности, которая исходила от веселой фотокарточки. Мне было просто жалко видеть ее так быстро уничтоженной. Но с дядей спорить было невозможно, да, может быть, и не нужно. Я промолчал, хотя про себя решил снова воспроизвести эту фотографию. Это было в ближайшее время сделано, хотя Петр Федорович об этом так никогда и не узнал. Теперь я понимаю, как он был прав, сколько трагедий надо было пережить, чтобы в невинной шалости увидеть смертельную опасность.

Дядя Петя и тетя Женья были рады моему визиту, принялись угощать деликатесами, которые всегда водились в этом гостеприимном доме. Дядя интересовался моей службой, о которой я ничего не мог рассказывать, но он, когда услышал название Багерово, поднял брови и понимающе закивал головой. Его служба возила спецпочту и в этот населенный пункт.

Тетя, как всегда, удивляла своим кулинарным искусством и сервировкой стола. Она это умела делать и любила красиво

представить. У нас, на Холодной горе, все было значительно проще, хотя и не менее аппетитно.

Брат Валерий вытянулся в стройного паренька, был необузданно свободолобив и не очень отдавался учебе. Его экстремальное поведение в школе и дома, видимо, огорчало родителей, а потому отец часто применял средства «народной» педагогики. Валерий близко к сердцу все это не принимал и жил обычной жизнью дворового мальчишки.

Сестра Инна, студентка того же факультета, который кончал и я, расцвела и превратилась в приятную барышню, веселую и острую на язычок. Она уже прошла через ТОЭ — теоретические основы электротехники, через ТОР — теоретические основы радиотехники и готовилась к изучению специальных дисциплин. Это был тот период, когда все кажется прекрасным и удивительным: жизнь и учеба, настоящее и будущее. Также расцвели и похорошели ее подруги, которых я знал еще по школе: Элла Устабашьян, Стелла Прусова, Рая Зуб и Лиля Колесникова. С ними я встретился через несколько дней, когда они веселой беззаботной стайкой влетели к Инне в дом. С любопытством рассматривали они мое перевоплощение, хихикали и вспоминали, как когда-то по вечерам я им рассказывал страшные» сказки. Сказки остались в детстве, а сейчас девочки предложили пойти с ними на каток. Я сменил длинную шинель на короткую форменную куртку, которую мне дал дядя Петя, и сразу же многое потерял в глазах девушек.

* * *

На катке «Динамо» была обычная праздничная суeta: играла музыка, шуршали коньки и звенела разноголосица молодых голосов. Под гирляндами разноцветных лампочек плавно двигался против часовой стрелки разношерстный поток. Ближе к центру — конькобежцы поопытнее, по краям — начинающие. У самых стенок катка балансировали и падали на лед совсем новички. По уровню подготовки все мы относились к тем, кто катается ближе к краю. Общая круговерть быстро разбросала нас по катку. Со мной осталась Лиля Колесникова, крепкая девушка с решительным подбородком и

искрящимися карими глазами. Она достаточно уверенно держалась на коньках, и по всему видно было, что посещает каток часто. Мой опыт ограничивался ездой по льду в детские годы и редкими студенческими вылазками. Лиля уверенно взяла меня за руку и повела за собой. Я охотно согласился на роль ведомого, и мы стали накручивать круги по шероховатому льду. Мне нравилось ее ненавязчивое лидерство, а ей — мое нарочитое послушание.

Лиля Колесникова. 1955 г.

Раньше я на Лилю не обращал особого внимания. На фоне таких ярких и величавых девушек, как Элла и Стелла, она тушевалась и отходила на второй план. Но зато в разговорах один на один проявляла острый ум, искренность и оптимизм. Ее мама — Колесникова Анна Тимофеевна — была известным детским хирургом и смогла хорошо и правильно воспитать свою единственную дочку.

Домой мы ехали вместе. Лиля рассказала, что живет за вокзалом в Верховском переулке, и я вызвался провести ее к дому. Ни я, ни она не могли тогда себе представить, что мы в недалеком будущем станем мужем и женой.

А пока я охотно и легко флиртовал со всеми подружками Инны. С хохотушкой Эллой посещал кафе, умницей Раей ходил в кино, спортсменкой Лилей катался на коньках, а с красавицей Стеллой чувственно танцевал блюз при свете шкалы радиоприемника «Мир».

Время отпуска стремительно сокращалось, но еще надо было посетить самую близкую мне тетю — Нину Феоктистовну. Жила она в то время с мужем, Алексеем Кирилловичем Тищенко, в селе Веселом за Липцами. У них было три сына: Валик, Вова и Сережа. Все ребята росли на вольных лесных и речных просторах. Учились в сельской школе, не особенно переживая за успеваемость, но умели многое делать по хозяйству. Оно у тети Нины всегда было большим, продуктивным и не раз помогало всем нашим родственникам в трудные послевоенные годы. Помню, всегда на каникулы я приезжал отведаться: сперва — в Мурафу, потом — в Веселое и Боровую. Побывали там и все мои двоюродные братья и сестры, их школьные и студенческие друзья.

Алексей Кириллович и Нина Феоктистовна Тищенко. 1944 г.

Оттого и росли ребята инициативными, хотя и не всегда удачливыми. Когда Валик и Вова приезжали к нам на Холодную гору, нужно было и ухо и глаз держать востро. Они быстро и незаметно обследовали все комнаты, открывали все шкафчики и ящики, после чего Михаил Иванович долго искал то свою любимую зажигалку, то перочинный ножик.

Однажды случилось, что они надолго остались одни в комнате, где стоял редкий в те годы телевизор «Темп». Внимание мое привлекла подозрительная тишина, которая никак не вязалась с присутствием таких деятельных исследователей. Захожу в комнату и вижу, как один из них откручивает ручку настройки, а второй готовится вытащить из телевизора радиолампу.

— Вы что, разбойники, делаете? Положите сейчас же все на место, — возмутился я.

— Надо же до такого додуматься...

— Ми такі, що й хату можемо спалити, — без тени смущения ответил старший из них — Валик.

Педагогической муштрой этих вольных орлов, в основном, занимались тетя Нина и бабушка Мелаша. Дядя Алеша большую часть времени проводил в колхозе, где работал бухгалтером, в воспитание сыновей вмешивался редко и — в исключительных случаях. Он был инвалидом, ходил на протезе с палочкой и слыл неутомимым и честным тружеником. В той мере, в которой можно было им быть в те непростые времена.

Всю свою долгую жизнь он говорил исключительно по-украински: чисто, если не литературно, выговаривая слова с особым смаком. Ни русскоязычные Веселое и Боровая, ни многочисленные родственники не могли поколебать его преданность к родной речи. Более того, общаясь с ним, собеседники невольно сами переходили на украинский язык и очень удивлялись, когда у них что-то получалось.

В годы моего раннего детства в Одессе Нина жила у нас и была моей нянькой. Только она могла успокоить мою горластую натуру, за что получала в день большой медный пятак. Для этого отец специально бегал по магазинам и выменивал эту достаточно редкую монету.

Позже, когда Нина подросла и стала старшеклассницей, роли наши поменялись. Теперь уже я должен был приглядывать за ней, когда она с одноклассниками выезжала на природу. Я всегда оставался ее компаньоном, которого она с удовольствием брала в свои походы.

Знал наперечет всех ее воздыхателей, ходил вместе с ней на свидания, участвовал в школьных затеях. Так что нас связывали не просто родственные отношения, нас связывала еще и дружба, которая сохранялась всю жизнь.

Вместе с Ниной жила бабушка Мелаша — Мелания Петровна Сосновая, наш патриарх и авторитет. Несмотря на свои преклонные годы, она была человеком беспокойным и легким на подъем.

Подолгу жила то у одной, то у другой из дочерей и везде сразу же пыталась брать бразды правления в свои руки. Это дочерям не нравилось, и они тихо протестовали. Бабушке тоже надоедало жить подолгу в одном и том же месте. Когда разногласия достигали критического уровня, она неожиданно заявляла:

— Завтра поеду до Маруси (или до Жени).

И уже никакая сила не могла поколебать или изменить это решение. Действительно, бабушка утром садилась на электричку и сама, без сопровождения, ехала в Харьков. А ей уже было далеко за семьдесят...

Бабушка Мелаша. 1972 г.

В день моего приезда в Веселое все были в сборе. Бабушка лично зарезала петуха и сварила традиционный борщ. Резать кур она не доверяла никому. Однажды, насмотревшись на то, как умело это делает бабушка, я взялся ей помочь. Быстро наступил обеими ногами курице на крылья, ловко оттянул голову, ощипал на шее перья и решительно полоснул ножом по горлу. Подождал, пока стечет кровь, и небрежно отбросил трепыхающееся тело прочь. Но к моему большому удивлению и не меньшему неудовольствию бабушки, курица, вместо того, чтобы биться в предсмертных корчах, отряхнулась и быстро побежала по двору. Конфуз был необыкновенный, а бабушка с тех пор совершала «смертоубийственную» работу только сама.

Нигде и никогда так обильно и вкусно не кормили, как кормили у тети Нины. Главной особенностью ее застолий было то, что это совершалось, в обоюдное удовольствие хозяйки и гостя.

Неугомонный дядя Алеша следил за тем, чтобы на столе было выставлено все, что есть в доме.

Самогон у тети Нини гнали при всех властях. Мурафа, 1953 г.

— Ніна, а де огірки?

— Ось вони тут, на цьому краю...

— А — солоні?

— Іди ти під три чорти, хіба я без тебе не знаю, що і куди поставити.

— Ніна, чого ти лаєшся? Квашеної капусти так і не принесла... А де сирівець? Треба внести сирівцю.

— Хто його, той сирівець, буде пити, коли є і пиво, і узвар.

— Все одно, внеси сирівцю. І — мочених яблук.

Особое внимание дядя Алеша уделял самогону, который считал лучшим и полезнейшим горячительным напитком. Всю жизнь по утрам он выпивал большую чарку собственного самогона и отправлялся на работу. То же повторялось вечером, после чего дядя Алеша укладывался очень рано спать. Самогон, сколько я помню, еще с Мурафы, тетя Нина гнала сама. Сохранилась фотография 1953 года, где я сижу возле «аппарата», состоящего из котла с пудовой гирей на крышке и змеевика в бочке с водой, и принимаю участие в этом важном процессе.

Вот и сейчас дядя Алеша сказал свое обычное:

— Ну що, Валя, вип'ємо по 50 крапель, — и потянулся к своему любимому графинчику. — Эх, самогоне, самогоне — хто тебе не п'є й не гоне.

Посещение семейства Тищенко затянулось на несколько дней. Неохотно покидал я этот радушный и гостеприимный дом. Но отпуск кончался, и надо было возвращаться в Крым.

В один из зимних морозных вечеров мы снова встретились с Магдой на перроне у Харьковского вокзала. Славика провожала Вита,

а меня — друзья и Лиля Колесникова.

Глава V

Второй цикл

Силы сдерживания должны быть настолько мощными и эффективными, чтобы позволить нам, независимо от того, какие действия предпримет противник — оборонительные или наступательные, сбросить на его территорию такое количество бомб, которых он не сможет выдержать.

К. Лимэй, генерал, командующий ВВС США

В связи с появлением скоростной реактивной авиации и оружия большого разрушительного действия значение фактора внезапности серьезно возрастает.

А. Василевский, Маршал Советского Союза

**• Федоренко об «Арзамасе-16» • Командование и политорганы
• Гибель линкора «Новороссийск» и версии • Возмутитель
спокойствия Кордовский • Поэт Камплеев и коллекционер Рожков
• Разоблачение Сталина на XX съезде КПСС • Аэрофотосъемка
стратегических объектов • Инцидент с крейсером
«Орджоникидзе» • Внеочередное присвоение званий и студенческий
фольклор • Первомайский парад • Концерты художественной
самодетельности • Окончание учебы и экзамены**

Второй цикл обучения начался 20 февраля 1956 года. По замыслу командования мы должны были освоить вторую специальность — автоматику изделий. После такой подготовки мы становимся широкими специалистами, способными работать в любых подразделениях сборки, проверки, снаряжения, подвески, а также хранения основных видов атомных бомб. И хотя мы изучали только две бомбы — «тройку» и «четверку», считалось, что осваивание новейших видов изделий, которые нас ждали в войсках, не будет представлять особых трудностей.

С Юрой Савельевым. 1956 г.

Конструкции изделий постоянно совершенствовались: вносились изменения в обе системы каналов подрыва, системы питания и, особенно, — в систему формирования импульса подрыва капсюлей-детонаторов. Несомненно, что изменялись конструкции центральной части для увеличения ее эффективности.

Даже после 40 дней отпуска я обратил внимание на то, что были внесены изменения в электрические схемы и проведены некоторые конструктивные доработки отдельных блоков и систем.

Теперь объектом нашего внимания стал блок автоматики — цилиндр желтого цвета с сегментным вырезом. Он преобразовывал постоянное напряжение аккумуляторов в переменное, повышал его до нескольких киловольт и формировал короткий импульс, подаваемый на синхронно срабатывающие капсули-детонаторы.

В своей книге «Время и место» выпускник электротехнического факультета Харьковского политехнического института Юлий Федоренко рассказывает, как создавался этот блок автоматики в «Арзамасе-16», который сейчас называется Российским федеральным ядерным центром — Всероссийским научно-исследовательским институтом экспериментальной физики (РФЯЦ-ВНИИЭФ) ^[17].

Нам предстояло участвовать в создании современных систем автоматики с применением новейших достижений электронной техники, избавляясь от архаичных умформеров и моторных реле времени с их вращающимися узлами и искрящимися коллекторами, центробежными регуляторами оборотов и редукторами с кулачковыми механизмами, большими токами потребления, габаритами, весом и низкой надежностью; увесистых и громоздких низкочастотных трансформаторов; селеновых выпрямителей с их подпружиненными столбами шайб, низкой надежностью и потерей контактов при механических воздействиях; электромеханических реле и других узлов...

Наш первый транзисторный преобразователь довольно быстро заработал и показал приличные результаты. Это был большой успех... В схему была введена обратная связь, что позволило выходное напряжение преобразователя сделать почти независимым от нагрузки, а в режиме холостого хода ток потребления свести к минимуму. Выбранная частота преобразователя позволила существенно снизить габариты и вес трансформатора. Селеновые столбы были заменены на полупроводниковые диоды. Эффект этих нововведений превзошел наши ожидания... Мы получили реальную

возможность сделать устройство монолитным, на порядок снизив габариты и вес, на два порядка — потребляемую энергию... Блок автоматики в обиходе называли «бочкой», хотя внешне он скорее походил на кастрюлю с отрезанным сегментом.

Должен отметить, что какое-то время мы не понимали смысла нашей работы, так как не знали ее конечной цели. Дело в том, что вначале многое для нас оставалось тайной, мы толком не знали, над чем работаем, официально нас ни во что не посвящали, мы не знали, чем занимаются наши коллеги в соседних с нашей лабораторией комнатах. Впервые я стал связно что-то понимать, когда в 1956 году нам показали два хроникальных фильма: подрыв первого отечественного атомного заряда и натурные испытания водородной бомбы огромной мощности в ноябре 1955 года на полигоне «Новая земля».

Только в 2000 году, при посещении музея ВНИИЭФ, впервые увидел подлинный внешний вид наших «изделий», как говорится, живьем, хотя в годы работы хорошо знал их начинку со всеми потрохами.

Приведенный отрывок воспоминаний одного из участников конструирования атомной бомбы интересен во многих отношениях. Во-первых, он еще раз свидетельствует о роли Харьковского политехнического института в создании и использовании атомного оружия в 1950-е годы. Во-вторых, подтверждает мои слова о том, что схема и конструкции изделий не были неизменными, постоянно совершенствовались и находились в творческом движении. В-третьих, напоминает о тех чрезвычайно жестких и эффективных режимах секретности, в которых разрабатывались и эксплуатировались первые образцы советского атомного оружия.

Практические занятия начались с первичных источников электропитания изделий — аккумуляторов. В одном из дальних помещений аэродрома, за взлетно-посадочной полосой, была оборудована станция, на которой круглосуточно производилась зарядка и проверка аккумуляторов. По заранее составленному расписанию курсанты пешком пересекали насквозь продуваемое

холодными морскими ветрами пространство и попадали в небольшое теплое помещение. Здесь на специальном стенде были установлены шесть кислотных герметичных аккумуляторов, которые шесть бригад непрерывно заряжали трое суток. Моя с Караванским смена была с 8 часов вечера до 2 часов ночи.

Перед подключением к зарядному устройству необходимо было проверить уровень электролита, измерить его температуру и плотность. Критерием зарядки считалось постоянство температуры электролита. Если в течение двух часов температура его не увеличивалась, то процесс зарядки был закончен.

В помещении зарядной было тепло, уютно и спокойно. Начальство сюда приходило только днем. Дежурные могли приготовить себе на дровяной печке яичницу, поджарить колбаску и, чего греха таить, хлебнуть толику спирта. Мне нравился этот реальный боевой пост.

Во время таких посиделок хорошо было пофантазировать на тему: что меня ждет после окончания сборов. Прошло уже несколько месяцев, но я все еще не мог до конца осознать, с каким грозным оружием мне придется работать. Новая действительность с трудом проникала в глубины души и разума. Все казалось, что это происходит не со мной. Тревожила мысль, а что если будет дан приказ применить атомную бомбу в действительности? Эйфория новизны и исключительности понемногу рассеивалась, и оставалась голая правда: это оружие, способное в мгновение уничтожить сотни тысяч людей. Я сознательно уходил от этой опасной мысли, но она меня не покидала.

В детстве мне пришлось своими глазами увидеть, как убивают человека. Немецкий солдат застрелил старого еврея. Это произвело на меня неизгладимое потрясение. Конечно, приходилось видеть советских и немецких солдат, погибших в бою. Но все это совершали безымянные убийцы. И было это очень давно.

Теперь же я гипотетически мог быть причастен к убийству множества людей. Хотелось верить, что атомное оружие никто не решится использовать на практике. Но возрастающее противостояние между США и СССР, нагнетание взаимной ненависти, истерия гонки вооружений — все это, к сожалению, делало третью мировую войну вполне реальной.

Я уже понимал, что во всем этом виноват не только капиталистический Запад, но и социалистический Восток. Обе противоборствующие политические системы настолько боялись друг друга, настолько старались напугать и утратить существующей и выдуманной ядерной мощью, что были готовы на самые безумные авантюры. И это не давало мне покоя.

Однажды на дежурстве я спросил у своего напарника Караванского:

— Готов ли ты, Витя, к тому, что и на твою совесть может лечь вина за жизни тысяч совсем неизвестных нам людей, когда мы сбросим атомную бомбу?

— Не задумываясь — готов. Они первыми хотят на нас напасть, окружают нас военными базами, грозят разбомбить наши города. О какой совести ты говоришь...

— Но и мы вооружаемся не только для того, чтобы дать отпор агрессору. При благоприятных условиях первым по Америке может ударить и наш Союз. Помнишь лекцию об упреждающем ударе?

— Слишком далеко, Вишневский, раскидываешь своими мозгами. Выкинь эти вредные мысли из головы, легче будет жить, — закончил Караванский.

Но мысли из головы выкинуть никак не удавалось, и тогда впервые возникло желание распрощаться с армией.

Витя Караванский. 1956 г.

В день Советской Армии и Военно-Морского флота в Доме офицеров в торжественной обстановке нескольким летчикам и командирам частей были вручены правительственные награды.

Получили они их за испытание КС — крылатых снарядов класса «воздух-земля». Позже их стали называть крылатыми ракетами. В те времена они представляли собой беспилотные летательные аппараты, очень похожие на небольшие самолеты. В фюзеляже размещалось взрывчатое вещество и система наведения, в хвостовой части — реактивный двигатель и управляющие поверхности. Крылатые снаряды подвешивались под крылья бомбардировщиков, и они представляли, по тем временам, грозную боевую силу.

Мы не раз видели стендовые испытания их реактивных двигателей. Закрепленные намертво на тяжелых бетонных тумбах, они оглушительно ревели, используя свой маршевый ресурс. Далее их испытывали в воздухе для поражения наземных и надводных целей.

Во время одного из таких испытаний крылатый снаряд вышел из-под контроля и полетел над морем в сторону Турции. Только благодаря четким и слаженным действиям истребителей этот КС был своевременно уничтожен, чем был предотвращен крупный международный скандал. За такие заслуги сегодня группа летчиков испытательного полигона получила ордена и внеочередные воинские звания.

В отличие от первого цикла во втором нам усиленно стали укреплять идеологический уровень. Почти каждую неделю кто-либо из старших офицеров проводил политзанятия, читал лекции на политические темы.

Сегодня лекцию о политорганах в Советской Армии читает добродушного вида подполковник из политотдела. В зрительном зале Дома офицеров все передние места пустуют, все по привычке переместились подальше от лектора. Подполковник улыбаясь просит перенести со сцены в зал кафедру и установить ее в проходе поближе к слушателям. Юмор его был оценен и принят благожелательным смехом. Доволен был и лектор, который начал с главного:

— Политорганы в Советской Армии подчиняются не только постановлениям ЦК КПСС и Главного Политического Управления, но и приказам командиров. Это как бы двойное подчинение можно было бы расценивать как нарушение Устава партии, но это не так.

Командира и его приказы не имеют право критиковать на партсобраниях, как это делается в гражданских парторганизациях. Нельзя, например, прямо выступить и сказать: «Командир поступил неправильно, не разрешив мне совершить полет тогда-то, что повисило бы... и тому подобное». Но можно выступить и сказать так: «Мне не созданы условия для полета, в результате чего..., и так далее». Командир поймет выступление и примет его к сведению.

Такой словесной эквилибристикой представитель политотдела оправдывал то, в чем совсем скоро обвинят Министра обороны Жукова — в принижении роли партийных органов в армии. Далее подполковник счел необходимым сообщить, кто осуществляет политическое руководство в наших войсках.

— Для этого в Главном Политическом Управлении Советской Армии и Военно-Морского Флота существует Шестой отдел. Он осуществляет политическое руководство специальными войсками: научно-исследовательскими институтами, испытательными базами, полигонами и специальными курсами, а, следовательно, и вами. Это надо помнить и знать.

Если вопрос политического руководства нас как-то мало волновал, то сообщение о закрытом письме ЦК КПСС по поводу гибели линкора «Новороссийск» нас заинтриговало. Лектор только упомянул о трагедии, сообщив, что закрытое письмо по этому событию сейчас прорабатывается в партийных организациях и через несколько дней будет зачитано нам.

Закрытые письма — это такая выдумка ЦК КПСС и правительства, которая призвана была не столько оградить неприятные и досадные сообщения от врагов, сколько скрыть их от народа. Закрытые письма предназначались для определенных групп населения: членов партии, комсомольцев, офицеров и партийно-хозяйственного актива.

Как правило, через определенное время содержание закрытого письма в усеченном и препарированном виде появлялось в официальных сообщениях центральных газет. Но до этого о нем уже все знали, обсуждали на кухнях и в курилках, строили домыслы и предположения, делали фантастические выводы и бесконечно злословили.

Создавалось впечатление, что закрытые письма и придуманы были специально для того, чтобы как можно больше привлечь к ним внимания: и врагов, и друзей, и тех, кто политикой вообще не интересуется.

* * *

14 марта 1956 года в конференц-зале Дома офицеров закрытое письмо ЦК КПСС, обращенное к командирам, политотделам и парторганизациям Советской Армии и Военно-Морского Флота СССР, было зачитано подполковником Шашановым.

В ночь с 28 на 29 октября прошлого года в Севастопольском военном порту, в ста метрах от берега, взорвался и затонул флагман Черноморского флота линкор «Новороссийск». Взрыв произошел в 1 час 31 минуту в районе первой башни главного калибра и пробил вертикальный канал через восемь палуб. Корабль принял около 3 тысяч тонн воды через пробойну и стал медленно погружаться.

Несмотря на гибель в момент взрыва в носовых отсеках около 200 человек, паники на корабле не было. Все матросы и офицеры находились на своих боевых постах и боролись за живучесть корабля. Координированным действиям экипажа по спасению корабля не способствовало отсутствие на борту командира, который был в отпуске, и исполняющего обязанности командира, который был в это время на берегу.

В то же время на «Новороссийск» прибыли командующий Черноморским флотом адмирал Пархоменко, командующий эскадрой вице-адмирал Уваров, начальник штаба эскадры контр-адмирал Никольский и член Военного Совета флота вице-адмирал Кулаков. Присутствие на борту корабля столь высокого начальства сковывало, а подчас и отменяло команды и действия руководства линкора и его офицеров.

Крен корабля достиг уже 17–18° при критических 20°. Однако командующий флотом запретил эвакуацию личного состава на берег. На юте в строю стояло около 1000 человек, которые при опрокидывании линкора буквально посыпались в воду.

В тот день на «Новороссийске» было 50 офицеров и 1474 старшин и матросов. Погибло во время катастрофы — 603 человека, но с учетом скончавшихся в госпиталях раненых, их было больше. Погибло 17 офицеров, в их числе все пять инженеров-механиков. Среди спасшихся были командующий флотом и практически все руководство флота и эскадры. Главнокомандующий ВМФ Адмирал Флота Советского Союза Кузнецов Н. Г. лечился после инфаркта, но 30 октября прибыл в Севастополь и принял участие в работе Комиссии по расследованию катастрофы.

16 ноября 1955 года под председательством Хрущева Н. С. состоялось заседание президиума ЦК КПСС. На нем выступили Министр обороны Жуков Г. К. и председатель Правительственной комиссии Малышев В. А. Там и был «назначен» главный виновник катастрофы — Кузнецов Н. Г., к которому многие в верхах относились недружелюбно за его независимые суждения и авторитет на флоте и в стране.

Постановлением Совета Министров СССР 8 декабря 1955 года Адмирал Флота СССР Кузнецов был снят с занимаемой должности и понижен в звании до вице-адмирала. Были сняты и понижены в звании до контр-адмиралов — вице-адмирал Пархоменко и вице-адмирал Кулаков, до капитанов I ранга — контр-адмирал Никольский и контр-адмирал Галицкий. Многих офицеров уволили в запас. Правительственная комиссия сделала следующие выводы:

1. Линейный корабль «Новороссийск», принятый в строй Военно-Морского Флота СССР в 1949 году, главным образом в результате модернизации, проведенной итальянцами в 1935–1937 гг., имел крупные конструктивные недостатки, был перегружен, что серьезно ухудшило все элементы непотопляемости корабля...

2. Наиболее вероятной причиной подрыва линкора является взрыв под днищем корабля, в его носовой части немецкой донной мины типа «RMH» или «LMB», оставшейся со времен Великой Отечественной войны...

3. Нельзя полностью исключать, что причиной подрыва линкора является диверсия, так как охрана Севастопольской гавани со стороны моря была неудовлетворительной,

ненадежной, а приказы и инструкции по охране водного района крепости систематически нарушались.

Последний вывод комиссии о возможности диверсии до сих пор сопровождается многими, подчас фантастическими, версиями.

Тайна гибели линкора «Новороссийск» так до сих пор и не разгадана.

Первая версия. Линкор взорвали итальянские боевые пловцы из бывшей 10-й флотилии МАС князя Валерия Боргезе. Известно, что раньше линкор «Новороссийск» назывался «Джулио Чезаре» («Юлий Цезарь»). Он был передан Советскому Союзу в счет репараций. До этого несколько лет простоял на британской базе на Мальте, где мстительные итальянцы вполне могли заложить в корпус корабля взрывчатку.

Боновое заграждение в Севастопольской бухте было открыто с июня месяца. Боевые пловцы с итальянской подводной лодки проникли в бухту, подошли к линкору, закрепили взрывчатку в необходимом месте корпуса и благополучно ушли на свою подводную лодку. Поиск подводной лодки начали только днем, после взрыва.

Вторая версия. Линкор взорвали свои подводные пловцы, чтобы дискредитировать Главнокомандующего ВМФ Кузнецова. Жуков и Кузнецов всегда были в конфронтации, не пользовался главком поддержкой и в ЦК КПСС. Последней каплей, видимо, стала реформа советского ВМФ, предложенная Кузнецовым. И это в то время, когда Хрущев делал ставку на ракетно-ядерное оружие, пуская на металлолом военные корабли.

По этой версии взрывчатка была доставлена на барже, которую затопили на месте стоянки «Новороссийска». Действительно, на дне

близ воронки от взрыва была обнаружена часть баржи, практически разорванной пополам. Эту версию выдвинул в своей книге «Проклятая тайна» А. Норченко.

Третья версия. Линкор взорвали тоже свои подводные диверсанты, чтобы обвинить в этом Турцию и спровоцировать войну. Как следует из материалов Центрального архива ВМФ, диверсия на линкоре являлась частью операции «Пролив», спланированной ГРУ СССР. Суть ее такова: в день независимости Турции (29 октября) осуществляется подрыв на главной базе Черноморского флота наиболее крупного, обязательно трофейного, корабля. Специальная правительственная комиссия сразу находит улики, «прямо указывающие на участие подводных диверсантов Турции». В тот же день СССР наносит ядерный удар по Стамбулу. Таким образом, советский Черноморский Флот получает свободный выход через турецкие проливы в Средиземное море.

Четвертая версия. Линкор подорвали английские подводные диверсанты, чтобы обезопасить свою страну от возможного ядерного нападения.

Дело в том, что атомной бомбой СССР обладал еще в 1949 году, а вот морских средств доставки ядерного оружия у нас не было. Ракетное, торпедное и минное оружие только разрабатывалось. Решением могли стать только морские крупнокалиберные пушки, стреляющие тяжелыми снарядами на большие расстояния. Престарелый, но весьма скоростной и маневренный «Новороссийск» для этой цели подходил идеально. Его 320-миллиметровые орудия главного калибра били на 32 километра, а вес снарядов мог достигать до 525 килограммов.

Пока линкор в Севастополе проходил модернизацию, военным заводам уже был заказан боекомплект крупнокалиберных снарядов. Для орудий «Новороссийска» были изготовлены и тактические ядерные заряды мощностью 5 килотонн.

К счастью, линкор получить ядерное оружие не успел. Но на очередных учебных стрельбах осенью 1955 года управлять учениями должен был старший артиллерист «Новороссийска».

Великобритания вообще весьма уязвима для советского ядерного оружия морского базирования. Аналогичная история и с США. Все это

говорит в пользу того, что именно эти страны были больше всех заинтересованы в устранении «Новороссийска».

Эту версию высказал в своем интервью газете «Аргументы и факты» капитан I-го ранга в отставке О. Бар-Бирюков, служивший на «Новороссийске» с 1949 года.

И все же, из всех версий — наиболее правдоподобная версия о гибели линкора от рук итальянских боевых пловцов. Кстати, они базировались во время Великой Отечественной войны в Севастополе^[18].

Памятник погибшим морякам «Новороссийска» на кладбище в Севастополе. 1966 г.

* * *

Воспользовавшись закрытым письмом о гибели «Новороссийска» как примером вопиющей безответственности и недисциплинированности, наше командование решило подтянуть дисциплину среди слушателей. По такому случаю была задействована тяжелая артиллерия — генерал Петленко, который лично пришел на собрание в Дом офицеров.

Пересказав в своей интерпретации выводы правительственной комиссии о причинах гибели линкора, он предоставил слово начальнику сборов подполковнику Князеву.

— Вместо того, чтобы восстановить силы и мобилизовать вас на эффективную учебу, отпуск отрицательно повлиял на вашу дисциплину, товарищи офицеры. Есть случаи непосещения лекций. Не

забывайте, что вы находитесь в армии, и не может быть вопроса, нравится или не нравится вам лекция или лектор. Приказ, есть приказ, и его надо выполнять, — заявил Князев.

Дело в том, что постоянный возмутитель спокойствия Кордовский накануне заявил, что не пойдет на лекцию генерала, так как ничего из его слов понять не может. Видимо, это каким-то образом дошло до лектора, так как лицо его налилось кровью и, перебив подполковника, он закричал:

— Товарищ подполковник, этот случай надо расследовать и считать его как невыполнение приказа. А за невыполнение приказа судят.

— Не забывайте, товарищи офицеры, — продолжал подполковник, — что вы являетесь носителями секретов. А многие из вас завели случайные знакомства в Керчи, которые могут быть чреваты опасностями. Не исключена возможность, что в городе есть люди, интересующиеся нами.

В этом месте генерал Петленко снова перебил Князева:

— Само их появление в городе есть разглашение военной тайны. Идут, понимаете, по городу, никому из гражданских дороги не уступают, никому из военнослужащих чести не отдают. А что люди говорят? Какая-нибудь Клава говорит своей подруге: я сейчас видела молодых лейтенантов, та — много, из гарнизона Багерово... Нет, в Керчи им бывать нечего. Запретить свободный выход из гарнизона до окончания курса учебы!

Если бы вы хорошо знали уставы и положения, то не позволили бы себе что-то требовать, отлучались бы только с разрешения командира. Я сам когда-то учился и тоже так жил. Я был уже генералом, а жил так, как вы — в общежитии. Только другие генералы жили по двое, а я — один.

А когда еще раньше, в 1933 году, учился в Москве, то и совсем не имел права выходить за пределы училища. Жили мы тогда напротив крематория и смотрели только на плакальщиц в окно. Я считаю, что ваше командование недопустимо с вами либеральничает. Вот вас здесь сто человек, а кто из вас остановил хоть одного солдата, помог установить дисциплину? Вот вы — младший техник-лейтенант (из зала несется дружное — «инженер») или младший инженер-лейтенант, — неохотно поправился генерал, — кто вы являетесь для

солдат и сержантов? Вы являетесь начальником, а дисциплину не устанавливаете. Дело в том, что вы сами не знаете уставов воинской службы. Нужно, товарищ подполковник, уделять изучению уставов больше внимания, а потом принять от слушателей по ним зачет.

А теперь поговорим о пьянстве, нашей постоянной беде. Министр обороны товарищ Жуков на собрании московской партийной организации отметил, что 78 % чрезвычайных происшествий в армии происходят из-за пьянства. Пьянство нужно искоренять, а пьяниц гнать из армии. Имеются случаи открытого неповиновения приказам командиров, а в некоторых случаях и прямого сопротивления. Дисциплину нужно насаждать железной рукой. Покончить с практикой укрывательства проступков и наказаний!

Генерал Петленко так разошелся, так вошел в роль борца за дисциплину, что даже не обращал внимания на то, что подполковник Князев, встав из-за стола, показывал, что пора кончать. Высказав все, что он хотел, и достойно отреагировав на закрытое письмо, генерал подобрел. Он вспомнил случай из своей службы, рассказал анекдот и удалился с чувством хорошо проделанной работы и выполненного долга. Нам же было не до веселья, так как это в который раз грозило отлучением от города и сдачей зачетов по ненавистным уставам.

Но дело Кордовского имело свои глубокие причины и неприятные последствия. Оказалось, что он не только проявил пренебрежение к лекции генерала, но подал рапорт об увольнении из армии. Именно это явилось основной причиной, из-за которой начальство на примере Кордовского принялось решительно искоренять опасную и заразительную смуту. В один из дней Кордовский не явился на занятия майора Бугаенко, который во втором цикле стал нашим основным преподавателем и классным командиром. Вместе с ним не явились еще четыре слушателя. Но если другие более-менее правдоподобно оправдали свое отсутствие, то Кордовский просто сказал, что болел. На вопрос, есть ли справка от врача, ответил — справки нет и не будет, так как теперь ее уже никто не даст.

— Тогда идите к подполковнику Князеву и скажите, что я вас не допускаю к занятиям до тех пор, пока не будет справки.

Кордовский молча повернулся и вышел из класса. Чтобы не идти на лекцию генерала Петленко, Кордовский пошел на объект в техническую библиотеку, «соблазнив и Подлесного», как выразился

Бугаенко. Там его и застукал майор, выяснявший по дисциплинарному уставу меру своих полномочий.

Перед строем майор Бугаенко объявил:

— За систематическое сознательное нарушение дисциплины арестовываю вас, младший инженер-лейтенант Кордовский, на пять суток с содержанием на гауптвахте города Керчи.

Сергей честно отсидел пять суток и приехал полный любопытных впечатлений об этом редкостном для него учреждении. И тогда майору пришла мысль исключить Кордовского из комсомола. Кто помнит те времена, знает, что исключение из комсомола было высоким и самым жестоким по последствиям наказанием.

Спешно собрали комсомольское бюро, о существовании которого мало кто до этого знал. Пришли Князев, Бугаенко, Тихий, командиры взводов и наш комсорг Магда. На видном месте сидел притихший и несколько напуганный Кордовский.

Князева, в основном, волновал один вопрос: сознательно ли Кордовский совершал свои поступки. И хотя в действиях отступника явно просматривалась определенная система, командиру все же не хотелось в это верить. Не долго раздумывая, бюро предложило исключить Кордовского из комсомола. Но когда стали формулировать причины исключения, выяснилось, что они недостаточные. Нельзя же считать причиной то, что Кордовский подал рапорт об увольнении, «так как не имел морального права писать его» как комсомолец.

— Голосуйте быстрее, а то в кино опоздаем, — торопил Боев. — И так уже сидим целый час.

Только два члена бюро проголосовали против исключения. Кордовский заявил, что все заранее решено, и чтобы он ни сказал в свое оправдание — все это уже не имеет никакого значения. Но зато в защиту Кордовского встали рядовые комсомольцы. И хотя его недолюбливали за заносчивость и зазнайство, исключение из комсомола большинство посчитало слишком суровым наказанием. Решили позже на общем собрании защитить Кордовского и ограничиться выговором.

Но каково же было удивление, когда командование нам сообщило, что общего собрания не будет. По инструкции Главного Политического Управления офицера не разбирают на общем собрании, а разбирают на

парткомиссии. Видимо, это касалось собраний, где присутствуют солдаты, но в нашей части рядового состава не было.

Решили прямо на объекте созвать комсомольское собрание группы. Пришли Шашанов, Бугаенко и комсорг сборов Ератов. Но оказалось, что на повестке дня стоит вопрос не о Кордовском, а об учебе и дисциплине в группе. Кордовский — только иллюстрация к неудовлетворительному ее состоянию. Выступления в защиту Кордовского его сокурсников по институту, отмечавших его способности, инициативность и товарищеские качества, остались без внимания командиров.

— Кордовский считает, что он может быть где-то полезнее, чем в армии, — сказал подполковник Шашанов. — Но мы работаем с техникой, на которой наша партия, правительство и дипломаты строят свою политику. Мысли о том, что вы принесете больше пользы где-то — вредны. Овладеть новой техникой нужно с единственной мыслью о том, что вся ваша жизнь теперь связана с ней, все ваши знания и способности должны принадлежать только ей. А судьба Кордовского теперь будет зависеть целиком только от него самого, от того, как он будет оправдываться перед парткомиссией.

Вот вы говорите, что он исправится, не будет больше нарушать дисциплину, а Кордовский сидит и то ли смеется над вами, то ли ему все безразлично. Может он и не хочет исправляться, может он не хочет оставаться не только в армии, но и — в комсомоле.

В заключение выступил Кордовский, который тихим и покорным голосом, совсем ему не свойственным, сказал:

— Мне предъявили серьезные обвинения. Они справедливы. Я слушал критику моих друзей. Мне больно было ее слушать, но я благодарен им и учту их замечания. Я действительно иногда бываю излишне резок, потому что имею плохой характер. Я виноват в том, что не был на двух лекциях и пропустил два занятия. Но я, всегда здоровый, просто болел эти два дня и провалялся в постели. Меня обвиняют в том, что я преднамеренно нарушал дисциплину. Это не так. Связи между рапортом и нарушениями нет абсолютно никакой. Рапорт я написал давно. В нем я прошу отпустить меня туда, где я принесу больше пользы. Я считаю, что здесь я не так уж и нужен. Иначе я бы столько времени здесь не оставался. Просто меня некуда деть. Но если партия и правительство сочтет нужным оставить меня

здесь, в Багерово, я останусь, и буду добросовестно работать. Впрочем, я иначе и не могу. Я думаю, они решают этот вопрос и без Ератова.

Как ни странно, но парткомиссия объекта проявила больше понимания и чувства меры, чем комсомольское бюро, и оставила Кордовского в комсомоле.

Ю. Савельев, В. Вишневский, К. Камплеев, В Кузнецов. 1956 г.

* * *

В какой-то момент наши отцы-командиры вспомнили, что мы как офицеры, должны знать, кроме строевого устава, еще и устав караульной службы. Несколько занятий было посвящено изучению премудростей этого устава, после чего были введены дежурства на объекте 77. Дежурили попарно, изображая ответственного дежурного и его помощника. На объект шли через рулежные дорожки аэродрома пешком.

В обязанности дежурных входило сидеть у телефона, ожидая проверочного звонка Князева или Шашанова. Дежурный должен был также сдать на хранение опечатанные печатью ключи от двух комнат и сделать в книге дежурств запись о том, что «дежурство принял» и «дежурство сдал». Все остальные пункты обязанностей, занимающие 14 листов книги под названием «Документация дежурного», нас не касались. Так в книге было написано: «Не реже одного раза в два часа

дежурный должен обходить объект и проверять несение службы караульными» или «Караульный подчиняется только разводящему и начальнику караула». Все эти пункты для нас оставались умозрительными, так как никаких караульных, входящих в наше подчинение, не было. Солдаты-контролеры, стоящие у входа в здание, с наступлением темноты превращались в часовых. Они ходили вокруг объекта вдоль проволоки и подчинялись только своим разводящим. Для них мы были посторонними, которых можно к себе подпускать не ближе, чем на 50 метров. Они просто нас охраняли вместе со зданием.

Одно из таких дежурств мне пришлось провести с Костей Камплеевым. Мы сдружились еще в институте, где вместе организовывали вечера самодеятельности и другие общественные мероприятия.

Это ему в 1954 году пришла в голову идея высмеять в одном из скетчей «стиляг», которые в те времена беспокоили не столько студентов, сколько их наставников. Основным политическим воспитателем у нас на факультете был тогда парторг Борис Леонидович Кащеев. Кроме того, что он жестко учил нас теоретическим основам радиотехники — ТОР, он также зорко следил за нашей политической благонадежностью. В основном это заключалось в том, что идеи и тексты всех наших выступлений со сцены надо было предъявлять ему для проверки и одобрения. Здесь он был так же, как и на экзаменах, бдителен и неумолим. Сколько замечательных сцен, монологов и стихов он безжалостно вычеркивал, грозно сверкая глазами через толстые линзы очков.

Но мысль об осмеянии «плесени» ему понравилась, и он ее одобрил. Он даже задал тон всей сцене, вспомнив старую реплику:

Посмотрите на этого франта —
Его подкупила Антанта.

Антанту решено было заменить американским империализмом, а франта — стилягой. Такого франта-стилягу должен был изобразить я. Стихи с явным удовольствием сочинил Костя Камплеев. Музыкальное сопровождение взялся симпровизировать Гриша Вайсман, а в качестве ведущего выступил Леня Бялый. Обличение чуждых нашему обществу

поведения и образа мысли стилиг было приурочено к гала-концерту в честь 300-летия воссоединения России и Украины. Мне предстояло отобразить не только мерзкую внутреннюю сущность американской культуры, но и ее внешнюю непривлекательность. Найдены были светлые штаны-дудочки, длинный пиджак, пестрый галстук и заливчатски заломленная шляпа. По нашему мнению, более неприглядный образ трудно было себе представить. Это теперь, когда я смотрю на старую фотографию этой сцены, мне все это кажется наивным и даже симпатичным. Тогда же сам Борис Леонидович посчитал это уничижительно отталкивающим и разрешил к показу.

И вот под звуки буги-вуги, которые темпераментно извлекались из старого институтского рояля Гришей Вайсманом, я выхожу на сцену и начинаю танцевать. Танцевал я изобретательно и самозабвенно, включая в движения все четыре конечности и оба пояса. И зал ответил дружными аплодисментами зрителей. Им нравилось то, что происходило на сцене, и они готовы были принять участие в энергичном танце. Крики одобрения и аплодисменты совсем заглушили сатирические стихи, которые пытался прокричать Леня Бялый. Успех был полный. Сцену пришлось исполнять на бис.

Так я обличал «стилягу» с Гришей Вайсманом и Леной Бялым во время нашей учебы в институте. 1954 г.

После концерта Кащеев подошел ко мне, сморщил нос, поправил указательным пальцем дужку очков и недовольно сказал:

— Судя по реакции публики в зале, ей все, что вы изображали, понравилось. Но ответьте мне на вопрос: вы одобряли или клеймили чуждую нам культуру? Мне кажется, что вы ее рекламировали, и делали это с удовольствием...

— Борис Леонидович, но нашу сатиру публика встретила одобрительно. Значит, обличительный эффект достигнут.

— Да, конечно, — эффект достигнут. Но какой?..

И вот теперь мы сидим с Костей в холодном кабинете, где стоит телефон. Холодно и в других помещениях, так как их редко отапливали. Но мы все же нашли комнатуху, в которой хранился уборочный инвентарь и была большая электрическая печка. Свистом проверили слышимость от кабинета до каптерки на случай возможной телефонной проверки и принялись готовить нехитрый ужин. Нашлась и сковородка, на которой, видимо, не мы первые уже жарили колбасу.

Телефон молчал. Каптерка постепенно нагревалась. Через какое-то время на сковородке зашкварчала колбаса, а после рюмочки-другой зазвучали стихи. Костя сочинял их легко и охотно, они были такими же светлыми и жизнеутверждающими, как и сам автор. Начал он с «Подражания Омару Хаяму», а затем предложил свой новый шедевр — про королевское варенье.

Подражание Омар Хаяму

Увы, не много дней нам здесь пробывать дано,
Прожить их без любви и без вина — грешно.
И стоит вспомнить нам родной наш факультет
И стоя встретиться с бокалом тет-а-тет.

О, если б, захватив с собой конспект в карман,
А ты, шпаргалку спрятав в сарафан,
Мы провели с тобой денек на семинаре,
Нам позавидовать бы мог любой султан.

Скорей вина сюда! Теперь не время сну!
Я электронных див к себе прижму
Но прежде — Разуму, докучливому старцу,

Чтоб усыпить его, в лицо вином плесну.

Лик розы освежен дыханием весны,
Глаза возлюбленной красой лугов полны.
Сегодня чудный день! Возьми бокал, а думы
О будущем забрось: они всегда грустны.

Ах, сколько раз, вставая ото сна,
Я обещал, что впредь не буду пить вина.
Но нынче, Господи, я не даю зарока,
Ведь рядом ты, и ты ко мне нежна!

Про королевское варенье

Был отъезд, столпотворенье,
Крики, давка, кутерьма —
Королевское варенье
Не выходит из ума.

По утрам на разьяснения
Отвечал, жуя, гурман —
Королевское варенье
Не выходит из ума.

Сочиняю поздравление,
Ручка бежит сама —
Королевское варенье
Не выходит из ума.

Детектива наваждение
Уж забыто, как дурман.
Королевское варенье
Не выходит из ума.

На лице — благоговенье:

За рекой повис туман...
Королевское варенье
Не выходит из ума.

— Слушай, поэт, не пойти ли нам проверить, как несут караульную службу солдатики вокруг объекта? Нас к этому призывают и устав, и документация, и отцы-командиры. Пойдем попробуем.

— Оно тебе надо? Во-первых, снаружи дует холодный ветер. Во-вторых, мне не хочется лежать на холодном асфальте до прихода настоящего начальника караула. В-третьих, я хочу утром просто и понятно доложить Князеву: «за время дежурства никаких происшествий не было» и не писать никаких рапортов. Сиди себе около печки и радуйся, что тебя надежно охраняют другие.

Трудно было не согласиться с Костей. Мы постелили на столах старые бушлаты, укрылись шинелями и проспали до рассвета. Это было самое спокойное дежурство за всю мою службу.

Через какое-то время кто-то из курсантов заметил подполковнику Шашанову, что дежурить-то мы дежури́м, а оружия в руках еще и не держали. На следующий же день были введены занятия по стрелковой подготовке. Проводил их майор Фомин, который с улыбкой сказал:

— Ну что, товарищи курсанты, мало вам нашего оружия, так вы напросились еще и на личное. Теперь будем изучать материальную часть пистолета ТТ, а потом еще зачет по стрельбам будете сдавать.

Несколько занятий мы с удовольствием разбирали и собирали старый и надежный пистолет. С ним мы уже были знакомы по институтским лагерным сборам. Мне этот пистолет времен прошедшей войны нравился своей простотой, и, быть может, ностальгическими воспоминаниями.

Стрельбы проходили на гарнизонном стрельбище под бдительным контролем местных инструкторов. Всем на удивление, отстрелялись мы хорошо. Не было и происшествий, если не считать переполоха, который вызвала осечка у Левки Рожкова.

Несмотря на строжайшее предупреждение держать пистолет только стволом вниз, Левка повернулся к инструктору, не опуская оружия. С удивлением произнес: «А у меня — осечка», взвел курок и чуть было не нажал спусковой крючок. Инструктор мгновенно пригнул

руку с пистолетом к земле и разразился увесистой ненормативной лексикой. Майор Фомин еле уладил конфликт, суть которого дошла до Рожкова не сразу. На этом знакомство с табельным оружием закончилось. Дежурства тоже прекратились, и мы продолжили занятия по основной программе.

С Рожковым часто случались разные происшествия и в институтские годы, и на военной службе, и в гражданской жизни. Он был человек, продуцирующий и притягивающий к себе всякого рода неприятности. Отчасти это происходило потому, что был он личностью увлекающейся и, я бы сказал, творческой. Одним из немногих на факультете он серьезно занимался радиолюбительством, имел свою радиостанцию. Был страстным и всеядным коллекционером. Собирал марки, этикетки, значки, монеты и бумажные деньги.

Лева Рожков. 1956 г.

Была у него и странность — он не любил умываться. Мы заметили это, когда жили в гостинице, где умывальники были во дворе. Все с шумом плескаются холодной водой, а Лева подойдет к умывальнику, двумя пальцами осторожно извлечет из него несколько капель и так же осторожно протрет ими глаза. На этом его водные процедуры часто и заканчивались. В бане его никто никогда не видел. От этого лицо его лоснилось жиром и имело нездоровый цвет. Когда над ним посмеивались, он отшучивался:

— Эскимосы и чукчи вообще никогда не моются и чувствуют себя великолепно. Более того, если чукчу искупать, он может заболеть и даже концы отдать.

Армия — не место для собирания коллекций: нет друзей-коллекционеров, нет и самих предметов коллекционирования. Не будешь же собирать патроны, снаряды или что-нибудь пострашнее. Но среди коллекционеров существует особый вид собирательства — памятные предметы и реликвии. Это, как правило, вещи, которые напоминают о каких-то событиях. К примеру: осколок с Мамаева кургана, вибратор с радиолокационной антенны, наградной документ, а то и сама награда. Для такого коллекционера в любом месте может найтись вожаделенный предмет.

Рожков принадлежал к таким коллекционерам. В этом мне пришлось убедиться во время проверок изделия на стендах. По плану занятий я должен был отдавать команды, а Рожков — выполнять одну из них: он выдергивал чеки. Чека представляла собой карболитовый цилиндр с серебряными контактами. Штука красивая и, главное, памятная. Ну чем не предмет коллекционирования?

После занятий Рожков подошел ко мне и шепотом сообщил, что хочет взять одну из чек на память. Он, видите ли, видел в ящике запасных инструментов еще несколько таких же. Никто отсутствие одной из них и не заметит. В его глазах сверкнул азартный огонек коллекционера. Такого я даже представить себе не мог. Это же надо было додуматься — взять в качестве сувенира часть атомной бомбы!

— Ты соображаешь, Левка, что ты делаешь? Положи на место так же незаметно, как взял, и больше даже не заикайся об этом.

— Лучше бы я тебе не говорил. Никто бы никогда ничего и не заметил, — и Рожков нехотя поплелся к ящикам.

Позже, уже в гражданской жизни, страсть к собирательству привела его к большим неприятностям по работе, на номерном заводе. На ротапринте в лаборатории он умудрился сделать копию каталога гитлеровских военных наград. Рожкова, конечно, кто-то заложил, и ему пришлось навсегда покинуть завод с «волчьим билетом».

* * *

Во второй половине дня 26 марта в Доме офицеров состоялась встреча с делегатом XX съезда КПСС, командующим Таврическим

военным округом генерал-полковником Иваном Ильичем Людниковым.

Все мы из истории Великой Отечественной войны знали об этом прославленном генерале. Под командованием Людникова 138-я стрелковая дивизия более полутора месяца вела ожесточенные бои между Доном и Волгой, активно оборонялась на подступах к Сталинграду. В октябре и ноябре 1942 года она сражалась с немцами в самом городе, в районе завода «Баррикады». Здесь дивизия, отрезанная от своих частей: слева и справа — немцы, позади — Волга, героически дралась сто дней и сто ночей.

Генерал выглядел внушительно: высокий и плотный, с темными усиками и такими же темными бровями. Рядом с ним наш подполковник Князев казался сухим и сереньким, хотя роста был тоже немалого. Даже генерал Чернорез терялся на фоне великолепного командующего.

Рассказывал генерал-полковник о закрытой части XX съезда КПСС, где с докладом выступил Хрущев Н. С. О самом съезде, который проходил в феврале, мы уже знали достаточно много. Изучали его материалы на семинарских занятиях, ощущали его антисталинскую направленность.

Командующий сообщил, что по докладу Хрущева составлено закрытое письмо, с которым нас в скором времени познакомят. А пока он стал излагать из него некоторые факты.

Он рассказал о письме Ленина, в котором больной вождь предупреждал о том, что Сталину доверять руководство партией нельзя. Он — честолубив, злопамятен и жесток. Его следует заменить на посту секретаря ЦК ВКП (б). Это завещание было зачитано на XIII съезде партии в 1924 году, но комиссия президиума решила оставить Сталина на этом посту. После этого письмо Ленина было похоронено в сейфах, где и пролежало до 7 февраля 1956 года.

В докладе Хрущева говорилось о страшных предвоенных годах массовых репрессий, когда неугодные «уничтожались сначала морально, а потом и физически». Хрущев говорил, что, идя на доклад к Сталину, ни он, ни Булганин не были уверены, что вернутся с доклада домой. Сталин доверял только Маленкову.

То, что мы услышали в этот день, повергло нас в шок. Все годы с раннего детства нас воспитывали в духе преклонения перед гением

Сталина. Мы вставали и ложились под звуки песен о самом мудром и великом вожде. Все, что было хорошего в жизни, было сделано им, все победы и свершения приписывались ему, он был нашим лучшим другом, отцом и учителем.

В экзаменационном сочинении по русской литературе на аттестат зрелости «Со Сталиным в сердце шагает Отчизна путем пятилеток, дорогой побед», черновик которого у меня сохранился, я приводил 9 пространных цитат, прославляющих великого вождя:

Спасибо Вам, что в годы испытаний
Вы помогли нам устоять в борьбе.
Мы так вам верили, товарищ Сталин,
Как, может быть, не верили себе.

Эти слова поэта Исаковского — были не самыми сильными, но они выражали ту суть, которую нам вдалбливали многие годы. За сочинение я, конечно, получил пятерку и в результате — золотую медаль. И хотя, как помню, понимал всю ненормальность чрезмерного возвеличивания вождя, охотно и без зазрения совести играл в эти игры, как играла в них вся страна.

И вот теперь та же партия устами ее руководителя Хрущева заявляет, что роль Сталина в войне — более чем ничтожная, что он в начале войны не знал, что делать и находился в прострации. А ведь он только вчера был Генералиссимусом Советского Союза, кавалером двух орденов Победы, великим полководцем и гениальным стратегом. И сейчас вся эта конструкция, упорно и умело сооружаемая годами, рушилась на наших глазах.

Но впереди нас ждало еще большее потрясение.

31 марта на объекте 70 старший лейтенант Цикарев вышел на трибуну с красной брошюрой и на протяжении трех часов читал нам письмо с закрытым докладом Хрущева «О культе личности и его последствиях».

Начинался доклад довольно спокойно с напоминания о нетерпимом отношении Ленина к культу личности, изложения обид Крупской на грубости Сталина, лояльном отношении самого Ленина к своим политическим оппонентам. Но вот на арену политической

борьбы выходит генсек Сталин и повергает напрочь «священные для нашей партии ленинские принципы» построения социализма. Произвол Сталина против партии и ее ЦК проявился в полной мере после XVII съезда партии, состоявшегося в 1934 году. Из 139 членов и кандидатов в члены ЦК, избранных этим съездом, было арестовано и расстреляно 98 человек, то есть 70 процентов.

После убийства Кирова начались массовые репрессии и вопиющие нарушения социалистической законности. Да и само убийство Кирова «таило в себе много непонятого и загадочного». Доклад прозрачно намекал, что организатором его был сам Сталин. Террор нарастал с каждым годом: количество арестованных увеличилось в 1937 году по сравнению с 1936 годом более чем в десять раз.

Особенное впечатление на слушателей произвели обстоятельства и подробности арестов, пыток и расстрелов людей, известных по революционной борьбе и гражданской войне: Эйхе, Рудзутака, Косиора, Постышева, Косарева.

В докладе отмечались тяжелые последствия истребления сотен и тысяч армейских командиров и политработников в 1937–1941 годах. Все они стали жертвами подозрительности Сталина и клеветнических обвинений. Имена Тухачевского, Якира, Блюхера и многих других не были названы, их реабилитация была еще впереди, но мы понимали, это — вопрос времени.

Уничтожение лучших кадров Красной Армии, игнорирование предупреждений о возможном нападении Германии на СССР, неготовность к оборонительной войне — во всем этом, оказывается, был повинен Сталин. Из доклада следовало, что он был «далек от понимания той реальной обстановки, которая складывалась на фронтах». За всю войну не был ни на одном участке фронта и руководил операциями по глобусу.

В заключительной части доклада Хрущев с сарказмом рассказывает о том, как Сталин редактировал свою собственную «Краткую биографию» и писал «Историю ВКП (б). Краткий курс».

Фраза: «Сталин — это Ленин сегодня» показалась ему явно недостаточной, и Сталин собственноручно переделывает ее так: «Сталин — достойный продолжатель дела Ленина, или, как говорят у нас в партии, Сталин — это Ленин сегодня».

Невольно вспоминается, как настойчиво и методично в годы учебы в школе и институте нам втолковывали эти сталинские книги. Мы их изучали, конспектировали, сдавали по ним экзамены — и вот выясняется, что это — блеф. «Разве может марксист-ленинец так писать о самом себе, возводя до небес культ своей личности?» — с возмущением спрашивает Хрущев.

Никита Хрущев все делал с энтузиазмом — и строил и разрушал. 1956 г.

Чтение закрытого письма закончилось при полной тишине. Эту тишину потом отмечали многие, прослушавшие шокирующий доклад Хрущева. Первым чувством было глубокое разочарование в вожде всех времен и народов — в Сталине. Мы стали понимать, что наши головы все еще набиты разным мусором: сталинская национальная политика, руководящая роль партии, марксизм-ленинизм, роль личности в истории и многими мертвыми схемами, от которых придется освободиться многие годы. Нам еще предстояло научиться самостоятельно думать, критически воспринимать то, что касалось вечным и незыблемым, и уже больше никогда и никого не слушать просто так — на веру.

Перед нами на стене висели три портрета: слева — Ленин в крапчатом галстуке, справа — Сталин в мундире генералиссимуса и посередине — улыбающийся Хрущев. Сейчас он выглядел победителем, сокрушив вождя и своих недругов. Казалось, даже Ленин на портрете задумался чуть сильнее обычного. Его фатальный час пробьет значительно позже, но фактически первый удар коммунистической иллюзии нанесен уже сейчас.

Разоблачение культа личности Сталина было началом конца коммунистического мифа.

Зачем это нужно было Хрущеву? Он ведь и так после смерти Сталина всех обошел и утвердился почти в той же непоколебимой власти. Но в том то и дело, что он понимал — кому-то надо отвечать за все прошлые злодеяния коммунистического режима. Так не лучше ли сразу все навесить на товарища Сталина, пока не вспомнили о других его соратниках, в том числе, и о нем.

Много лет спустя другой Генеральный секретарь ЦК КПСС Андропов в беседе с В. Кеворковым^[19] на аналогичный вопрос ответил:

«Сам знаешь, у Хрущева руки повыше локтя в крови, и, выступая на XX съезде, он меньше всего думал о стране и о народе, действуя по самой незамысловатой формуле: разоблачу Сталина — смою и свои грехи!.. Кто же станет разоблачать разоблачителя?!».

Выступлению Хрущева на XX съезде партии я уделил столько внимания потому, что оно произвело кардинальный переворот в головах каждого из нас. И хотя я уже тогда был достаточно критичен к непогрешимости вождя и партии, но размеры и размах государственной лжи потрясли и мое воображение.

По сути дела Хрущев, сам того не осознавая, забил первый гвоздь в гроб тоталитарной системы. Далее она постепенно начала подгнивать и разваливаться сама. Но тогда не многие осознавали, что развеян миф не только о Сталине, но — и о коммунистическом рае.

Теперь об этом пишут...

Загадки XX съезда (как готовился доклад Хрущева)

После смерти Сталина в марте 1953 года перед советской элитой встал вопрос: кто станет приемником? Наиболее опасного претендента, Лаврентия Берия, удалось устранить летом того же года. Следующий раунд в борьбе за власть проходил между секретарем ЦК КПСС Никитой Хрущевым и председателем Совета Министров СССР Георгием Маленковым.

В 1955 году последнего удалось убрать с высокого поста, но Маленков по-прежнему оставался фигурой крайне влиятельной.

Претендентам на власть в любой стране приходится в первую очередь договариваться с прочими представителями элиты. Жить, как при Сталине, то есть работать по ночам и дрожать в ожидании возможного ареста, элита больше не хотела. В такой обстановке страна подошла к очередному, XX съезду КПСС, который был намечен на февраль 1956 года.

Готовить съезд, естественно, начали загодя. На заседании Президиума ЦК, состоявшем в последний день 1955 года, было решено создать комиссию, которая решила бы «вопросы, связанные с реабилитацией». Проще говоря, оценила бы масштабы репрессий. Возглавил комиссию бывший редактор «Правды», секретарь ЦК Петр Поспелов. Всего через месяц 70-страничный отчет о репрессиях прошлых лет лег на стол Хрущева. Картина вырисовывалась жуткая. Только за 1937–1938 года по обвинению в антисоветской деятельности было арестовано более полутора миллионов человек, из которых почти 700 тысяч расстреляли! Кто-то должен был за все это ответить, а из документов, подшитых к отчету, напрямую вытекала персональная вина Сталина!

9 февраля, за 5 дней до открытия съезда, доклад комиссии Пospelова заслушали на Президиуме ЦК. «Старая гвардия» — Молотов, Ворошилов и Каганович — была категорически против того, чтобы выносить вопрос об ответственности Сталина и партии на съезд. Более молодая гвардия партийных руководителей сама была в шоке от услышанного и настаивала на обратном. Хрущев пообещал всех помирить и «не смаковать прошлое».

Делегаты и не подозревали об этих спорах. Решение о том, что Хрущев выступит с докладом о культе личности, было принято только за день до начала съезда. Текста доклада еще не существовало. Его — грубейшее нарушение всех мыслимых правил подготовки важных партийных документов! — лишь предстояло написать.

Воспользовавшись тем, что появилась возможность не согласовывать текст выступления с «товарищами», Хрущев решился на рискованную импровизацию. Получив на руки выводы комиссии, Хрущев поступил с ними крайне своеобразно. Пока шел съезд, он вызвал к себе стенографистку и продиктовал такие «добавления», которые в значительной степени изменили само содержание доклада.

В последний день работы XX съезда, 25 февраля 1956 года, было объявлено закрытое заседание. Доклад Хрущева стал полной неожиданностью почти для всех. Потрясенный зал выслушал докладчика в гробовом молчании. Аплодисментов не было даже после того, как оратор сошел с трибуны.

Ход закрытого заседания не стенографировался. Магнитофонная запись не велась и подавно. Хрущев довольно часто отрывался «от бумажки» и нес откровенную отсебятину. В общем, можно констатировать: мы, скорее всего, никогда не узнаем, что именно говорил Хрущев с трибуны XX съезда. Однако совершенно очевидно, что ему удалось радикально развернуть «направление главного удара» в сторону... своего соперника Маленкова! Не только Сталин, но и он, Георгий Маленков, был назван

ответственным за поражение Красной армии в 1941 году, за «дело врачей», за репрессии в армии.

Доклад Хрущева на XX съезде был тщательно отредактирован, переплетен в красную книжечку с грифом «Не для печати» и разослан по всем советским городам.

Рудольф Пихоя, докт. ист. наук

«Аргументы и факты в Украине» № 7. 2006 г, с. 37.

* * *

На объекте 70 очередное построение. В зале вдоль одной стены выстраиваются человек двадцать наших преподавателей. Вдоль другой стоят классные отделения слушателей. Несколько в стороне стоят на тележках — два зачехленных изделия. Входит с папкой приказов подполковник Шаронов. Подполковник Князев нарочито задерживается и заходит тогда, когда все построились. Князев здоровается и, услышав громкий и четкий ответ, снисходительно замечает: «Ничего».

Подполковник Шаронов одевает очки на свой курносый нос и возвещает: «Слушай приказ».

Так как приказы нам ничего хорошего не предвещают, то мы заранее приготовились к худшему. Содержание приказа уже несколько дней передавалось из уст в уста, его уже обсудили и осудили, но слышали полностью впервые.

В гарнизоне вводится для всех категорий военнослужащих особый режим. Выход за пределы городка разрешается только с разрешения генерала Чернореза. Холостым офицерам, к коим мы в первую очередь и принадлежим, проживающим на административно-хозяйственной территории гарнизона, выход за пределы проволочных заграждений запрещается. По рядам прошелестел ропот возмущения. Здесь же одним из бунтарей был задан вопрос:

— В таком случае, почему нам не платят надбавки за режимность?

— Нет указаний, — ответил Князев.

Мы уже знали, что требовать что-либо у командования — бесполезно. Как говорил остряк Хихоль — в армии существует только проводимость: от вышестоящего по службе к нижестоящему.

Чтобы продемонстрировать мудрость и твердость дисциплинарного устава, из строя был вызван Сергеев, тихоня из тихонь. Подполковник Князев строго глянул на него сквозь толстые стекла очков, прокашлялся и объявил:

— Младший инженер-лейтенант Сергеев отказался выполнять приказ командира классного отделения. Он отказался дежурить повторно, так как первое дежурство было некачественным и плохим. Этим самым младший лейтенант Сергеев нарушил статью 7 главы I дисциплинарного устава. В военное время за невыполнение приказа командира передают суду военного трибунала и расстреливают. Но учитывая то, что младший лейтенант Сергеев еще не офицер, вернее — липовый офицер, я ограничиваюсь замечанием. Впредь будем поступать со всей строгостью и в полном объеме дисциплинарного устава! — Князев перевел взгляд на всех нас и добавил: — Пора предъявлять к вам требования, которые предъявляются всем военнослужащим. Вы уже достаточно служите, чтобы отвечать в полной мере за свои проступки.

Еще одно. Из гарнизонной комендатуры поступили сведения, что офицеры нашей части носят фуражки. Приказа о переходе на летнюю форму одежды еще не было. Поэтому ношение фуражек является нарушением формы одежды и будет комендатурой решительно пресекаться.

И последнее. Приказом начальника гарнизона устанавливается, что группы солдат, сержантов и офицеров в служебное время должны ходить строем по проезжей части дороги. Так как большая часть вашего времени в гарнизоне является служебной, то этот приказ касается вас напрямую.

В строю послышались возмущенные возгласы, но подполковник, не обращая на них внимания, повысил голос и решительно закончил:

— Согласны вы с этим или нет — не имеет значения, но приказ есть приказ. На занятия, по аэродрому и на объекты ходить будете строем.

Это было очередным спланированным ударом по нашему престижу и самолюбию, одним из тех, которые с садистским удовольствием систематически наносило нам гарнизонное командование. Правда, приказ был зачитан, но выполнение его не контролировалось, и все осталось по-старому. Не последнюю роль в его мертворожденности сыграло и то, что строем надо было ходить и нашим преподавателям.

На следующий день свое построение классного отделения произвел майор Бугаенко. Пытаясь подражать своим вышестоящим начальникам, он, кося взглядом куда-то в сторону и потирая руки, тихо начал свою воспитательную речь:

— Плохо, товарищи офицеры, у нас с работой. Очень плохо. Опыт работы некоторых бригад показал, что слушатели не работают над инструкциями, недостаточно четко знают схемы, мало уделяют времени на отработку отдельных узлов изделия. Надо, товарищи, работать. Надо четко знать схемы материальной части и контрольных приборов, выучивать наизусть некоторые положения инструкций.

И вот таким бесстрастным и назидательным голосом майор Бугаенко говорил еще долго, скучно и безрезультатно. Я ловил себя на том, что во мне просыпается презрение не только к командиру, но и к воинской службе вообще. Мое отношение к армии менялось на глазах. Я о ней раньше был лучшего мнения. Во всяком случае, я ее уважал...

Поскольку второй цикл учебы был задуман только для того, чтобы затянуть время до готовности мест нашей службы, в учебную программу включали предметы не очень нам, мягко говоря, необходимые.

Одним из таких предметов было фотооборудование, которому нас учил сам подполковник Князев. Видимо, ему ранее приходилось по службе заниматься этим увлекательным делом. Когда-то он принимал участие в разборке американской «летающей крепости» В-29, которая послужила прототипом Ту-4. Он рассказывал нам об аэрофотосъемке, о конструкциях фотоаппаратуры, о фотоматериалах. Рассказывал интересно и увлекательно. Слушали его внимательно, находя в его занятиях много такого, о чем мы никогда не слышали. Для нас фотография всегда ограничивалась бытовыми съемками друзей и родственников. Здесь же мы познакомились с проблемами аэрофотосъемок наземных объектов с больших высот, спецификой

контрольно-измерительных фотосъемок при испытательных полетах изделий, методам анализа фотографий.

Аэрофотосъемка вражеских территорий широко применялась обеими противоборствующими сторонами еще во время второй мировой войны. Всем известны по книгам, а многие даже помнят, немецкие разведывательные самолеты, именуемые — «рамы», после пролета которых немедленно появлялись бомбардировщики. С тех пор разрешающая способность аэрофотосъемки неуклонно повышалась за счет улучшения фотообъективов и качества фотоматериалов.

Тогда подполковник Князев, кандидат технических наук, рассказывал нам, молодым инженерам, только технические аспекты такой интересной области военной техники как аэрофотосъемка. Сейчас стало многое известно о том, какие политические и военно-стратегические силы были задействованы в области создания целого арсенала самолетов, производящих аэрофотосъемку чужих территорий. Я напому некоторые факты, которые стали только сейчас общедоступными.

В США была разработана специальная программа «Аква таун» по фотографированию территории Советского Союза. В 1954 году президент США Эйзенхауэр разрешил ЦРУ израсходовать 35 миллионов долларов на создание высотного самолета-разведчика, способного пересекать территорию СССР «без риска быть сбитым». В начале 1956 года был готов к разведывательным полетам самолет U-2. Предполагалось, что он будет достигать высоты в 21000 метров и иметь дальность полета 5000 километров.

Количество испытаний ядерного оружия в СССР неуклонно росло. В 1949–1951 годах были проведены три испытательных взрыва ядерных устройств. С августа 1953 года, когда была взорвана первая советская водородная бомба, и до конца 1955 года состоялось еще 16 ядерных взрывов. В ноябре 1955 года в Семипалатинске была взорвана первая водородная бомба, сброшенная с самолета.

Суровая необходимость требовала от наших противников проведения разведывательных полетов над атомными объектами СССР. Первый самолет U-2 появился над Белоруссией 4 июля 1956 года, над Москвой — 5 июля. Все попытки МиГов перехватить U-2 оказались безуспешными. Истребители отчаянно рвались на высоту, где их двигатели глохли, и они проваливались вниз. Несколько МиГов

так и не смогли вновь работать и упали на землю. Ракеты земля-воздух не были даже выпущены, и пилот U-2 беспрепятственно пролетел над двойным кольцом стартовых площадок вокруг столицы^[20].

10 июля, согласно «Задания 2023», U-2 пролетел над ГДР, Польшей, Румынией, Крымским полуостровом и через Чехословакию и ГДР вернулся на базу в Висбаден. 21 августа 1957 года U-2, пилотируемый летчиком Шербонно пролетел над Новокузнецком, Кузбассом и Семипалатинском. На фотографиях аэродрома в Семипалатинске удалось увидеть не только бомбардировщик-носитель, но и саму бомбу, которую готовили к подвеске. Через четыре часа после того, как Шербонно пролетел над Семипалатинском, русские произвели испытательный взрыв ядерного устройства мощностью 0,5 мегатонны.

Так что полет известного самолета-разведчика U-2, пилотируемого Пауэрсом, который вылетел 1 мая 1961 года из Пакистана, был далеко не первым. Сложный полет от Пешавара в Пакистане до Бодэ в Норвегии через СССР ему поручили как самому опытному пилоту. Пауэрс, начиная с 1956 года, выполнил двадцать семь разведывательных полетов: один над СССР, один над Китаем, шесть — вдоль границ СССР и девятнадцать над Ближним Востоком.

Летчик Френсис Пауэрс с моделью самолета U-2.

Он прошел над Аральским морем, космодромом Тюратом, заводом по обогащению плутония в Кыштыме (Челябинск-40) и снял все эти объекты на фотопленку. Самолет U-2 имел возможности фотографировать полосу советской земли длиной в 5000 километров и шириной в несколько километров. Разрешающая способность снимков была такая, что можно было прочесть заголовки газет.

Таких полетов самолета U-2 над СССР с 1954 по 1960 годы было двадцать три. Пролетали самолеты и над Керченским полуостровом,

где находился наш полигон.

Самолет-разведчик U-2, сбитый в центре СССР. 1960 г.

После краха Пауэрса полеты на U-2 прекратились. Для этих целей стали применять спутник «Дискаверер», который за один день семь раз пролетал над Советским Союзом и фотографировал более 1,3 миллионов квадратных километров территории. И хотя качество снимков было хуже, но на них выявляли много военных объектов, о которых американская разведка даже не подозревала.

Всего этого тогда Князев не знал, а потому, закончив занятия, принялся за наше воспитание. Оказывается, из трех необходимых для офицера добродетелей: дисциплинированности, культуры, как технической, так и общечеловеческой, и морального облика — у нас нет ни одной.

— Товарищ подполковник, — обратился к нему Кузнецов Женья. — Почему вы так нас, радистов, не любите?

— Во-первых, кто вам это сказал? Во-вторых, вы не девушки, чтобы вас любили. И в третьих, я не люблю нахальных и хитрых. А радисты более всех этим и отличаются. У вас языки очень хорошо подвешены. На все вы знаете ответ и все вы, как вам кажется, можете. А это далеко не так, и вот этого я действительно не люблю. Кто чаще всего нарушает воинскую дисциплину? — Радисты. Кто реже других попадает на этом? — Радисты. Кто первым берется за любое дело? — Радисты. Кто первым скрывается в кустах? — Опять же — радисты.

Я не знаю, как вас там учили и воспитывали, вы, хоть и с разных городов, но похожи друг на друга, как близнецы. Возьмите барометристов — это же спокойные и серьезные люди. От них неожиданностей, особенно — неприятных, не исходит. А у вас: то — комендатура, то — пропуска занятия, то — пьянка, то — Бог его знает что еще.

— Это потому, что работа радиста — работа интеллигентная, требует ума и, конечно, изворотливости, — не унимался Женя. — А барометристы даже с давлением не могут справиться: то оно у них высокое, то — низкое и — никогда нет нормального.

— Посмотрим, товарищи интеллигенты, как вы экзамены будете сдавать. На экзамены прибудет из Москвы комиссия во главе с начальником Главка, — и подполковник стал одевать шинель, показывая этим, что разговор окончен.

— Товарищ подполковник, разрешите задать еще один вопрос? — обратился другой киевлянин, Келеберденко.

— Задавайте.

— Кордовский за нарушение дисциплины получил пять суток, отсидел их, а ему еще строгий выговор по комсомольской линии влепили. Разве можно за одно нарушение наказывать дважды?

— Выговора не лепят, а выносят. Дисциплинарное взыскание он получил от непосредственного начальника согласно уставу, как и положено в армии. Выговор же ему вынесла общественная организация, которая обязана помогать командиру в воспитательной работе. Это совсем разные наказания.

— Но у командира есть такие сильные помощники как приказ и устав, неужели их недостаточно? Зачем вообще комсомольская организация в армии?

— Не путайте праведное с грешным: командир является единоначальником и у него достаточно прав, чтобы пресечь любые нарушения воинской службы...

— Вот я об этом и говорю... — снова встрял Келеберденко.

— Ничто и никто не может отменить приказ командира. Это — закон. Но есть еще и моральная ответственность, о которой и призван напоминать комсомол. Может, вы ставите под сомнение необходимость существования комсомола? — сверкнул глазами из-под очков подполковник.

Никто, конечно, перечить командиру и ставить под сомнение действенность комсомола не стал. Тем более — накануне обмена комсомольских билетов.

Обмен комсомольских билетов проводился торжественно самим генералом Петленко. Он никогда не пропускал возможности дружески пообщаться с солдатами и офицерами, дать им дельный совет, выслушать их жалобы. На днях, рассказывают, он в воскресенье посетил гарнизонную казарму. Заходит и видит, что некоторые солдаты читают книги.

— Что вы тут сидите и читаете? Разве это должен делать солдат в воскресенье? Хороший солдат в воскресенье возьмет вещевой мешок, насыпет туда килограммов двадцать песочка, пробежит километров десять, да не забудет по дороге раза два-три лечь и окопаться. Вот как сделает хороший солдат. А вы сидите и читаете всякую чепуху. Если бы это было необходимо, то у нас была бы читальная рота. Читать солдату надо уставы — и интересно, и полезно.

Не так давно наши активисты решили организовать мотоциклетные курсы. Такое важное мероприятие мог благословить только Петленко. Комсорг Ератов, которого уполномочили спросить разрешения у генерала, потом рассказывал:

— Приходим мы в политотдел, представляемся по форме и излагаем свою просьбу. Мол, нам надо выделить два мотоцикла и инструктора. Передаем ему список желающих обучаться езде на мотоцикле.

Генерал слушает нас, досадливо морщится, постукивает пальцами по краешку стола, а потом прерывает наш доклад словами: «Вам, видимо, делать нечего. Видимо, ваши командиры вас мало загружают учебой. Страна доверила им изучение новейшей оборонной техники, а они вместо того, чтобы все силы и время бросить на учебу, задумывают какие-то мотоциклетные курсы. Может вам еще и балеринный кружок организовать? Идите и скажите вашим командирам, чтобы они загружали вас побольше учебой и практической работой. Тогда и глупости не будут лезть в голову».

Новые комсомольские билеты генерал Петленко решил вручать лично. Ератов нас предупредил, что при этом генерал будет производить собеседование. Слово «собеседование» в зрелом возрасте производит такое же впечатление, как слово «укол» в школе. Вроде и не страшно, но — неприятно. На всякий случай я освежил знания по уставу ВЛКСМ, съездам комсомола и орденам, которыми так щедро награждали ленинский отряд молодежи. Учитывая боевое прошлое

генерала, проштудировал «десять сталинских ударов» во время Великой Отечественной войны.

Захожу в кабинет генерала и, как можно четче, представляюсь. Он сидит за большим письменным столом и источает благодущие.

— Садитесь, товарищ Вишневский. Расскажите, как вам служится, как преодолеваете тяготы армейской жизни?

Отвечаю, что служится мне хорошо, тяготы армейской жизни преодолеваю легко. Взысканий не имею. В осваивании техники не отстаю и даже иногда выполняю должность бригадира.

— А кто ваши родители?

— Мама — учительница, а отчим — участник Отечественной войны, работает директором фабрики-кухни на одном из заводов.

— В каких войсках служил ваш отчим? На каком фронте?

— Воевал в 1172-ом истребительно-противотанковом Будапештском полку 9-ой отдельной противотанковой Апостоловской бригады РГК 3-го Украинского фронта.

— Хорошо, что вы знаете, где и в каких войсках служил ваш отец. Это надо помнить всем. Ну, а как вы думаете, зачем поехали в Англию Хрущев и Булганин?

— Визит Первого секретаря КПСС Хрущева и Председателя Совета министров Булганина показывает стремление Советского Союза к миру, демонстрирует наши мирные инициативы в области науки, техники и культуры.

— Все это так, но холодная война, развязанная мировым империализмом, продолжается. Военные базы плотным кольцом окружают Советский Союз. Американские военные 1956 г. по-прежнему готовят ядерный удар по нашим городам. Так что мы, товарищ Вишневский, не должны расслабляться, должны всегда держать порох сухим, должны быть готовыми дать ответ на их планы нападения, разные там «Бушокеры» и «Дропшоты». Вручаю вам новый комсомольский билет и желаю успешной службы!

Все чаще приходилось задумываться над будущим. 1956 г.

Визит Хрущева и Булганина в Англию, о которых напомнил генерал, был знаменателен еще и тем, что в нем участвовали академики Курчатов И. В. и Туполев А. Н. Тогда был сделан первый шаг к освещению работ советских физиков в области управляемого термоядерного синтеза. Присутствие в делегации известного авиационного конструктора должно было свидетельствовать о прогрессе Советского Союза в области стратегического самолетостроения.

Хрущева и Булганина пригласили на военно-воздушную базу в Мархэме, где им показали тяжелые бомбардировщики «Вэлиант» и «Канберра». Был продемонстрирован групповой взлет шести бомбардировщиков «Канберра», являющихся основными английскими самолетами-носителями атомных бомб.

В ответ на эту демонстрацию Хрущев разразился хвастливой речью о том, что академик Туполев создает четырехмоторный самолет, способный поднимать 170 человек. Мол, нет оснований думать, что мы отстаем в развитии техники. Факт, что в Советском Союзе впервые была взорвана водородная бомба, сброшенная с самолета, тогда как в США, по имеющимся сведениям, было подорвано лишь устройство водородной бомбы.

Правительственная делегация СССР отправилась в Англию не на самолете, как это было принято, а на боевом крейсере «Орджоникидзе». Вооруженный самой современной артиллерией различных калибров, крейсер символизировал могущество Советского

Союза. Для большей уверенности ему в сопровождение дали два эскадренных миноносца — «Смотрящий» и «Совершенный».

Интерес к крейсеру «Орджоникидзе» в Портсмуте был огромным. В отведенные специально для этого часы корабль посетили в общей сложности 20 тысяч местных жителей.

Вместе с тем старшие офицеры корабля интуитивно ощущали, помимо открытого интереса, скрытую возню вокруг советских кораблей. Вахта заметила, что по левому борту крейсера, чуть ниже ватерлинии, мелькнула голова водолаза в легком снаряжении. Командир крейсера немедленно отдал приказ водолазной группе на погружение с целью осмотра подводной части корабля. Всем морякам был памятен недавний взрыв на рейде Севастополя линкора «Новороссийск». С тех пор в штаты команд крупных боевых кораблей был введен расчет аквалангистов — боевых пловцов.

Оперативно обследовав днище от пятки до среза форштевня и осмотревшись под килем, моряки как будто ничего и никого не обнаружили.

Крейсер «Орджоникидзе». 1956 г.

Об этом было доложено на мостик командиру корабля и старшему в походе контр-адмиралу Котову. На крейсере никто, кроме нескольких причастных к этому моряков, так об этом инциденте и не узнал. Вместе с тем в Англии дело получило огласку еще до того, как крейсер покинул Плимут. Стало известно, что один из английских водолазов, работавших в том районе, не вернулся с задания. Его тело позже было найдено на одном из безлюдных островков. Гидрокостюм и акваланг внешних признаков физического воздействия не имели.

Газеты сообщили, что погибший — водолаз британского флота лейтенант-командор Лайонел Крэбб. По версии ВМС Великобритании

он выполнял как гражданское лицо работы по проверке технического состояния секретного оборудования неподалеку от Портсмута.

Многие десятилетия эпизод с гибелью Крэбба оставался тайной. Официальные власти, командование флотом отрицали участие советских аквалангистов в уничтожении английского боевого пловца. И только недавно участник тех событий матрос Дьячок М. С. признался, что участвовал в обезвреживании английского разведчика^[21].

* * *

В пятницу 13 апреля, в такой казалось бы опасный день, мне пришлось работать с бригадой на объекте по снаряжению изделия. Операцию снаряжения мы проводили уже неоднократно, достигли неторопливой четкости и автоматизма. А так как сегодня команды подавал Кобыляцкий, обладающий громким, хотя и с картавинкой, голосом, то работа шла успешно и была одобрена майором Свиридовым.

Но к концу занятий поступил приказ прибыть в конференц-зал объекта 77 на построение. Ничего хорошего от построения мы уже давно не ожидали, а потому в автобусе стали обмениваться неутешительными предположениями. Настораживало то, что на построение были вызваны также все дежурные. Вид преподавателей был также несколько необычен: вместо серьезной озабоченности они почему-то выглядели торжественно и умиротворенно. Более того, подполковник Князев тоже стоял в строю, хотя обычно он прохаживался между шеренгами слушателей и преподавателей.

Старший лейтенант Храмов, хранитель и вестник всех штабных документов, вышел вперед и раскрыл синюю папку. Он зачитал сообщение, в котором подполковника Князева отдел кадров Главка извещал о том, что офицерам его части приказом Министра обороны СССР за № 01423 от 2 апреля 1956 года присваиваются внеочередные воинские звания инженер-лейтенантов. Далее в алфавитном порядке следовал список фамилий.

В строю установилась непривычная тишина. Все с напряженным вниманием ожидали своей буквы, а потом — и фамилии. Было видно,

как бледнели лица тех, чьи буквы уже прошли, а фамилии так и не прозвучали. Из 95 человек в списке оказалось 54. Звание присваивалось только отличникам и старослужащим. Окончившие первый цикл на четверки очередное звание не получили. Не было и тех, у кого было хоть одно взыскание.

Подполковнику Князеву Валентину Никаноровичу присваивалось звание полковника. И хотя в сообщении его фамилия не прозвучала (такая уж воинская субординарная щепетильность), но это известие стало нам ведомо уже в строю. О нем шепнул подполковник Хихоль. Звание подполковников получили майор Фомин и майор Бугаенко.

Чтение сообщения из Москвы закончилось, но видимой радости не наблюдалось. Получившим звание было неудобно перед товарищами. Многие из них погорели на взысканиях, полученных иногда по самым пустяковым поводам. Вот тут-то всем стало ясно и очевидно, что в армии получить взыскание и не снять его вовремя, это совсем не то, что получить выговор по комсомольской линии. Между прочим, звания лейтенантов не получили также Кордовский и Кихно, подавшие рапорты об увольнении из Советской Армии.

Торжество было омрачено. Оставшиеся без очередных звездочек переживали это открыто. Во-первых, факт присвоения первичных воинских званий — младших лейтенантов — был уже несправедливостью. В некоторых вузах выпускали сразу лейтенантами. Во-вторых, эта несправедливость как бы повторялась и подчеркивалась сравнением с более удачливыми товарищами.

И все же вечером был устроен импровизированный банкет. Каждый из именинников выставил по бутылке водки и закуску. Не отставали от них и оставшиеся за бортом.

Собирались по классным подразделениям. Наше подразделение, в основном, состояло из выпускников радиофаков Харьковского и Киевского политехнических институтов. Так уж случилось, что все харьковчане стали лейтенантами, а у киевлян были существенные потери. Особенно переживали неудачу Женька Кузнецов и Вовка Кушнир, ребята способные, но не очень дисциплинированные. Кузнецов принес гитару. Филенко не забыл свой аккордеон, и офицерское холостяцкое застолье началось. Неумело, но традиционно — в стаканах с водкой, обмывали звездочки. Как могли, утешали

неудачников. Говорили традиционные глупые тосты. И потихоньку пьянели.

Вот уже и старинная студенческая песня об Отелло поспела. Ее знали на всех факультетах всех вузов страны, а потому дружно грянули:

Песенка про Отелло

Отелло — мавр венецианский
Один домишко посещал,
Шекспир узнал про это дело
И водевильчик написал.

Девчонку звали Дездемона,
Лицом, что круглая луна,
На генеральские погоны
Вдруг загляделася она.

Папаша — дож венецианский,
Любил папаша — эх! — пожрать.
Любил папаша сыр голландский
Московской водкой запивать.

Папаша — парень компанейский,
Вино бокалами глушил,
Был полон мудрости житейской,
Но только мавров не любил.

А не любил он их за дело,
Ведь мавр на дьявола похож.
И предложение Отелло
Ему, что в сердце — финский нож.

Был у Отелло подчиненный
По кличке Яшка-лейтенант.
Он на несчастье Дездемоны

Был злой и подлый интриган.

И вот в семье случилась драма:
У ей платок куда-то сплыл.
Отелло вспыльчивый был малый,
Жену в два счета задавил.

Ой, девки, девки, заглядайте
Подальше вы носов своих.
И никому не доверяйте
Своих платочков носовых.

Молодость всегда брала свое. 1956 г.

Эта песня, видимо, вызвала какие-то смутные ассоциации у Кузнецова, потому что он, отложив гитару, сказал:

— Не только там, в Венеции, был Яшка-лейтенант, подлый интриган, но таковой есть и у нас в Багерово. Это не менее подлый Левка-интриган. И тоже — лейтенант, тогда как мы так и остались младшими. Это я о тебе, Левка Рожков. Подвел нас под монастырь, а сам остался в стороне.

Кузнецов угрожающе поднялся из-за стола и направился к сидевшему на углу Рожкову. Тот удивленно выпучил глаза, вытер вспотевший лоб и закричал:

— Я то здесь не причем: вы сами в городе затеяли драку, за которую и пострадали. А я в драке не участвовал.

— А из-за кого драка случилась? Из-за тебя да из-за твоей тощей девки, которую мы хотели защитить от местных кавалеров. Ты-то успел до прихода патруля скрыться со своей стервой, а нас, как последних салаг, повязали и отправили в комендатуру.

Воспользовавшись паузой, бывалый Витя Караванский предложил спеть нашу факультетскую песню, сочиненную на лагерных сборах в Воронеже. В ней воспевался незабвенный преподаватель по сопромату Павел Пименович Иванов, человек строгий и радостно-принципиальный. И он запел баском, склонив вперед крепкую голову:

Факультетская песенка

В нашем вузе, в нашем вузе дядя Паша,
Красота и гордость наша.
И все студенты говорят,
Что Иванов чудаковат.

Припев:

Пал Пим, Пал Пим, Пал Пимич,
Я расскажу вам без прикрас.
Пал Пим, Пал Пим, Пал Пимич,
Я по ночам не сплю, все думаю о Вас.

Мой товарищ, мой товарищ, как-то сдуру,
Начертил не ту эпюру,
Тринадцать раз ее сдавал,
А Иванов его все гнал.

Припев.

Если вы, да если вы у Иванова,
Пересдать хотите снова,
То я скажу вам наперед,
Что этот номер не пройдет.

Привев.

Если с нашим Ивановым ты поспоришь,
Чепухи ему напоришь
Тогда услышишь ты слова,
Что это — плохо, это — два.

Привев

Если, друг, задачу ты передираешь,
Ничего не понимаешь,
То понапрасну лоб не морщ,
Все — тринды-брынды с маком борщ.

Привев.

Песню, как всегда, спели дружно и с энтузиазмом. Я привожу ее полностью, так как хотелось, чтобы новая поросль студентов ХПИ помнила, что был когда-то такой доцент Иванов, прекрасный специалист, щеголь и весельчак.

Душевная песня, вобравшая в себя лучшие и худшие воспоминания студенческой жизни, снова сплотила наши захмелевшие ряды. Кто-то предложил спеть распространенную когда-то, но сейчас призабытую песню про электричество. Ее когда-то исполняли на всех вечеринках будущие инженеры, которые изучали теоретические основы электротехники и другие электрические дисциплины. Мы, радисты, ее тоже считали своей родной песней, мобилизующей и оптимистической. В ней были и наивные представления о профессии, и мечта о пока еще ненайденной жене.

<p><i>Песенка про электричество</i></p>
--

Нам электричество
мрак и тьму рассеет,
Нам электричество

сделать все сумеет,
Не будет институтов,
не будет чертежов,
Нажал на кнопку: чик-чирик,
и инженер готов.

Плавать мы будем
теперь в электрованне,
А летать мы будем
на электроплане,
Грабить нас будет
теперь электровор,
И судить нас будет —
электропрокурор.

Не будет больше лысых,
и все омолодится.
Не будет пап и мам, —
мы будем так родиться.
Не будет акушеров,
не будет докторов,
Нажал на кнопку: чик-чирик —
и человек готов.

Заходишь в ресторанчик —
там все на электричестве,
Нажал на кнопку: чик —
вино в любом количестве,
Нажал на кнопку: чик —
капуста с колбасой,
И не прошло пяти минут,
как ты уже косой.

Нажал на кнопку: чик —
и ты горишь от счастья,
Нажал на кнопку: чик —
тебя ведут в участок.

Еще на кнопку: чик —
и ты летишь домой,
Жена тебя встречает
электрокочергой.

Не будем мы весною
влюбляться и терзаться,
Не будем мы весною
подолгу объясняться.
Электрообъяснение —
включай и не горюй,
А страсти нам заменит
электропоцелуй.

Нажал на кнопку: чик —
готово заявление,
Нажал на кнопку: чик —
ты слышишь поздравленья,
Еще на кнопку: чик —
и ты идешь домой
С свидетельством о браке
и молодой женой.

Не будет никого
счастливее на свете,
Появятся у вас
с женой электродети.
Их рев не потревожит
ваш тихий сладкий сон, —
Споет им колыбельную
электропатефон.

Мы нервы сохранить
в семейной жизни сможем:
Пускай орет жена,
хоть вылезет из кожи,
Лежи себе с газетою

и ты не виноват, —
Ведь за тебя ругается
электроавтомат.

И будет нам легко
с женою разводиться,
Не нужно будет нам
за тысячи судиться:
Ручной электросуд
найдешь в семье любой,
Нажал на кнопку: чик —
и ты уж холостой.

Эта песня стоит того, чтобы вернуть ее из забвения на возможную радость нынешним первокурсникам. Когда раздавались последние куплеты песни, к нам «на огонек» зашел теперь уже подполковник Фомин. И хотя он дежурил по части, никаких увещаний и запретов мы сегодня от него не слышали. Это был один из интеллигентных преподавателей, с прекрасным характером, которых так не хватало армии в то нервное время. Прошли годы, забылись многие фамилии командиров и остались только их звания. Но Сергей Иванович Фомин остался в памяти, как никто другой.

На следующий день в столовую мы явились уже в лейтенантских погонах. Девушки-официантки сияли и высказывали свои поздравления.

— Если будете идти такими темпами, то скоро генералами станете, — сказал один из знакомых офицеров.

Глаз от скромности мы не опускали и с высоко поднятыми головами влились в безликое море лейтенантов. Мы даже не заметили, что потеряли уникальность своего прежнего положения.

* * *

В первомайском параде гарнизона наша часть выступала отдельной колонной. В параде принимали участие слушатели и

постоянный состав — преподаватели и обслуживающие нас офицеры. Как я уже говорил, ни одного солдата или сержанта в нашей части не было.

В качестве подготовки к параду мы несколько раз вечером промаршировали по стадиону. Но марширующих преподавателей ни разу не видели. Это был мой первый и последний военный парад.

Все части гарнизона выстроились в большое каре по трем сторонам стадиона. На главной трибуне разместилось военное и гражданское руководство, на боковых — гости, члены семейств военнослужащих.

День выдался солнечный, но ветреный. Ветер поднимал пыль с разбитого поля стадиона и нес ее на одну из сторон каре. Полить поле то ли забыли, то ли посчитали лишним.

Почти все офицеры-летчики были в синих брюках. Новая форма наконец дошла и до нашего гарнизона. Необычной формой удивляли солдаты и офицеры охранных войск. Они получили панамы, гимнастерки с отложными воротниками и стали напоминать колониальные войска, какими мы их видели в заграничных фильмах. Позже такую форму одежды ввели для всех южных и жарких районов СССР.

Все было, как на настоящих военных парадах: и линейные с флажками на штыках, и довольно большой духовой оркестр со щеголеватым капельмейстером.

В 10 часов вдоль выстроившихся войск с обходом двинулась группа старших офицеров во главе с генералами Чернорезом и Петленко. Генерал Чернорез был в темно-синей парадной форме с кортиком, в белых перчатках, при всех орденах. Генерал Петленко почему-то был в зеленой форме, но тоже при орденах.

Возле каждой воинской части группа останавливается, генерал Чернорез здоровается и поздравляет с праздником. Одних он называет летчиками и штурманами, других — механиками и техниками, третьих — просто солдатами. С какими словами обратится генерал к нам? Вот уже офицеры приближаются к нашему строю.

Полковник Князев отдает рапорт и делает шаг в сторону.

— Здравствуйте, товарищи инженеры!

— Здравия желаем, товарищ генерал! — звучит ему в ответ, и нам кажется, что четче и громче нас никто еще не отвечал.

— Поздравляю вас с международным праздником 1-го мая!

Раздается троекратное «ура». Гремит оркестр, и командование движется дальше.

Обход войск закончен. Оркестр перемещается с центра поля к трибунам. На центральную трибуну поднимаются генералы и сопровождающие их полковники. Начинается торжественный марш.

Впереди нашей части, непривычно и нетвердо ступая длинными ногами, идет полковник Князев. За ним — подполковники Шашанов и Шаронов. Далее — наши командиры лейтенанты Боев, Усков и Ератов, непосредственно возглавляющие нашу колонну. Не доходя до второго линейного — раздается громкое «раз». Про себя отсчитываем «и два». При этих словах командиры берут под козырек, а мы переходим на парадный шаг. Это у нас на тренировках долго не получалось, но сейчас вышло хорошо.

После прохождения воинских частей мимо трибун прошли демонстранты. Колонна их была на удивление многочисленной и красочно оформленной. Портретов Сталина не было ни одного.

Далее началось «мероприятие» — праздник песни. Для того, чтобы спеть две или три песни, колонны военных и гражданских долго перемещались по пыльному полю, пока не слились в единую массу. Не помню, какие песни пел соединенный хор, но при поддержке оркестра они прозвучали неплохо.

Во всяком случае, генерал Петленко отметил это в своем выступлении. Не мог он не выступить с пламенной речью по такому поводу. Образность и неповторимость его выступлений меня всегда поражали. Некоторые его пассажи я не поленился записать в свою записную книжечку.

— Товарищи офицеры! Дорогие наши боевые подруги! Сегодняшний праздник Первого мая наша страна и все прогрессивное человечество встречают в сложной военно-политической обстановке. Империалисты Соединенных Штатов и их европейские пособники продолжают нагнетать холодную войну.

Вчера председатель Совета Министров Булганин и Первый секретарь Центрального комитета нашей партии Хрущев приехали из командировки в Англию. И знаете, что они сказали? Они сказали, что народы мира не хотят войны...

Мы не хотим войны, мы хотим мира, с одной стороны, но с другой стороны, мы готовы отразить любую агрессию, направленную против нашей страны и наших союзников по Варшавскому содружеству. У нас есть все необходимое для этого. Партия и правительство неустанно заботятся об усилении обороноспособности нашей страны, об оснащении Советской Армии и ее Военно-Воздушных Сил новейшим грозным оружием. Мы должны быть готовы к любому развитию событий. В любой части мира. Думаю, китайские дети нас простят.

Вчера в нашем гарнизоне была открыта столовая. Открытие новой столовой — это новая, пусть небольшая, победа дела мира во всем мире. Некоторые мещанские элементы не пришли на наше торжество, но мы переварим их в своей массе...

А теперь можете распоряжаться своим свободным временем как хотите: можете петь, танцевать и что хотите делать.

Да здравствует наша родная Коммунистическая партия и наше родное правительство! Ура, товарищи!

Генерал Чернорез стоял рядом и с отсутствующим выражением лица смотрел куда-то в сторону. Полковники сдержанно улыбались. Все они давно привыкли к словесным витийствам простодушного и энергичного генерала.

Их, видимо, не смутило даже упоминание в речи китайских детей, которые для всех нас долго оставались загадкой. По этому поводу выдвигались самые невероятные предположения. Почему именно китайские дети должны нас простить, а не, к примеру, — американские. Как мы потом догадались, в речи прозвучала угроза не только нашим врагам-империалистам, но в сознании генерала она уже распространялась и на Китай, с которым мы еще окончательно не рассорились, но дружеские отношения к которому заметно охладели. В эти дни «Жеминьжибао» было напечатано:

Некоторые считают, что Сталин И. В. целиком и полностью неправ. Это серьезное заблуждение. Сталин И. В. является выдающимся марксистом-ленинцем, но вместе с тем допустившим серьезные ошибки и не осознавшим их марксистом-ленинцем... Хорошее руководство состоит не в том, чтобы не допускать ошибок, а в серьезном подходе к

ошибкам. Не было в мире таких людей, которые бы не ошибались.

Генерал Петленко уже тогда предвидел, что отношения СССР с Китаем настолько испортятся, что через 10 лет в газетах будут печатать фотографии гробов наших пограничников, погибших на острове Доманском. Думаю, такие гробы были и на китайской стороне. Вот почему генерал-экстрасенс заранее просил прощения у китайских детей.

В виде исключения нам был разрешен выход из гарнизона, но с условием, чтобы мы не ехали в Керчь. Несколько человек, в том числе Камплеев и я, собрались в поселке, где приехавшие к нашим ребятам жены накрыли домашний праздничный стол. К Вите Караванскому приехала жена Люся, которой даже удалось побывать на Первомайском параде. К Юре Савельеву приехала его любимая девушка Лина.

Люся Караванская приехала навестить мужа. 1956 г.

Первым решился в гарнизон вызвать жену Володя Гусев. Когда он написал Чернорезу рапорт с просьбой разрешить его жене приехать к нему на побывку, мы его дружно обсмеяли. Но, как это ни странно, разрешение он получил. Вслед за ним аналогичные рапорты подали Гриша Ковбасюк и Витя Крыжко. И их просьбы были удовлетворены. Прибывшие в Багерово жены заметно оживили наше общество и стали центром милых семейных застолий. Жены отчаянно скучали в заброшенном поселке и охотно принимали визиты друзей своих мужей. С ними мы с удовольствием обсуждали не только то, «как нам плохо», но и новости литературы, кино и даже живописи. Всего этого нам явно не хватало, поэтому никто не упускал возможности сходить в

гости к «женатикам». Ковбасюк был женат на студентке нашего электрофака, что делало его почти харьковчанином. Жена Гусева Тамара была бойкой и интересной собеседницей и охотно говорила на любые темы. А вот жена Вити Крыжко — Дуся — явно тяготилась «умными» разговорами и все подбивала пойти на танцы. В конце концов, недовольный муж уступил ее просьбам и отпустил чуть захмелевшую супругу в Дом офицеров.

Жены Крыжко и Гусева тоже навестили своих мужей. 1956 г.

К сожалению, мы пришли к концу вечера и успели станцевать только пару танцев. Дусе явно не хотелось идти домой, и она предложила погулять по парковой зоне. Светила полная луна, воздух был наполнен весенними ароматами и стрекотанием цикад.

* * *

На первом послепраздничном сборе полковник Князев с удовольствием подвел итоги:

— Наша с вами учеба подходит к концу. Недавно кто-то упрекал меня в том, что я необъективен к тому или иному классному отделению. Для меня важны успехи не отдельных подразделений, а достижения всех сборов в целом. А они неплохие. Достаточно успешно проходит учеба по основным специальностям. Чувствуются знания и уверенность в практической работе. Думаю, и экзамены пройдут успешно.

Хорошие успехи в стрельбе, что нас, ваших преподавателей, даже удивило. Первое место наша часть заняла в спорте, что

свидетельствует о хорошей физической подготовке. А это в армии очень даже необходимо. Командование гарнизона отметило ваше четкое прохождение на воинском параде. Самодеятельный оркестр произвел большое впечатление на жителей городка и постоянный состав гарнизона.

Значительно меньше стало нарушений дисциплины и комендантского режима. Так что, товарищи офицеры, не допускайте, чтобы на нас сыпались мелкие шишки, если миновали крупные.

Полковник Князев не случайно упомянул в наших достижениях оркестр. Мы уже неоднократно устраивали концерты на открытых площадках, в Доме офицеров. За это время уровень исполнительского мастерства заметно повысился.

В оркестре я играл на контрабасе попеременно с Витей Крыжко. Будучи натурой флегматичной и молчаливой, он резко менялся, когда брал в руки инструмент. Видимо, в глубине души он любил музыку, которая его явно преображала. Глаза зажигались, а на суровом лице появлялась улыбка.

Витя Крыжко. 1956 г.

Сначала мы играли только всем известные мелодии: песни советских композиторов, старинные вальсы, забытые романсы. Потом разучили несколько модных зарубежных мелодий, в основном, из кинофильмов. Получалось довольно неплохо. Инструментальный ансамбль пополнился солистами, а потом — и небольшим хором. Незамысловатый конферанс вели Женя Кузнецов и Володя Кушнир.

Репетиции проводились почти каждый вечер. В самодеятельности репетиции даже более интересны и желанны, чем официальные

выступления. Здесь можно было исполнять все, что хочешь, импровизировать на грани дозволенного. Не надо забывать, что несмотря на разоблачение культа личности Сталина, идеологическую цензуру никто отменять не спешил. Особенно это чувствовали оба ведущие, которые весь свой словесный репертуар должны были предъявлять на проверку Шаронову.

Однажды к нам в Дом офицеров зашел генерал Петленко в сопровождении полковника Князева. Они уселись в зале и внимательно слушали нашу генеральную репетицию. Ее даже записывали на магнитофонную ленту, что для тех времен было еще редкостью.

Конечно, ни буги-вуги, ни «Панаму» мы при высоком начальстве не исполняли, а ограничились советскими мелодиями. Из иностранщины позволили себе только «Французский вальс» с мелодией приятной генеральскому уху.

Полковнику Князеву выступление понравилось. Из инструментов его больше всего заинтересовал контрабас. Он даже спросил, давно ли я на нем играю и где учился играть. Пришлось его разочаровать полным отсутствием какой-либо школы, кроме «инструментального ансамбля воинской части Князева», как представляли нас ведущие. Полковник сдержанно улыбнулся. А Петленко незамедлительно предложил нам петь «Варшавянку» вместе с объединенным хором гарнизона — «как в Большом театре».

Оказывается, командиры приходили не просто так. Князев сообщил, что наш самодеятельный коллектив пригласили дать концерт в поселке Камыш-Бурун. Нам выделили две бортовых машины, в которых разместились участники с инструментами и наши болельщики. Впереди на открытом газике ехали полковник Князев, подполковник Фомин и наш «секретчик» старший лейтенант Цикарев.

Через час езды кавалькада машин с песнями проскочила Камыш-Бурун с дымными трубами металлургического комбината и по ржавым лужам прибрежных вод подъехала к подъему на крутой берег. Потянулись полуразрушенные и недостроенные домики, свалки и чахлые огородики, какие-то длинные темные сараи. Подъехали к клубу артели «имени Героев-черноморцев», в котором нам предстояло дать концерт. Торжественной встречи не было, хотя на дверях клуба, игнорируя все требования конспирации, было написано: «Сегодня в

клубе состоится концерт воинской части из Багерово. Начало в 19.00. Вход бесплатный».

Поездка в Камыш-Бурун. 1956 г.

Любопытные мальчишки провели нас в довольно просторное помещение с цементным полом. Три-четыре десятка длинных скамеек и невысокое возвышение сцены, над которым по-прежнему висит портрет генералиссимуса — вот и все, что было в клубе. Подошел председатель артели, плотный загорелый мужик, и заведующая клубом, худенькая бледная девица, которые заверили нас, что зрители будут.

Мы рассыпались по поселку, пытаюсь найти магазин. У его дверей стоял пьяный лейтенант в расстегнутой куртке, без галстука и головного убора. Он удивленно раскинул руки и пытался произнести какие-то приветственные слова. Потом показал рукой на торчащую неподалеку антенну радиолокатора, что, видимо, должно было означать место его службы, безнадежно махнул рукой и заковылял нетвердой походкой в противоположную сторону. По всему чувствовалось, что он в поселке свой человек, начальников, если они и есть, не боится и требованиями дисциплинарного и внутреннего уставов не отягощен.

— А что, ребята, не встреча ли это с нашим ближайшим будущим? — с иронией заметил Вовка Кушнир. — Хорошо еще, если где-то там внизу будет плескаться море, можно будет охладиться.

Зрителей, как нам и обещали, набралось полный зал. Все скамейки были заняты. Тем, кому не хватило мест толпой стояли в пустующей части клуба.

Выступления встречали и провожали аплодисментами. Хорошо реагировали на музыкальные номера и песни. Хуже — на конференс, где на шуточку о видеотелефонах, которые «просьба не целовать»,

хихикнули из уважения. А в общем — и зрители, и артисты остались довольны.

После концерта председатель колхоза выставил нам два бидона молока, ведро яиц и несколько караваев. Вот только кружек было маловато. Пока мы пили молоко, в клубе начались танцы. И у нас шевельнулось подозрение, что полный зал был не из-за концерта, а — из-за танцев.

Сомнения рассеялись, когда через несколько дней, нас пригласили дать концерт в городе Керчи. Концерт был посвящен Дню Победы и проходил на открытой эстраде в одном из приморских парков. На этот раз в объявлении значилось, что концерт дает Дом офицеров летчиков.

Открытая эстрада была заполнена полностью. В первых рядах угадывались лица знакомых девушек. За эти месяцы некоторые из нас успели завладеть сердцами хорошеньких девушек города, за что иногда конфликтовали с местными офицерами.

В Керчи выступления принимали заметно лучше, реагировали искренне и темпераментнее. Здесь позволили себе исполнить весь репертуар: «Мексиканское болеро», «Ковбойскую», «Над крышами Парижа», «Карело-финскую польку» и многое другое. Все номера встречали аплодисментами а некоторые — требовали повторить «на бис». Хорошо принимали и хор, но художественной декламацией явно тяготились.

Успех концерта отмечали в ресторане «Пантикапей». Пользуясь тем, что на этот раз Князева с нами не было, машины в Багерово поехали полупустыми. Мы же решили ночь провести в гостинице. Пригласили в ресторан и девочек, охотно составивших нам компанию. Пили вино, ели приморские деликатесы и очень много танцевали.

* * *

Проснулся я с рассветом и поспешил на автобус, так как по расписанию сегодня должна была проводиться работа на аэродроме. Под дождем добрался на объект 03 и стал ждать пока хоть немного распогодится. Ранний подъем и вчерашнее застолье клонили ко сну. Не привлекая лишнего внимания, я взял пару халатов и нырнул с ними

под брезентовый чехол изделия. Постелил их на раму тележки и лег подремать.

Когда изделие расчехлили, раздался дружный взрыв смеха: не часто увидишь человека, спящего под атомной бомбой! Конечно, в этом поступке проявилось ребячество, но ничего, нарушающего дисциплину замечено не было.

Дождь прекратился, и бригада из 8 человек, строго следуя командам инструкции, вывезла «тройку» из зала на асфальтовую дорожку. Самолет Ту-16 уже стоял над ямой в двухстах метрах от здания. Подвеска изделия под этот бомбардировщик мало чем отличалась от уже описанной ранее. Разве что бомболюк был повместительнее и мог принять не одно, а два изделия.

Несколько в стороне стояли два, недавно прилетевшие на полигон, стратегических бомбардировщика М-4. По сравнению с ними наш Ту-16 выглядел малышом, но был более красивым, чем длиннокрылые М-4, похожие на летучих мышей, распластавшихся на земле. На самой дальней стоянке возвышался стратегический бомбардировщик Ту-95. В программу нашей подготовки работа с этим новейшим самолетом не входила.

Подполковник Фомин в работу бригады не вмешивался, и, чтобы подчеркнуть значение руководителя бригады, с улыбкой спрашивал:

— Разрешите выйти покурить?

Но за всеми командами и операциями он наблюдал внимательно, замечал малейшие промахи. Особенно зорко следил, чтобы после доклада об окончании работы, в изделии не осталось ни одного красного предохранительного флажка. Все об этом его пристрастии знали и флажки сдавали по счету.

Теперь об этом пишут...

Испытание первых советских атомных бомб

19 июня 1947 года ответственные работники более чем шестидесяти наркоматов и ведомств советской промышленности смогли, наконец, вздохнуть свободно. Важнейшее задание партии и правительства было выполнено

— тяжелый бомбардировщик Ту-4 вышел на испытания. В успехе сомнений не было. На заводе № 22 в Казани даже опытных образцов делать не стали, а заложили сразу главную серию из двадцати машин. И все же для огромного комплекса из 900 предприятий, возглавляемых ОКБ № 156 А. Н. Туполева, настоящая работа лишь начиналась, а ее конечный результат был вопросом жизни и смерти в этом послевоенном мире. Не зря ведь куратором назначили всесильного Берия.

Совершенствование самолета заключалось в повышении его боевой эффективности. Прежде всего, надо было обеспечить применение ядерного оружия.

20 августа 1945 года ГКО СССР издал постановление, образовав специальный комитет, который возглавил Л. П. Берия. Научной частью руководил И. В. Курчатов. Практической стороной дела занялось Первое Главное Управление при Совнаркоме СССР, а в 1946 г. начало работать ОКБ-11, проектирующие саму бомбу. Его руководителем стал Ю. Б. Харитон, а конструкторский отдел возглавил В. А. Турбинер.

Первая советская атомная бомба РДС-1 была взорвана на башне, но была в принципе пригодной для сброса с самолета. Параллельно с проектированием бомбы ОКБ Туполева провело доработку трех самолетов Ту-4 для испытания нового оружия. Они получили индекс Ту-4А.

Следующий «башенный» взрыв был произведен 24 сентября 1951 года. Предположительно это был заряд РДС-2. И, наконец, 18 октября в 13:00 по московскому времени экипаж Ту-4 под командованием полковника К. Уржунцева сбросил на полигоне в районе Семипалатинска бомбу РДС-3 мощностью около 30 килотонн. Но и она не могла еще стать полноценным серийным образцом.

Первой серийной ядерной боевой частью стал унифицированный 30-килотонный заряд РДС-4, предназначенный для ракет и свободнопадающих бомб. Его вариант РДС-4Т стал основой для бомбы «Татьяна». Внешне она была похожа на обычную «фугаску». Ее корпус стал

меньше по сравнению с РДС-1 более, чем в 4 раза, и «стройнее», она «похудела» с 5000 до 1200 кг.

В 1953 году было утверждено постановление о принятии «Татьяны» на вооружение и запуске ее в производство с темпом выпуска 20 штук в год.

И все же военные относились к новому оружию с недоверием, а постоянный, хотя и оправданный, контроль со стороны органов госбезопасности раздражал. Тогда было решено устроить «натурный эксперимент». Место для него было выбрано в Оренбургской области, у станции Тоцкое. Весной 1954 года там был сооружен полигон, главным объектом которого стала точная копия опорного пункта батальона армии США. Планировалось сбросить на него бомбу, затем подвергнуть штурмовому налету и в конце атаковать силами мотопехотного полка.

Вскоре начались тренировки. Баллистический макет «Татьяны» сбрасывали с Ту-16. Результаты были неудовлетворительными — промахи доходили до 700 метров. Тогда решили использовать Ту-4, дававший более высокую точность бомбометания. Дело доверили летчику первого класса В. Я. Кутыричеву. Боевое задание ставил генерал-лейтенант Судец. И вот, 14 сентября 1954 года Ту-4А с бомбой на борту пошел на взлет.

Самолет вышел на эшелон 8000 метров — минимальную высоту, на которой ТУ-4 мог убежать от взрывной волны, и лег на боевой курс. В 9:33 штурман-оператор Кирюшкин нажал на кнопку «сброс». «Татьяна» взорвалась на высоте 350 метров. Отклонение от точки прицеливания составило 280 метров. Зловещий гриб еще тянулся вверх, а в атаку уже устремились истребители МиГ-15, поднялась из окопов пехота.

Солдаты увидели жуткую картину — пепел, смерть и разрушение. Они еще не знали тогда, что пройдя этот последний круг ада, обречены навсегда болеть странными недугами, причину которых долго скрывали. Не стали исключением и летчики. Такова была цена ядерного равновесия...

<http://airwar.ru/bomber>

Приказ о запрете выезда в выходные дни в Керчь то ли отменили, то ли о нем забыли, но мы снова получили возможность бывать в городе. Это было последнее посещение Керчи. Пообедав в ресторане, мы на этот раз решили покататься на лодке. Вода была холодная, но я и Славик Магда все же решились окунуться в пахнущие водорослями волны. Костя Камплеев сидел на веслах и по обыкновению острословил. Но нас, участников многих соревнований по плаванию, холод не страшил. Несколько энергичных гребков, несколько ныряний, и сразу стало теплее. Правда, в лодке на свежем ветерке холод снова дал о себе знать. Пришлось быстро грести к берегу и потом еще отогреться коньяком.

На прощание поднялись на гору Митридат, откуда открывается прекрасный вид на город и бухту. Осмотрели памятник защитникам Керчи от немецких оккупантов. Он сооружен в виде высокого обелиска, окруженного с трех сторон боевыми орудиями.

На горе Митридат в Керчи. 1956 г.

За эти месяцы Керчь стала нам родной и близкой, несмотря на чехарду запретов и разрешений на посещение города. Логика гарнизонного командования так и осталась для нас навсегда недоступной. Просматривая фотографии, сделанные в то время, я отмечаю их сюжетную однотипность: вот группа сидит на скамейке у казармы, вот она — в Керчи у Царского кургана, вот — на выездном концерте самодеятельности. Очень мало портретных съемок, почти нет бытовых фотографий. Я, конечно, не говорю о том, что совершенно отсутствуют рабочие фото. Их не могло быть, так как в производственную зону с фотоаппаратом категорически запрещалось

заходить. Вообще, любое фотографирование, даже в жилой зоне не приветствовалось. Совсем нет фотографий наших командиров.

Так как я был фотографом с приличным стажем, мне захотелось сделать на память о нашей службе фотомонтаж из портретов харьковских радистов. Нечто похожее на выпускную фотографию. С немалыми трудностями удалось уговорить всех сфотографироваться в одинаковых позах. Из овальных портретов получилась групповая композиция, в центре которой я поместил голубя мира Пабло Пикассо. Вместо традиционных фамилий под фотографиями приведены ответы каждого на вопрос: что он думает о войне? Спустя многие годы любопытно читать эти не совсем серьезные ответы на довольно серьезную тему. В ответах, как в капле воды, отразились характер, темперамент и жизненный опыт каждого. Привожу их без особых комментариев, они и сами хорошо говорят об их авторах:

Бахарев: «Хватит с меня и одной...»

Камплеев: «Будущая война — война ученых, война инженеров, следовательно, нам там делать нечего».

Кобыляцкий: «Тогда я всех схавую и стану майором».

Кузнецов: «Мне бы службу в Тростянце — разведу я себе козочек, свинство».

Савельев: «Боюсь, что война будет не такой, как мы о ней мечтаем».

Крыжко: «Придется все-таки доказать, что не даром получал когда-то 1101 рубль».

Вишневский: «Мир — это хорошо, но скучно, война — это плохо, но веселей».

Магда: «Война — это то слово, которое говорит само за себя».

Караванский: «Лучше инженер, чем офицер, но если будет война, то: „смерть капитализму!“».

Рожков: «Война? Нет, это не для меня».

Коваленко: «Армия сменила диплом на погоны, а война сменит голову на череп».

Фотомонтаж на память о совместном обучении атомным премудростям. 1956 г.

Следует отметить два обстоятельства. Первое: люди, которым в руки вручалось самое смертоносное оружие, смотрели на войну, в основном, пессимистически, если не сказать — негативно. Второе: армейская служба, в нашем понимании, явно проигрывала в сравнении с гражданской инженерной работой.

Интересно, что такой же безрадостный взгляд на службу в армии был не только у нас, южан. По доходившим к нам сведениям, у «северян», как мы называли тех, кто остался служить в России, тоже наблюдалось недовольство и брожение.

Об этом рассказал Магда, который на несколько дней ездил по семейным обстоятельствам в Харьков. Он сообщил, что в Москве демобилизовались Глеб Лысов и Коля Васильев. Уходили из армии разными путями, с трудом преодолевая сопротивление военных чиновников.

Гриша Коваленко. 1956 г.

Васильев, например, прекратил получать денежное довольствие, скрывался от финансовых работников, не ходил на занятия. Потом стал посещать госпитали, где жаловался на здоровье, проходил разные комиссии. Комиссовался он как «жертва женевских переговоров» — ЖЖП. Так называли офицеров, которые попали под сокращение в 640 тысяч военнослужащих. В результате был признан негодным к службе, получил кучу денег и уехал в Таганрог. Сейчас работает в университете ассистентом на кафедре радиотехники.

Лысов сразу пошел по медицинской линии освобождения от армии, комиссовался и стал получать пенсию.

Необычный путь демобилизации избрал Адонин. Он стал сознательно нарушать дисциплину: дебоширил и пьянствовал. В драке запустил табуреткой в комендантский патруль, в результате чего получил 15 суток гауптвахты. Офицерский суд чести вынес решение уволить Адонина из армии. Но радость его была преждевременной: решение суда пересмотрели, и он был понижен в должности. В звании дальше понижать было некуда.

Хитростью пытался избавиться от службы Коля Скусинец. Когда ему исполнилось 30 лет, он подал рапорт об увольнении, мотивируя его тем, что по положению младших лейтенантов старше 30 лет демобилизовывают. Но в ответ на этот ход начальство сделало свой — нашло другое положение, в котором говорилось, что специалисты просто так из армии не увольняются.

Надо отметить, что северная группа наших сокурсников служила в войсках Советской Армии, где армейские законы все же

соблюдались. Мы же были прикомандированы к Министерству среднего машиностроения, где были свои положения, традиции и режим. И хотя мы формально числились в армии, но подчинялись совсем другим законам. Во всяком случае, рапорты Кордовского и Кихно остались без ответов.

Негативное отношение бывших студентов к службе, неумение армейского начальства сделать ее привлекательной приводят к выводу, что идея маршала Жукова «вливать в армию молодую кровь» была недостаточно продуктивной. В конечном счете почти половина призванных на военную службу молодых инженеров демобилизовалась.

Утром на объекте 03 полковник Князев провел служебное совещание всех 12-ти бригадиров. Бригадиром были назначены слушатели, успешно освоившие технику и имеющие какой-никакой командный голос. Роль бригадира оставалась постоянной, но иногда он мог привлекаться для исполнения какой-либо работы в составе другой бригады. От того, как бригадир справлялся с работой, во многом зависел успех бригады и оценки ее участников. Одним из бригадиров еще по первому циклу учебы числился я.

— Товарищи офицеры! — сказал Князев. — Итоги первых комплексных работ с изделиями показали, что они проводятся значительно качественнее, чем в первом цикле. Вы стали работать как настоящие военные инженеры. Если раньше нам трудно было анализировать отдельные ошибки, так как их было достаточно много, то теперь речь идет только о некоторых упущениях, которые можно и необходимо устранить.

Пришло время более точно планировать время проведения работ. Вы уже созрели для этого. Мало качественно и четко выполнить работу, ее надо сделать в точно установленный срок. Сосредоточьте свое внимание на хронометраже отдельных операций и всей работы в целом.

Надеюсь, что на экзаменах вы покажете, чему и как научились за время учебы. Третьего цикла не будет.

Внеочередное присвоение званий большей части слушателей и некоторым преподавателям заметно отразилось на отношении к нам и нашим занятиям Князева. Он стал реже делать замечания, чаще

вступал во внеслужебные разговоры и даже позволял себе рассказывать о своей прошлой службе.

На репетиции перед парадом был зачитан его первомайский приказ. В нем он отмечал достигнутые успехи, поздравлял с праздником и желал нам не только успешной работы в войсках, но даже — личного счастья. Это звучало необычно в официальном приказе и свидетельствовало, что автор его не лишен простых человеческих чувств.

А когда он в кратком слове сказал, что скоро придется расстаться, что ему жаль с нами расставаться, но интересы дела, из-за которого мы здесь — превыше всего, — совсем нас растрогал. Его «ура», выкрикнутое надтреснутым голосом, было подхвачено строем и прозвучало дружно и искренне.

Он все же был неплохим человеком, которому перед отставкой поручили командовать таким непростым подразделением. Князев понимал наши чувства и желания, как мог считался с ними, по мере возможности пытался ограждать от глупых армейских порядков и строго требовал одного — добросовестной учебы. После нашего первого выпуска, он командовал еще несколькими курсами и настолько прижился на полигоне, что закончил здесь свои дни. Говорят, могила его стоит заброшенной на местном кладбище.

21 мая приехали из Москвы представители Главка — члены экзаменационной комиссии. Председателем экзаменационной комиссии был назначен подполковник Чудин. В комиссию входили также полковник Князев, подполковники Шашанов и Шаронов. На экзаменах присутствовали все преподаватели.

Старшие бригад тянули жребий — какую работу выполнять на экзамене. Мне выпала работа по комплексной проверке «тройки» на стендах, рассчитанная на 5 часов. Хотя эта работа занимает больше времени, чем другие, но она более спокойная и размеренная.

В работе участвовало 8 человек. Старались точно следовать инструкциям, быть предельно внимательными и осторожными. Экзамены проводились сразу на двух изделиях — «тройке» и «четверке», располагающихся в разных концах зала. Обе работы были закончены в срок без замечаний и получили отличную оценку. В последующие дни я также на отлично сдал два экзамена по материальной части.

На этот раз полковника Капустина не было. Недавно на испытаниях новых образцов изделия у него случилось ЧП. При сбрасывании очередного изделия с самолета, дала сбой регистрирующая аппаратура. То ли ее не вовремя включили, то ли она вышла из строя, но запись параметров изделия во время полета и подрыва была сорвана. По сути дела, изделие было сброшено зря.

Такая серьезная неудача не могла пройти безнаказанной. Говорили даже, что полковника разжаловали. Но все это оказалось домыслами. Недавно его бригада снова привезла на испытания несколько изделий. Их сгрузили на нашем объекте, а потом успешно испытали. Полковник Капустин был так же весел и обаятелен, как прежде.

Он уже давно присматривался к нашему аккордеонисту Филенко, обещал взять его к себе в бригаду. Такой музыкант не был бы лишним в коллективе, разъезжающем по командировкам. Ему удалось выхлопотать будущее назначение для нашего маэстро. Во всяком случае, так нам сказал по секрету сам музыкант.

26 мая в штабе гарнизона генерал Чернорез собрал служебное совещание, посвященное окончанию учебы и подведению итогов экзаменов.

Генерал высоко оценил наши успехи в овладении специальностью, поздравил командование, преподавателей и всех курсантов и пожелал успешной боевой работы.

Неожиданно для всех он здесь же вручил грамоты за участие в самодеятельности. Получил и я из рук Чернореза грамоту с таким текстом:

Командование войсковой части 93851 награждает настоящей грамотой тов. Вишневого Валентина Иосифовича за активное участие в художественной самодеятельности и хорошее исполнительское мастерство.

*Командир войсковой части 93851 генерал-майор
ИТС Чернорез*

22 мая 1956 г.

Участие в художественной самодеятельности не осталось незамеченным и было отмечено грамотами начальника гарнизона. 1956 г.

Это моя единственная военная награда, так как дальнейшая моя служба вызывала у командования совсем другие эмоции.

В тот же день мы покинули Багерово и разъехались по своим городам. Покидали Багерово, хотя и охотно, но с малой долей грусти, как покидают опостылые, но привычные места. Предписано было через неделю всем быть в Москве, где нам дадут назначения на дальнейшее прохождение службы.

Глава VI

Арсенал

...Я очень рад, что тайна бомбы не осталась тайной. Все мы теперь поняли, а некоторые из нас поняли это и раньше, что произошло и каковы должны быть изменения в политических курсах и в жизни людей.

Р. Оппенгеймер, создатель американской атомной бомбы

Мы реализовали американскую схему при первом испытании не столько из технических, сколько из политических соображений

Харитон Ю. Б., академик, главный конструктор советской атомной бомбы.

- *Степной аэродром в Крыму • Гарнизонная гауптвахта г. Москвы*
 - *Назначение в «Новгород» к Филиппову • Работа в сборочной бригаде • Работа на «перевалке» • Разбор дела о пьяном дебоше*
 - *Рапорт об увольнении из армии • Что же мы украли у*

***американцев? • Госпиталь в Рязани • Баллистические ракеты
• Приезд Егорова • Приказ о демобилизации***

Направление по месту службы я получил в Управлении 4 июня. В отделе кадров мне выдали предписание отбыть по адресу: Крым, Красногвардейский район, в/ч 93459. На словах было уточнено, что еду я из Джанкоя в район поселка Гвардейского, где в поселке Веселое располагается аэродром. Там мне надлежит представиться командиру части подполковнику Товмачу.

То, что меня направляют служить в Крым, а не на Север, обрадовало. Но когда я посмотрел на карту и увидел, что Гвардейское находится в самом центре степного Крыма, это меня несколько смутило. До ближайшего берега Черного моря было не меньше 50 километров. Но все же Крым — это не Новая Земля, утешил я себя, и поспешил в Харьков. До прибытия в часть оставалось несколько дней, которые я решил провести в родном городе. Четыре дня в Харькове быстро пролетели, и вот я уже со своим огромным чемоданом отправляюсь на место службы.

Бомбардировщик Ту-16 с крылатыми снарядами готов к полету.

13 июня в Джанкое сажусь на старенький автобус, около часа трясусь в жаре по проселочной дороге и выхожу около запорошенных степной пылью глинобитных домиков. Все это не могло не сказаться на моем настроении, которое еще более упало, когда я подошел к КПП аэродрома. В пыльном мареве на горизонте переливались в тепловых волнах силуэты самолетов.

Командира части не было, и дежурный предложил мне оставить вещи и сходить в столовую покушать. В столовой за небольшими столиками сидели офицеры, солдаты и несколько гражданских. Пахло кислыми щами и переваренными макаронами. Уже не помню, что я

там ел, но столовская еда никаких положительных впечатлений не произвела.

Подполковник Товмач, невысокого роста офицер в выцветшей форме, встретил меня без интереса. Я доложил о прибытии из отдела кадров Управления и отдал ему свое предписание.

— Это хорошо, что Управление прислало вас, лейтенант, к нам в действующие войска. Скажу сразу — вы такой не один. В настоящее время у меня нет свободных инженерских должностей, так что первое время придется поработать техником. Наберетесь опыта, освоите работу, а там, смотришь, Управление и штаты подбросит. Сейчас идите устраивайтесь в общежитие, отдыхайте с дороги. А завтра произведем оформление и поставим вас на работу.

В общежитии дежурный долго решал с комендантшей, куда меня определить. Свободных коек не оказалось, и они предложили переночевать мне на кровати одного из офицеров, который в эту ночь дежурил.

Я оставил свои вещи в камере хранения, умылся и пошел побродить по городку. Не радовала ни наступающая вечерняя прохлада, ни лиловый закат, ни непрерывное стрекотание степных кузнечиков. Передо мной во весь рост встала неприглядная перспектива службы в этом пыльном захолустье.

Я ходил по широким улицам поселка, прислушивался к дальнему гулу самолетов, смотрел в тусклые окна домов и лихорадочно перебирал варианты бегства. Если я завтра отдам на оформление свои документы и меня включат в списочный состав части — уйти отсюда уже будет невозможно. Только сегодня и завтра утром я — еще ничейный.

Сперва возникла мысль написать рапорт командиру о моем откомандировании в Управление, но я ее сразу же отбросил. Какой начальник добровольно согласится отпустить своего подчиненного в Москву?

Ночь на чужой койке я провел без сна. Было решено, что с рассветом попутным транспортом еду в Джанкой и оттуда — в Москву. Чтобы не встречаться с командиром и запутать следы, оставил в почтовом ящике письмо такого содержания:

Товарищ подполковник, ставлю вас в известность, что я полетел в Москву в Управление подавать рапорт о демобилизации меня из Советской Армии. Также выясню ошибку, в результате которой я к Вам попал.

С уважением,

инженер-лейтенант Вишневский,

14 июня 1956 г.

Такой решительный и неординарный поступок мог сделать только человек, который в армии еще новичок, не испытывает страха перед возможными последствиями и обладает авантюрным складом характера. Я, конечно, понимал последствия своих действий, но они казались мне меньшим злом, чем служба в армии. Так впервые в моих действиях и в моих документах появилось понятие «демобилизация». До этого я еще на что-то надеялся.

Между прочим, как-то уже после распада Советского Союза по телевидению показывали какие-то подземелья военного назначения, рассказывали, что в поселке Веселом, которого нет ни на одной карте, в таких подземельях хранился «стратегический запас ядерного оружия Черноморского Флота СССР». Там до сих пор вроде бы сохранился бункер Берии, одна дверь которого стоила миллионы рублей. Сейчас в этих подземельях хранится вино.

В поезде я ехал с беспокойством. Все ожидал, что вот-вот явится военный патруль и снимет меня по дороге. Но все обошлось. Может, потому, что искали меня в самолете.

Сразу же по приезде в Москву позвонил в отдел кадров Управления. Не успел как следует доложить о своем прибытии, как из трубки последовала отборнейшая ругань. После того, как Грачев излил всю свою злость и продемонстрировал прекрасную ненормативную лексику, он, как мне показалось, спокойнее сказал:

— Приходи в понедельник утром. Пропуск уже ждет тебя...

Я тоже почувствовал некоторое облегчение и выходные дни провел в компании моего друга Бориса Бабака в Тучково на Москве-реке.

Как только в понедельник я в окошко сказал свою фамилию, мне сразу же выдали пропуск в Управление. Захожу в уже знакомую комнату 412 и докладываю полковнику Грачеву:

— Товарищ полковник, я прибыл от Товмача. Служить я там не могу.

— Ты, лейтенант, соображаешь, что говоришь?! Садись и пиши объяснительную записку.

— Какую объяснительную записку? Что объяснять?

— О том, как ты сбежал из части. Пиши. Это тебе не завод, судить будем...

— Я не сбежал.

— Сбежал и оставил издевательское письмо. Мол, спасибо товарищ подполковник, что вы меня хорошо принимали, что мы приятно побеседовали. Но вы мне не нужны и служить у вас я не буду. Счастливого оставаться, товарищ подполковник.

— Я таких слов ему не писал и могу процитировать свою записку.

— Садись и пиши на имя полковника Боровкова.

Я присел за маленький столик и написал объяснительную записку, содержание которой у меня уже было готово.

Объяснительная записка.

Я, Вишневский Валентин Иосифович, окончил радиотехнический факультет Харьковского политехнического института им. В. И. Ленина в 1955 году и получил назначение в Министерство Обороны СССР. Здесь мне присвоили офицерское звание и послали на переподготовку. После переподготовки я был направлен в в/ч 93459.

13 июня я прибыл в часть. Из беседы с подполковником Товмачем выяснилось, что я буду работать не инженером, а техником.

Для того, чтобы выяснить ошибку, я 14 июня в 2.45 выехал в Москву в Управление. Так как подполковника Товмача не было в это время в части, то я сообщил ему о своем отъезде в письме из Джанкоя.

15 июня вечером я прибыл в Москву, а утром позвонил в Управление.

Сознавая то, что в данный момент я как инженер в Советской Армии не нужен, считаю, что смогу принести больше пользы, работая на заводе. Учитывая то, что служба в Советской Армии в мирное время является делом добровольным, прошу ходатайствовать о моей демобилизации из Советской Армии.

Инженер-лейтенант Вишневский.

18 июня 1956 г.

Впереди меня ждали новые испытания. 1956 г.

Полковник Грачев бегло прочитал записку и сказал:

— Черт знает, что понаписывал. Пусть будет, если написал. А теперь выйди и жди. С тобой будет говорить полковник Боровков.

Встреча с заместителем начальника Управления ничего хорошего не обещала. От ее исхода зависела во многом моя дальнейшая судьба.

Возле комнаты 503 я просидел около часа. Наконец секретарь полковника Зоя Петровна, участливо наблюдавшая за моим ожиданием, пригласила меня войти. В дверях шепнула:

«Что бы вам не говорили, какие бы обвинения не предъявляли — слушайте молча. Никаких возражений и пререканий. Для вашей же пользы...».

В большом кабинете за огромным письменным столом сидел невысокий человек в гражданском костюме.

— Ну расскажите, как вы дошли до того, чтобы дезертировать из части?..

Повторяю рассказанное в соседнем кабинете. Делаю упор на то, что считал до оформления у Товмача своим начальством отдел кадров, куда и поспешил явиться сразу же по приезде в Москву.

— Это еще неизвестно, где вы были эти последние дни. Из Крыма вы исчезли 14 июня а в Управлении появились только 18 июня. Сейчас я приглашу представителя органов дознания, и они проверят все ваши документы и проездные билеты.

В кабинете немедленно появились какой-то полковник юстиции и подполковник Чудин. Я отдал им свои документы и билеты, и они здесь же начали на просвет определять дату их выдачи.

— Я прочел вашу объяснительную записку, и она оставила самое негативное и тягостное впечатление. Вы совершили не нарушение, а преступление, и теперь в записке занимаетесь демагогией. Слишком легко вам достались офицерские погоны.

И тут я не последовал совету доброй секретарши и сказал:

— Мне они достались потому, что я закончил институт. Не будь я инженером, не был бы офицером.

Лучше бы я промолчал. Боровков быстро вышел из-за стола, прошелся в мою сторону и в гневе закричал:

— Государство платит вам за них деньги, а вы себе такое позволяете! Инженер, инженер... Никакой вы еще не инженер! И вполне может случиться, что и офицером не будете. Товарищ полковник, заберите все документы, проведите дознание, как это делается в армии, и заготовьте за моей подписью приказ министру. Пусть министр решает, что с ним делать. Если тот решит, что можно ограничиться гауптвахтой, то мы пошлем его на «инженерную работу» к Солодовнику. А пока — идите и ждите решения.

Сопровождаемый сочувственным взглядом Зои Петровны, я прошел через комнату секретаря и вышел в коридор. Здесь мне предстояло сидеть почти до самого конца рабочего дня.

Наконец меня приглашает в отдел кадров полковник Грачев:

— Повезло тебе, лейтенант. Министр решил ограничиться пятнадцатью сутками гарнизонной гауптвахты города Москва.

Напряженность, тягостная не только для меня, но и для работников отдела кадров, как-то сразу спала. Пошли воспоминания

присутствующих о гауптвахте, о днях, которые кое-кому из них пришлось на ней проводить. Я воспрял духом и совсем забыл о том, что вопрос о моей демобилизации даже не поднимался. Пока мне выписывали записку об аресте, я настолько осмелел, что заявил Грачеву:

— Вы понимаете, что в Москву я приехал не только для того, чтобы посидеть на гауптвахте. Пока я там буду исправляться, вы уж мне, пожалуйста, подберите хорошее назначение.

— Ну — нахал. Только-только избежал суда, и уже требования предъявляет. Иди и сиди. Можешь не сомневаться — место мы тебе такое подберем, что так просто оттуда не выскочишь!

* * *

На следующий день я уже ехал в так называемые Алешинские казармы, где располагалась гарнизонная гауптвахта. Из-за отсутствия свободных мест дежурный по гауптвахте предложил мне приехать завтра.

20 июня после непродолжительных приемных процедур я поднялся на второй этаж и зашел в длинный коридор офицерского отделения. Двери всех камер были открыты. Мне было предписано сидеть в камере № 24. В ней размещалось восемь человек. Середину комнаты занимал длинный стол с двумя рядами лавок, а вдоль стен — убранные подвесные койки.

О жизни на гауптвахте сложен целый цикл армейского фольклора: розыгрыши новичков, запрещенные игры, внезапные обыски, бесконечные анекдоты и поучительные истории. Все это за 15 дней я испытал и прочувствовал на себе. Так как эта тема разносторонняя и неисчерпаемая, то не буду пытаться раскрыть ее даже в малой степени. Отмечу только некоторые особенности, характерные для московской гарнизонной гауптвахты.

Начальником ее был майор Наумов, стройный и прекрасно обмундированный в полевую форму офицер. Он не ходил, а перемещался — быстро и четко, словно автомат. Его вечно недовольное и напряженное лицо никому ничего хорошего не обещало. И в первую очередь — подчиненным. На арестованных он

просто не обращал внимания. Они для него не существовали. Весь свой административный пыл он направлял на своих помощников — старших лейтенантов с такой же, как у него, отличной выправкой. Почти все они были кавказцами.

Особенно запомнился один из них — старший лейтенант Цатуров по кличке «Джага». Он проводил строевые занятия с офицерами. Эти строевые занятия были самым неприятным событием, сопровождающим отсидку. В самое знойное время суток два часа в день младшие офицеры должны были отрабатывать строевой и парадный шаг, подход-отход от начальника и бесконечные повороты на месте и на ходу.

Безжалостный и неугомонный «Джага» с удовольствием муштровал вялых шоферов, тронутых полнотой строителей и обленившихся артиллеристов. Он ставил перед собой сверхзадачу: отработать требования строевого устава и улучшить офицерскую выправку.

— Разверни плечи, капитан! Смотри за горизонт! Голова должна быть, как автомат на пружинах — туда-сюда! — кричал он на помятого стройбатовца, который, наверное, последний раз занимался строевыми занятиями еще в училище.

Я два дня промаршировал на раскаленном плацу и твердо решил любыми путями избавиться от этого сомнительного удовольствия. Врача посещать не было с чем, и я сосредоточился на слегка отслоившейся подметке правого ботинка. Решительно отодрал ее до критического уровня и при первой же возможности предъявил командиру. Как, мол, я с такой обувью буду заниматься строевой подготовкой, меня сразу же после выхода с гауптвахты задержит первый же патруль.

Цатуров с сожалением посмотрел на ботинок, с презрением — мне в глаза и скомандовал:

— Назначаю тебя, лейтенант, старшим над уборщиками офицерского этажа. Иди и проследи, чтобы все было в полном порядке: пол блестел, окна сверкали, туалеты пахли фиалками.

Солдаты с нижнего этажа, которых использовали на разного рода работах, в это время делали уборку в камерах. Они и без моих указаний знали, что и как делать, и только удивились, узнав, что над

ними возник еще один начальник. Мне оставалось только спокойно наблюдать в окно, как мои сокамерники отрабатывают повороты.

Отлынивание от строевой, как ни странно, не вызвало едких замечаний коллег по отсидке, а пожилой капитан, староста камеры, даже похвалил за находчивость.

Однообразные дни были расцвечены только парой обысков и посещением комиссии комендатуры. Во время обысков пытались найти запрещенные предметы: художественную литературу, карты и, главное, заготовки «медалей» за отсидку на гауптвахте. «Медаль» каждый готовил из пятака для себя персонально. Для этого на цементном полу стиралась «решка» монеты. Далее эта же сторона шлифовалась на деревянном подоконнике и полировалась околышем танкистской фуражки. Потом на сияющую сторону пятака умелец с солдатского этажа наносил надпись «Срок на г.г.г. Москвы отсидел» и дата пребывания в узилище. Необычное сочетание букв «г.г. г» означало «гарнизонная гауптвахта города».

Персонал гауптвахты особенно тщательно искал эти «медали». Их «зловредность» объясняли тем, что, видите ли, при изготовлении портятся и выходят из оборота советские монеты. Если у кого-либо находили «медаль» или ее заготовку, то могли и срок отсидки увеличить. Но эти сувениры прятали надежно. У меня до сих пор хранится такая «медаль», как память о пятнадцати днях — с 20 июня по 5 июля 1956 г., проведенных на гарнизонной гауптвахте города Москва.

* * *

В отделе кадров меня встретили уже как своего, с подначками и расспросами. Но длилось это ровно до тех пор, пока Чудин не сказал:

— Не знаю, образумила вас гауптвахта или нет, но выводы из всего этого вы обязаны сделать. Предписание и прочие документы вам уже заготовлены, в бухгалтерию дано распоряжение на выдачу необходимого денежного довольствия. Получайте все это и убывайте на место службы. Служить будете между Москвой и Ленинградом. Точнее сказать пока не могу. Приедете — узнаете точный почтовый адрес. Ехать надлежит до станции Бологое. Там переседайте на поезд до

станции Валдай. Обратитесь к коменданту станции и скажете, что вы направляетесь к товарищу Филиппову. Он укажет ваш дальнейший маршрут и транспорт следования. Желаю удачи...

Как ни торопило меня начальство в Управлении, но на станции Валдай я был только 12 июля. Начальник станции, ознакомившись с документами, сказал где и когда будет автобус к товарищу Филиппову.

И вот я уже трясусь в маленькой «коробочке» по проселочной дороге. Рассеянно слушаю соседа по сидению, человека в гражданском костюме с академическим значком.

— У нас там хорошо: природа отличная, магазины, кино. Вот увидишь. Правда, после Москвы поскучнее будет, но жить можно. Сейчас идет большое строительство, скоро сдадут новые дома. Можно будет получить квартиру. Ты женат?..

Узнав, что я холостяк, сосед оживился и принялся расхваливать жизнь в общежитии. И без того скверное настроение при мысли о постоянном жилье стало еще хуже. Автобус все больше углублялся в лес. Дорога становилась лучше. Через какое-то время мы уже ехали по гладким бетонным плитам.

— Тут однажды проезжала американская делегация, — продолжал сосед. — Давайте, говорят, свернем по этой дороге, поедem в лес. Им отвечают, что там бездорожье, болота, а они только улыбаются. Видимо, что-то знали, мерзавцы.

Кроме нас в автобусе ехали еще несколько подвыпивших штатских и военных. Один из них, как я узнал позже, бывший моряк, а ныне дизелист электростанции, все допытывался у своего спутника:

— Ну что там говорят про меня?

— Что говорят? Велели тебя привезти. Ты ведь еще вчера в 6 часов должен быть на работе. Теперь получишь вливание, и ставь крест на дальнейшие пропуски за зону.

— Но я же совсем не пьян. Я пройду ровно через проходную. Ох, и будет же мне!..

Автобус поворачивает вправо, и перед глазами появляется городок. Белые домики на фоне зеленой стены леса. Хорошо видна улица, дома. Где-то ниже и справа торчат несколько труб. Много строительных площадок.

Где-то в этих местах находился мой адрес: Новгород. обл., п/я 18.

— А вот и проволока. Видишь? В два ряда, родимая. Вот здесь и живем, — радостно сообщает мой собеседник.

Подъезжаем к КПП. Нам, новичкам, заказывают пропуска. С другой стороны ворот подходит машина с охранниками-дембелями. Они проходят через КПП радостно возбужденные, топают сапогами и выкрикивают что-то бессвязное.

— Домой ребята едут. Демобилизуются, — сказал пожилой капитан.

— Мне бы тоже неплохо было бы демобилизоваться, — вставил я свое слово. — Пытался, но не хотят отпускать.

— А зачем? — удивился сосед. — Хрен ты где-нибудь больше будешь зарабатывать, чем здесь в армии.

Пропуска выписаны, и мы проходим через КПП на территорию жилого городка. Снова садимся в автобус и едем к управлению, как здесь называют здание, где помещается командование объекта. Встречаю знакомых — Бахарев, Келеберденко, Камин. Увидев меня, они расплылись в улыбках и рассмеялись:

— Как же, как же — слыхали мы о твоих подвигах, — заметил Келеберденко. — Говорят, 15 суток отсидел в Москве. Был приказ по Управлению, в котором описывался твой побег из части. Отмечался низкий уровень воинской дисциплины военных специалистов и плохая политико-воспитательная работа с ними их командиров. Между прочим, начальник, от которого ты убежал, получил строгий выговор. На его и твоим примере продемонстрировали все видимые и

невидимые недостатки работы с молодыми офицерами, вновь прибывающими на службу.

— Мы тут даже гордились: это наш кадр, вместе учились! Теперь ты — личность известная по всей системе, — добавил Бахарев.

Виктор Бахарев. 1956 г.

Сидящий на скамеечке полковник, толстенький старичок с маленькими глазками на белесом лице, поняв, что я приехал из центра, спросил:

— Ну как там в Москве? Дожди идут? — и, не дожидаясь ответа, продолжил: — Вы к нам насовсем?

— Да. Прибыл на новое место службы.

— Вот и хорошо. А если — холостяк, то и совсем прекрасно.

Я еще не знал, что только что познакомился с полковником Ныrkовым Григорием Гавриловичем, моим будущим командиром.

Командира в/ч 71373 полковника Филиппова Бориса Николаевича в гарнизоне не было, и я пошел представляться главному инженеру подполковнику Сосновскому Евгению Георгиевичу.

В кабинете меня принял флегматичного вида подполковник в форме войск связи. Полное лицо с правильными чертами ничего, кроме властного спокойствия, не выражало.

Он спросил, какой институт и по какой специальности я заканчивал, где проходил переподготовку. Удивился, когда узнал, что переподготовка по двум специальностям длилась девять месяцев.

— Что вам говорили в Управлении?

— В Управлении Грачев проинформировал меня о том, что в данный момент штатных должностей инженеров нет. В связи с этим

большинство специалистов посылают на должности техников. Говорят, что это — на три-четыре месяца...

— А какой оклад вам обещали?

— 1400 рублей.

— Хорошо, мы подумаем, куда вас определить. Приходите завтра к 9 часам. Я сообщу, где вы будете работать, и познакомлю с вашим начальником. А пока идите в отдел кадров и оформляйтесь.

На следующий день Сосновский познакомил меня с полковником Ныrkовым.

— Вот вам, Григорий Гаврилович, пополнение. Он будет у вас работать постоянно. Инженер, человек с перспективой. По специальности радист, но можете использовать его и по автоматике.

Под диктовку Ныrkова я написал заявление на выдачу пропуска и пошел к начальнику по охране режима полковнику Рошину. Вопреки ожиданиям, он со мной не беседовал, подписки не взял и отправил меня в бухгалтерию.

Там выяснилась неприятная для меня новость: оклад техника — 1200 рублей. Когда я попросил объяснения у Сосновского, он, не моргнув глазом, сказал:

— В Управлении сами не знают, что пишут: денежные фонды перерасходованы, а по штатному расписанию по вашей должности вилка — 1200–1400 рублей.

— Я пойду к начальнику объекта...

— Приказ именно он и подписал, так что идти к нему не стоит. Пишите жалобу Егорову, — с олимпийским спокойствием посоветовал Сосновский.

Но когда я пошел к Филиппову, он деланно удивился и сказал:

— Ничего подобного. Ставка у вас 1400 рублей, я сам сегодня подписал приказ.

Присутствующий при этом Сосновский не проронил ни слова...

К вечеру я получил пропуск на право вхождения в производственную зону и некоторые сооружения. В пропуске красовалось несколько резиновых штампов: танк, звезда и телефон.

Встретивший меня Ныrkов спросил:

— Получили пропуск? Значит завтра с утра — на работу.

Комендант общежития, женщина с редкой фамилией Талантова, поселила меня в финский домик. Здесь уже жили наши ребята, среди

которых оказался еще и Пересторонин. Домик имел большую застекленную веранду, все удобства, приличную мебель, радиолу и телефон. Мой почтовый адрес оказался: Новгород (областной), п/я 18.

* * *

На работу в производственную зону нас доставил красный автобус. Еще два ряда колючей проволоки вдоль взрыхленной полосы земли, КПП и снова сосновый лес на невысоких холмах.

Автобус останавливается у здания, огражденного очередным витком колючей проволоки. Сдаем пропуска часовому. В просторном тамбуре вынимаем все металлические предметы и кладем их в персональные ящики.

В большом высоком зале стоят несколько изделий в разной степени готовности. Это и есть сборочные площадки, на которых мне предстоит работать. Но полковник Нырков так не думает и, лукаво подмигнув голубыми глазками, говорит:

— Начнем мы с вами с самой важной и ответственной работы — заполнения формуляров на блоки изделий. Заполняя формуляры, вы в полном объеме представите весь комплекс работ, познакомитесь с новинками и привыкните к документации. Идите и помогайте Келеберденко.

— Тебя бросили на формуляры? — встретил меня Келеберденко. — Это у деда такая привычка — сажать новичков на эту писанину. Работа страшно нудная, но ответственная. Особенно — вносить изменения и собирать под ними подписи. Думаю, что с твоим приходом я от этой тяготы освобожусь и пойду на сборку.

А в это время члены сборочной бригады взялись за цепи подъемных устройств. Эта ручная работа сохранилась и здесь. Видимо, устарелые инструкции и перестраховка оказались пока сильнее технического прогресса. А потому по всем трем степеням свободы груз по-прежнему передвигали три человека, умело орудуя отполированными до блеска цепями.

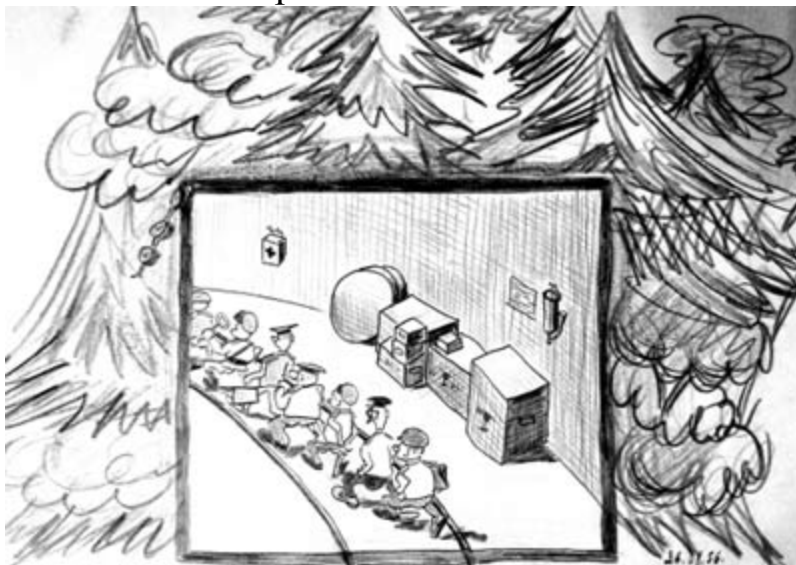
Стоящий на цепях Мухлынин смеется:

— Видели бы эти цепи американцы...

— Засмеяли бы, — подхватывает Нырков, — сказали бы: «Совсем обнищали русские — моторы поставить не могут». Но ничего, яйца молодые — выдержат.

Только после первого дня работы и разговоров с товарищами мне стало ясно, куда меня отправили разгневанные полковники из Управления.

Попал я на один из арсеналов, где собирались и хранились в боеспособном состоянии первые атомные бомбы Советского Союза. Таких арсеналов в те годы было семь. Разбросаны они были по территории всей страны: Закарпатье, Подмосковье, Новгород, Свердловск, Дальний Восток. Все они были в ведении Министерства среднего машиностроения (МСМ). Начальниками арсеналов с легкой руки Берии назначались начальники областных управлений КГБ. Так полковник Филиппов Б. Н. был раньше начальником КГБ по Иркутской области. Его дальнейшая судьба такова: после Новгорода в 1958 году он был направлен на Урал, получил генерал-майора и умер в Свердловске-45. В 1958 году арсеналы и сборочные бригады были переданы из МСМ в Министерство Обороны. В свои лучшие годы количество арсеналов достигало 25, а количество сборочных бригад — 75. Одной из первых сборочных бригад руководил мой нынешний начальник — полковник Нырков Г. Г.

По вполне понятным причинам фотографий подземных арсеналов нет, поэтому их заменяют рисунки автора. 1956 г.

Личность Лаврентия Павловича Берии неотделимо связана с созданием советской атомной бомбы. Он был председателем Спецкомитета, созданного 20 августа 1945 года Государственным Комитетом Обороны для решения проблем Атомного проекта. Под его руководством строились промышленные предприятия по добыче, обогащению и переработке плутония. Он пристально следил за проведением конструкторских работ и изготовлению советских атомных бомб. Он же поставил во главе атомных арсеналов своих верных людей из КГБ.

Почему Сталин поручил эту ответственную и тяжелую работу именно Берии, а не кому-то другому, обладающему более высокими техническими знаниями? Во-первых, потому, что Берия обладал выдающимися организаторскими способностями, подкрепленными репрессивным аппаратом, который был в его руках. Во-вторых, через его ведомство советская разведка постоянно поставляла секретную информацию о работах американских и английских ученых, занятых осуществлением Манхэттенского проекта — разработкой и изготовлением атомной бомбы США. Берия занимался шпионажем заинтересованно, эффективно и увлеченно.

В-третьих, Сталин знал, что Берия равнодушен к использованию атомной энергии для военных целей и еще в конце 1939 года, по словам его сына Серго Берия, предлагал советскому правительству начать работу над созданием атомной бомбы^[22].

В связи с этим получила распространение версия того же Серго Берии, которую он впервые высказал в интервью английской газете «Индепендент». Он утверждал, что создатель американской атомной бомбы Роберт Оппенгеймер тайно приезжал в Москву в 1939 году, за шесть лет до того, как Соединенные Штаты произвели взрыв атомной бомбы. Приезжал под другим именем, через Францию, ночевал вместе со своим спутником в доме Берии и был очень огорчен, что не достиг никаких результатов. А предлагал он, ни много ни мало, осуществить проект создания атомной бомбы здесь, в Советском Союзе.

Создатель американской атомной бомбы Роберт Оппенгеймер.

В телесериале «Сталин Live» есть эпизод, когда Сталин и Берия принимают у себя высокого и худого физика, удивительно похожего на Оппенгеймера. Сталин интересуется разрушительной силой этой бомбы. «Оппенгеймер» говорит, что мощь ее такая, что может уничтожить половину Европы.

— Такая война, которая уничтожит Европу, нам не нужна, — отвечает Сталин.

Иосифу Виссарионовичу Европа была нужна неразрушенной, целой, где можно было бы проводить коммунистические эксперименты по созданию нового общества без эксплуататоров и эксплуатируемых. Атомную бомбу он назвал «страшилкой». А когда узнал, что для ее создания надо построить целую промышленность, подчинив ей практически все ресурсы страны, и вовсе охладел к такой идее.

Тогда мудрый Берия предложил Оппенгеймеру осуществить свой проект в США на деньги американцев. Естественно, что все результаты исследований и конструкция атомной бомбы будут переданы через наших агентов в СССР.

— Создавайте бомбу в Америке, а мы вам поможем, — заключил Лаврентий Павлович.

Товарищ Сталин только понимающе усмехнулся и запыхтел трубкой.

Американский ученый Дэвид Холлоуэй, специализирующийся на изучении советской ядерной программы, сомневается в том, что Оппенгеймер мог быть гостем Берии. А десять ведущих светил в

Москве сделали совместное заявление, осуждающее попытки дискредитировать достижения советских ученых, якобы работавших по шпаргалкам, которые добывала для них разведка. Но об этом мы поговорим дальше, а пока версия Серго Берии выглядит интригующе правдоподобно.

Почему бы Оппенгеймеру, который боялся, что Гитлер первым сумеет использовать ядерную энергию в военных целях, не предложить СССР опередить Германию? Тем более, что в то время ни у США, ни у Великобритании не было никаких программ создания атомного оружия. О том, что среди ученых, которые оказывали помощь советским атомщикам, были Роберт Оппенгеймер а также всемирно известные физики Нильс Бор, Энрико Ферми и Лео Сцилард, пишет в своих книгах и высокопоставленный сотрудник КГБ генерал-лейтенант Судоплатов П. А. [\[23\]](#)

В конце 30-х годов идея создания атомной бомбы для ученых была вполне реальной. Работали в этом направлении в Москве и Харькове. Сейчас известно, что именно в Харькове была подана первая в мире заявка на изобретение под названием «Об использовании урана в качестве взрывного и отравляющего вещества». Из-за бюрократических проволочек она так и не была реализована.

Несколько дней я работал с формулярами: определял вес и характеристики отдельных блоков и вносил их в специальные бланки. Далее требовалось все просуммировать и определить общий вес изделия. Суммировал в столбик, как в школе, в результате чего каждый раз получал разные цифры.

— Давай спокойно и не торопясь определим этот вес вместе, — предложил Нырклов, и мы пошли в его загородку, которую он называл кабинетом.

Я воспользовался этим случаем, чтобы поговорить с полковником о будущей работе:

— Товарищ полковник, чем я буду заниматься после окончания работы с документами?

— Я направлю вас к автоматчикам. Там работа интересная, и ее всегда хватает.

— Но я же радист. Хотелось бы работать по специальности.

— В армии все может быть. Вот я специализировался по ПУАЗО, а приходится работать с изделиями. Радио вы и так знаете. А чтобы

освежить знания по специальности, я вас буду иногда отправлять на работы по испытаниям и проверкам радиоаппаратуры.

— Теперь у меня еще есть личный вопрос.

— Квартиру получили? — поспешил перебить меня «дед».

— Да. Комнату в общежитии вместе с Пересторониным. Я ведь холостяк.

— Холостяк — это хорошо: любая Дунька в твоём распоряжении. Только не бери в жены первую попавшуюся. Смотри, чтобы родители были чистые, не было родственников где-нибудь в Америке. А то могут к нам и не пустить.

Полковник Ныркoв старался свое слово сдерживать: время от времени он направлял меня на проверки аппаратуры радиоканала и «трубок Векшинского», которые стали к нам поступать как новые источники нейтронов. Но большая часть времени все же уходила на такелажно-монтажные работы. Это была разгрузка ящиков с комплектующими составными частями будущих изделий, подача блоков на стапеля сборки, приборка и транспортировка свободной тары.

В «каменном городке» сдали в эксплуатацию новое общежитие. Я получил комнату вместе с Юрой Пересторониным. Наша комната № 18 на втором этаже была угловой, светлой и просторной. Окнами она выходила во двор, вокруг которого кольцом стояли частично еще недостроенные дома.

Юра Пересторонин любил поспать, а на работе — хотя бы позевать. 1956 г.

В комнате были две кровати с деревянными стойками, большой полированный шкаф для одежды, круглый стол, тумбочки и стулья. На

столе, всегда застеленном свежей скатертью, неизменно стоял графин со свежей водой и два стакана. Об этом постоянно заботился обслуживающий персонал общежития. Он же производил в наше отсутствие уборку. Если добавить, что на полу был большой красный ковер, то на бытовые условия грех было жаловаться.

Одновременно с общежитием были сданы в эксплуатацию квартиры для вновь прибывших женатых офицеров. Получили квартиры супруги Бахарева и Келеберденко.

В первый же вечер после переселения было устроено шумное новоселье. Для этого заранее был заказан пропуск в райцентр, и «гонец» привез целый чемодан спиртных напитков: водки и смородинового вина. На территории объекта официально соблюдался сухой закон, а посему спиртное не продавалось.

Новоселье было прекрасным поводом, чтобы познакомиться ближе с членами нашей сборочной бригады. Это были, в основном, старшие лейтенанты разных родов войск, которые после окончания училищ и курсов получили назначения в арсеналы. Служили охотно и безропотно. Все они пошли в армию добровольно, были пока еще неженатыми и считали за удачу получать повышенные оклады и разного рода надбавки (секретность, вредность и прочее). Внешне эти старлеи мало чем отличались друг от друга, да и фамилии у них были какими-то схожими: Клепинин, Мухлынин, Редькин.

Из наших, багеровских, были: Бахарев, Келеберденко, Камин, Дубикайтис, Пересторонин и я. Всех их, инженеров по образованию, из-за пресловутых финансовых трудностей пока держали на должностях техников. И хотя начальники убеждали, что это — временно, мы интуитивно чувствовали, что — надолго. За это время произойдет естественная сепарация по достижениям, проступкам и другим характерологическим качествам, так что некоторым своих инженерных должностей придется ждать очень долго. Не удивительно, что большинство из наших к службе относились прохладно, а некоторые стремились демобилизоваться.

Сослуживцы старлеи этого не могли понять, искренне удивлялись желанию уйти из армии, страшили низкими гражданскими окладами и просто смеялись над нашей, как они полагали, глупостью.

— Вот ты сейчас сколько получаешь? — спрашивает один из них.

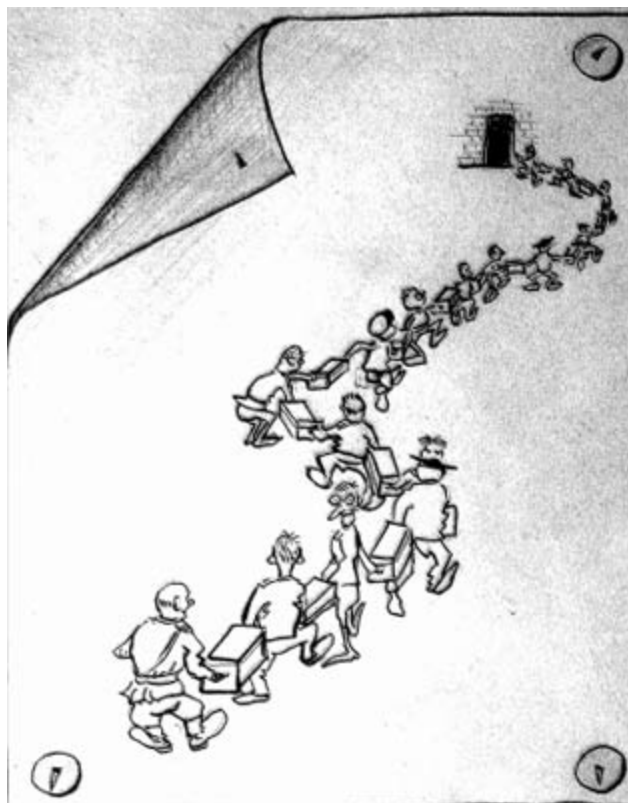
— Со всеми надбавками и звездочками — 2530 рублей.

— А инженер на гражданке — 900 рублей, и никакой надежды на жилплощадь. Разница есть?

— Когда-нибудь встретимся в ресторане: мы, офицеры, и вы гражданские. Мы — сидим выпиваем, что хотим — едим, что хотим — заказываем, а вы заходите и считаете свои жалкие рублики. Потому что мы — можем себе позволить погулять, а вы — только покушать. Ведь сказано — от добра добра не ищут! — убеждал нас то ли Клепинин, то ли Мухлынин.

* * *

Понемногу я освоился в сборочной бригаде полковника Ныркова. Мне здесь даже стало нравиться. Работа разнообразная и живая, требующая физических усилий и определенной сноровки. Отношения членов бригады друг к другу доброжелательные, хотя и по армейски грубоватые, сопровождаемые соленым юмором и необходимыми подначками. К старшим офицерам часто обращаются по имени и отчеству, не подчеркивая чины и звания. Во время работы все держатся как равные. После Багерово я был удивлен гражданской атмосфере во взаимоотношениях, духом товарищества, особенно среди младших офицеров. Военщины как таковой, с ее уставами, караулами и другой официальщиной, здесь не было.

В разгрузочных работах участвовали все. 1956 г.

Начальник, хоть и хлопотливый в своей требовательности, но добрый и не злопамятный человек. Никакой формальной дистанции с подчиненными не держит, любит рассказывать и слушать жизненные истории и анекдоты. К тому же обладает актерскими данными. Как-то проезжали мы в автобусе мимо живописного места на опушке леса и полковник, глядя в окно, сказал:

— Неплохо бы дачку здесь построить. Но как ее построишь: стройматериалов нет, шифера на крышу не достанешь, рабочих не найдешь. Все надо выбивать, выпрашивать, добиваться разрешений.

Был бы я там, у капиталистов, поднял бы телефонную трубочку и сказал: «Алло, алло, мистер Браун? Это говорит полковник Нырков: мне надо построить дачу в Измайлово». И что бы вы думали: не успел бы полковник приехать домой, как его бы уже ждали с альбомом проектов, со сметой стоимости и вопросом — когда бы вы хотели иметь дачу. Вот я работаю в системе с первых дней ее основания, а дачи так и не имею. Правда, на хрен она мне здесь нужна. Но под Москвой — не отказался бы. — и полковник мечтательно прищурил, как кот на солнышке, свои узкие глазки.

Выезжая за производственную зону, Нырков, сидя на командирском месте у дверей, обязательно говорил:

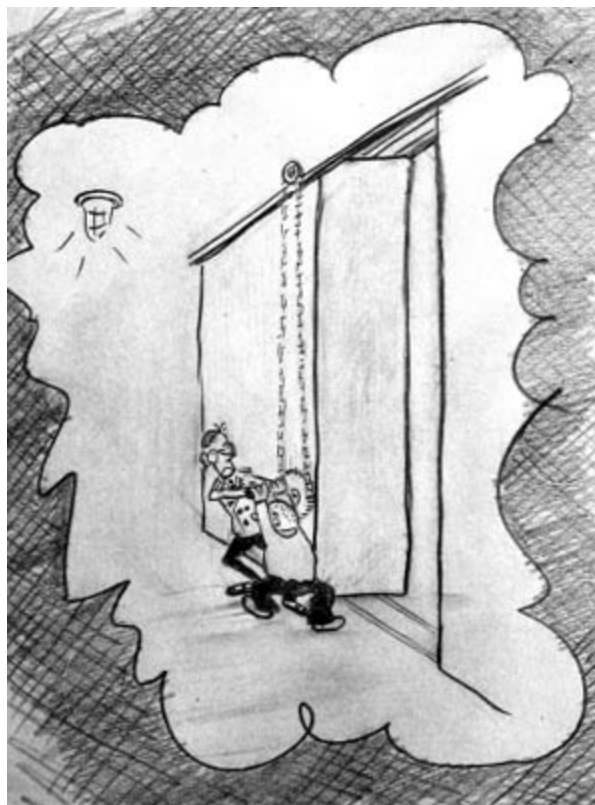
— Все, товарищи офицеры: о работе — ни слова, только — о бабах и бл... Ну, Каленников, ты своей Дуньке дурака под кожу запустил? Смотри, чтоб она, дура, не забеременела. А то был тут у нас один случай. — и он рассказывал восхищенным слушателям очередную историю неразделенной любви.

Подчиненные его уважали и беспрекословно выполняли все приказы и поручения. А он был в курсе их дел и постоянно чем мог, тем и помогал в житейских трудностях. Возраст давал себя знать, и полковник часто дремал в своем углу в конце зала. Он клал перед собой инструкцию, подпирал голову левой рукой и мирно посапывал, автоматически барабанил пальцами правой руки по крышке стола. В полутемном углу, освещаемом только кругом света настольной лампы, он издали казался бодрствующим. Все этот его прием знали, и потому в таких случаях старались не производить лишних стуков.

Этим обстоятельством даже пользовались. Нырков очень придирчиво относился к составлению разного рода инструкций. Много раз отправлял их на исправления и доработку, даже не дочитывая до конца.

После нескольких таких возвратов, составитель инструкции осторожно подбирался к столу дремлющего начальника и перелистывал текст почти до конца. Потом специально ронял на пол ключ и производил шум, который при сборке изделия не допускался. Полковник мгновенно просыпался и спрашивал о причинах шума. Составитель инструкций извинялся: мол, уронил ключ, не забывая при этом спросить о судьбе своего труда.

— Это же совсем другое дело, — взглянув на текст инструкции, говорил Нырков и ставил подпись под документом. — Видно, что потрудились. Молодец! Я всегда говорил и говорить буду: над инструкцией надо работать много и аккуратно. Это тоже наша работа. И хотя наше главное дело стоит на стапелях, но о нем судят по сопроводительным документам. Никогда не забывайте, с чем и для чего вы работаете.

Двери тоже открывались вручную. 1956 г.

Обычно рабочий день продолжался 8 часов. К девяти утра автобус привозил нас к сооружению, с 13 до 14 — обеденный перерыв, во время которого тот же автобус возил в гарнизонную столовую, и в 18 часов — конец рабочего дня. В авральные дни этот спокойный распорядок мог быть существенно нарушен. В такие дни не существовало ни суббот, ни воскресений, ни праздников. В эти дни сборочная бригада должна была собрать и оснастить несколько изделий. Итогом этих напряженных дней была работа, именуемая «перевалкой».

Само слово «перевалка» означало, что изделия надо было «перевалить» из подземелий арсенала на ремонтно-техническую базу аэродрома.

Одна из таких «перевалок» происходила следующим образом. Всю сборочную бригаду и другие спецслужбы поднимали ночью по тревоге и собирали в управлении объекта.

— Все собрались? Кого еще нет? — спрашивает Кирьянов, ответственный за сбор бригады.

— Бахарев встает. Редькин застегивает комбинезон...

— А где Дубикайтис?

— У него болит аппендицит.

— Вот сачок попался. Как с женой Баранова в кино ходить — аппендицит не болит, а на работу — болит. Я после операции на четвертый день уже ящики таскал. И ничего не случилось, — и добавлял: — Что-то невесело собираемся.

— Сейчас Пискарев придет, траванет пару анекдотов — сразу веселей станет.

В автобусе темно. Разговор не клеится: и спать не хочется, и говорить неохота. Забиваюсь в дальний угол автобуса.

Приходит капитан-лейтенант Пискарев, высокий морской офицер — балагур и весельчак:

— Молодая жена жалуется подруге, что ее муж пьет, — начинает он с порога. — «Если ты знала, что он пьяница, — удивляется подруга, — зачем же ты за него выходила?», — «Я понятия не имела, что он пьет, пока однажды он не пришел домой трезвый. Тут все и открылось».

Появление Пискарева вносит оживление, а его антиалкогольные анекдоты, как он их называет, пользуются успехом:

— «Алкоголь — источник всех бед в семейной жизни, — говорит лектор. — Сколько мы знаем случаев, когда жена покидает мужа, потому что он пьет».. Кто-то из зала спрашивает: «А вы не скажете, сколько точно надо выпить, чтобы она ушла?»

Народ охотно ржет и окончательно просыпается. Автобус подъезжает к управлению. У входа стоят командир части и начальники служб.

— Клепинин, Москвин, Редькин и Кочетков — на точку. Капитан Кочетков — старший. Остальные — на «перевалку». Сейчас подойдут еще люди! — узнаю по голосу майора Маркова.

Заходим в кабинет Филиппова. На диване, в креслах и на стульях сидят люди — в комбинезонах, ватниках, лыжных куртках и просто в полевой форме. Марков проверяет присутствующих по списку.

Снова садимся в автобус и едем к главному КПП, возле шлагбаума которого видны голубые фуражки. Наш автобус выпускают за зону без проверки. Он медленно поднимается вверх и въезжает в лес. Навстречу бегут белые придорожные столбики. Иногда появляются черные избы, в окнах которых тускло мерцают огоньки. Лучи фар

вырывают из темноты высокий забор с колючей проволокой наверху, сторожевую вышку и КПП. Автобус въезжает во двор, загроможденный контейнерами, кабельными катушками, штабелями досок и подъезжает к железнодорожной платформе. Через оба пути перекинут порталный подъемный кран. Под фонарем на мгновение мелькнула фигура Филиппова в плаще и новенькой армейской фуражке.

— Несколько человек — за мной. Возьмем траверсу, — командует незнакомый мне офицер.

— О, прорезался первый начальник, — замечает Фаломеев. — У них там в «хохландии» все любят командовать.

Речь идет о майоре Дьяченко, который скрылся в темноте с полной уверенностью, что за ним идет несколько человек. Но пошли всего два, да и те растворились в темноте за ящиками.

— Автобус! Выходи все, если не хотите — несколько человек. Пора начинать! — снова командует майор.

Во двор заехал первый МАЗ с изделием в металлическом контейнере. Пресловутая траверса уже подвешена к крюку подъемного крана и опустила на контейнер четыре троса. Мухлынин и Клепинин цепляют их крюки к рым-болтам контейнера и докладывают: «Траверса закреплена!» И сразу же после команды знакомо заскрежетали цепи подъемных талей. Контейнер оторвался от борта грузовика, замер на несколько секунд и плавно поплыл в сторону открытой платформы. Первое изделие погружено.

Постепенно все нашли свою работу: кто сгружает контейнеры, кто крепит их толстой проволокой к платформе, кто прибывает брезентовые чехлы планками к доскам платформы, кто пломбирует углы зачехленного изделия свинцовыми пломбами. А потом все дружно вручную выкатываем платформу из-под крана за ворота на свободный путь.

Моей фамилии майор Дьяченко еще не знает, но работу находит быстро и изобретательно:

— Лейтенант, возьмите планки и приготовьте крепеж для брезента.

Не успеешь найти планки, как он уже бросает тебя выправлять крепежную проволоку или на пломбировку. К концу работы

начальников становится все больше. По-прежнему суетится Дьяченко, командует Марков, дает советы Филиппов.

Я и Келеберденко неспеша ставим пломбы на углы брезента.

— Вишневский, не спеши — впереди еще погрузка в вагоны ящиков и «бочек», — и тут же переходит на украинский. — Ти звідки родом?

— З Одещини.

— А я — з Полтавщини. От якби я був удома — працював би собі в полі, після роботи їв галушки и запивав би узваром. От добре на Україні! А тут...

— А тут ти робиш історію, стираєш межі між розумовою і фізичною працею.

— У нас зараз яблучка, груші, вишеньки у садку. А тут...

К рассвету работы по погрузке заканчивались. В курилке людей становилось все больше.

— Нужно завести учет количества отработанных за неделю часов, — предложил Кочетков. — Сами и будем отмечать, сколько работаем. А потом пошлем, куда следует.

— И куда же это мы их пошлем?

— Хотя бы Хрущеву...

— А тебе ответят: у военнослужащих день не нормирован! — вмешался Милютин.

— Ничего подобного: был приказ Жукова о восьмичасовом рабочем дне для офицеров. Нас могут вызвать на службу в любое время, но заставлять работать больше восьми часов не имеют права. В противном случае — отгул, — не унимался Кочетков.

— Держи карман шире! Не забывай, что сегодня надо будет работать еще после обеда — аврал.

— Пора есть мясо, — мрачно подытожил Бахарев и направился к автобусу.

В эту ночь мы разгрузили четыре МАЗа. По количеству отправляемых изделий и частоте «перевалок» проницательные умы могли судить о напряженности международных отношений и возможности возникновения военных конфликтов.

Одно из таких событий, подтверждающих эту взаимосвязь, происходило осенью 1956 года. В Египте всенародным голосованием был избран президентом Гамаль Абдель Насер. Амбициозному

политику для строительства плотины в Асуане и продолжению борьбы с Израилем нужны были деньги и вооружение. С просьбой о кредитах он обратился к Лондону и Вашингтону. Соединенные Штаты и Великобритания в кредитах и оружии отказали. В ответ на это Насер 26 июля принял решение национализировать Суэцкий канал и обратился за помощью к Москве.

Советский Союз предоставил Египту и деньги, и оружие, хотя Насер в это время держал многие тысячи коммунистов в тюрьмах.

Пытаясь удержать канал в своих руках, Англия и Франция приготовились к высадке десанта на Синайский полуостров. Назревал военный конфликт между Западом и Египтом, с энтузиазмом поддерживаемый Никитой Хрущевым. Вот тогда-то, в августе, у нас под землей и интенсифицировались сборки изделий, чаще объявлялись авралы и участились «перевалки».

Первая партия оружия из СССР поступила в Египет 27 сентября. Конечно, в этой партии не было и быть не могло наших изделий. Но возможность широкомасштабной войны существовала, и стратегическое оружие Советского Союза уже было готово к действию.

Как известно, 9-дневная война Великобритании и Франции против Египта закончилась тем, что агрессоры вынуждены были вывести свои войска из района Суэцкого канала. Насер и Советский Союз праздновали победу.

Подобное же происходило и во время событий в Венгрии в октябре-ноябре 1956 года. Попытка так называемого «контрреволюционного мятежа», когда Венгрия захотела покинуть опостылевший ей социалистический лагерь, привела к новому международному противостоянию. Конфликт между Западом и Востоком готов был перерасти в реальную войну. Не зря Хрущев объявил тогда миру, чтобы он не удивлялся, если на Лондон и Париж полетят атомные заряды.

В эти дни нам приходилось работать днем и ночью, отправляя на «перевалку» один за другим МАЗы с изделиями. Тогда я впервые понял, что к готовящемуся безумию прикладываю руки и я, лейтенантик, который в своей жизни убивал только воробьев из рогатки.

После вывоза продукции в неизвестном нам направлении, наступало несколько дней затишья. Новых сборок не начинали, а занимались приборкой зала и наведением порядка в подсобных помещениях. Надо было рассортировать и убрать многочисленные ящики, контейнеры и кабели, освободить стапеля от лишних предметов и приборов, подготовить центр зала для будущих сборочных работ. Во время одной из таких уборок я получил первую производственную травму. Надо было откатить в хранилище одно из изделий, установленное на рельсовой тележке. Передвижение по рельсам требует значительно меньших усилий, чем на тележке с шинами, но коварно тем, что останавливать рельсовую тележку значительно труднее.

Легкость хода по рельсам при небольших усилиях создает обманную уверенность в том, что и для остановки ее требуется совсем немного. Вот я и попытался остановить медленно идущую по рельсам тележку с изделием. К моему удивлению, усилий оказалось мало, и изделие вертикальной частью стабилизатора рассекло мне левую бровь. Кровь залила глаз и напугала моего напарника Мухлынина. Ничего страшного не произошло, но шрам на левой брови сохранился на всю жизнь. Ребята подтрунивали: вот и ты пострадал от бомбы!

Свободного времени становилось больше. Все длительнее были перекуры на свежем воздухе, все чаще офицеры, как пацаны, играли в «орлянку» за производственной территорией. Многие уходили в лес за грибами. Этой «тихой охотой» увлекалось большинство членов бригады. Были среди них свои чемпионы по белым грибам, рекордсмены по подберезовикам и подосиновикам.

Грибов было великое множество. Изолированный рядами колючей проволоки лес не посещался никем, кроме тех, кто работал в его холмистых подземельях. Достаточно было с часок походить по лесу, чтобы насобирать десятков-другой отличных грибов. Наиболее удачливые места назывались именами их первооткрывателей — «Фаломеевские места», «Милютинская горка».

В качестве экзотики за грибами ходило и высокое начальство: инспектирующие объект генералы и полковники, руководящие работники Управления. Рассказывали, что водили в лес самого маршала Неделина. К своей радости он лично собрал с десятков подосиновиков, а с объекта увез большой пакет сушеных белых — на

это пошел весь дневной улов сборочной бригады. Как бы там ни было, но в осеннее время года все возвращались с работы домой с грибами.

Грибы — наша неизменная радость. 1956 г.

Не отставали от лучших грибников и мы с Пересторониным. Бродили по холмам, поросшим золотыми соснами и синими елями, спускались в долины, где среди берез и осин прятались красноголовые подосиновики, пробирались среди зарослей папоротника и ландышей, вдыхая запахи тронутого увяданием леса. Поначалу готовили супчики и грибы с картошечкой, но когда грибная еда поднадоела, стали их сушить. Окна в комнате были завешаны связками отборных белых, распространяющих грибной запах по всему общежитию.

* * *

— Лейтенант Вишневский, Вы сегодня заступаете на дежурство по управлению, — объявил мне как-то полковник Нырк. — Поздравляю вас с первым дежурством и напоминаю об ответственности, которая ложится на плечи дежурного офицера. Желаю спокойного дежурства.

Получив табельное оружие, я расположился в дежурной комнате и стал изучать Инструкцию дежурного по объекту. В обязанности его

входило: выдача допусков и ключей на вскрытие производственных сооружений, выдача пропусков для сотрудников и материальных пропусков на транспортировку грузов, ответы на многочисленные телефонные звонки, выполнение поручений командования.

В рабочее время дежурный сидел в отдельной комнате, а во время отсутствия начальника арсенала — в его кабинете. Я сразу же почувствовал разницу между учебными дежурствами в Багерово и боевым дежурством на объекте. За допусками и ключами приходили офицеры, со списками, на которые нужно было поставить печать — сержанты и старшины, непрерывно звонил телефон.

Ночь провел, как и предписывалось в инструкции, в кабинете полковника Филиппова. Это была большая комната с огромным письменным столом. Передо мной на столе — тяжеловесный письменный прибор из темного камня, календарь, внушительного размера часы, солидная стеклянная пепельница, остро отточенные карандаши в хрустальном стакане, стопка чистой бумаги, под стеклом — список телефонов. Командир был педантичен и аккуратен.

Справа расположился столик с пятью телефонными аппаратами, один из которых по высокочастотной связи (ВЧ) связан непосредственно с Москвой. Еще правее — аппарат сигнализации от всех помещений и сооружений объекта. При вскрытии любого из них — раздается звонок и зажигается соответствующая лампочка. К столу приставлен столик с двумя мягкими креслами. У правой стены — длинный стол для совещаний. У левой — высокий, во всю стену, стеклянный шкаф, пустующие полки которого стыдливо прикрыты занавесками. Где-то у дверей — кожаный мягкий диван. На стене — портреты обоих сегодняшних вождей — Ленина и Хрущева.

Справа в углу громоздятся сейфы, в одном из которых хранятся ключи от всех сооружений объекта. В другом — опечатанный пакет, который надлежит вскрыть при сигнале «Шторм». Такого сигнала, как мне говорили, еще ни разу не поступало.

К полуночи выдача допусков и ключей прекращается, становится значительно меньше телефонных звонков. Я сижу за письменным столом и читаю дневники Блока. Надо сказать, что сейчас я читаю значительно больше, чем в студенческие годы. Этому способствует свободное время по вечерам и неплохая гарнизонная библиотека.

Сейчас я пытаюсь постичь суть гениальности Блока и с горечью убеждаюсь, что не могу достойно оценить ни его стихотворения, ни его жизнь. Это меня смущает, но себе-то я врать не могу. Извинением может служить то, что знаком я по школе только с двумя его произведениями: воинственными «Скифами» да непонятой поэмой «Двенадцать». Несколько раз я пытался прочесть его пьесы, но только разочаровался. И не столько в поэте, сколько — в себе. Неужели мне не дано прочувствовать то, что приводит в восторг других? Неужели я глух к высокой поэзии?

Чтобы отвлечься от этих горестных мыслей, я открываю другую книгу — стихи старых японских поэтов. Я их тоже открыл для себя только здесь, но их поэзия сразу, без подготовки и сомнений, меня поразила и очаровала. Наполненная грустной философией, она легко и зримо, почти графически, вошла в мое сердце и сознание.

Эти *хокку*, старинные японские трехстишья, помогли мне убедиться в том, что с моим восприятием поэзии еще не все потеряно. Я их люблю до сих пор и цитирую всю свою жизнь.

То ли чувство оторванности от прошлой жизни, то ли японская поэзия стали причиной того, что мне стало одиноко и тоскливо. Вспомнилась Леннора, которая теперь жила в Ленинграде. Недавно я написал в этот город и узнал адрес Ленноры Буслович, теперь уже — Чубановой.

Леннора Буслович. 1955 г.

Осенняя луна
Сосну рисует тушью

На синих небесах.

Ренсэцу

Лист летит на лист,
Все осыпались, и дождь
Хлещет по дождю!

Гетай

В стране моей родной
Цветет вишневым цветом
И дикая трава.

Цеса

Как в груди мягкую скатившегося снега
Пылающие щеки погрузить —
Вот так бы полюбить.

Такубоку

Ночь прошла спокойно, если не считать того, что в 3 часа пришлось организовывать проводы в Ленинград высоких гостей Филиппова: Гутова А. И. и Матвеева А. Н. Эти важные персоны в гражданской одежде сегодня вместе Филипповым осматривали объект.

Во второй половине дня вызывает к себе Марков, исполняющий обязанности главного инженера:

— Часов в шесть — семь должны приехать из Москвы генерал Никольский и полковник Пестов. Нужно их встретить, доложить по форме. Вы давно в армии?

— Ношу форму уже второй год...

— И все же — отпрапортуйте и проводите в гостиницу. Узнайте, что им нужно: ванну с дороги, ужин и все такое. Организуйте.

Действуйте инициативно! Пропуска им уже заготовлены.

К счастью, гости приехали в 9 часов, когда я уже сдал дежурство, но с главным инженером Управления генерал-майором Михаилом Константиновичем Никольским мне все же довелось встретиться. В сопровождении большой свиты он посетил «каменный городок», побывал в нашем общежитии. Я в это время отдыхал после дежурства. Слышу за дверью голос: а нельзя ли посмотреть какую-либо комнату внутри?

Открылась дверь, и передо мной предстал высокий статный генерал. Рядом с ним — Филиппов, Сосновский, Новиков и другие начальствующие лица.

— Здравствуйте, — поздоровался Никольский.

— Здравия желаю, товарищ генерал! — ответил я и всем телом ощутил отсутствие на плечах кителя. Я был в одной майке и пижамных штанах.

— С кем имею честь? Ваше звание?

— Инженер-лейтенант Вишневский. Отдыхаю после дежурства по объекту.

— Что это у вас такой тяжелый воздух?

— Белые грибы сушим, товарищ генерал.

Сушеные грибы распространяли по комнате прекрасные запахи. 1956 г.

Никольский прошелся по комнате, с любопытством посмотрел на наш растерзанный радиоприемник «Дорожный», почему-то заглянул за шкаф. Потом открыл дверку и сказал, обращаясь к Филиппову:

— Конечно, парадные фуражки лежат вместе с сапожными щетками. Койки не заправлены. Забыли армейскую жизнь. Ох, уж эти инженеры: няньку им надо!

Окинув взглядом стены и потолок, генерал вдруг наклонился и посмотрел под кровать:

— И как везде, — пустые бутылки. А ну-ка, товарищ начальник политотдела, достаньте-ка их сюда. Посмотрим, что пьют инженеры.

Напуганный Новиков, забыв про свой живот, кряхтя и обливаясь потом, полез под кровать и стал доставать бутылки из-под коньяка и плодово-ягодных вин.

— Пьют, я смотрю, у вас офицеры. И пьют всякую гадость. Это притом, что в гарнизоне — сухой закон. Балуете вы их, Борис Николаевич!

Филиппов стоял с тем мудрым выражением лица, которое с одной стороны вроде бы тяготится укором старшего по званию, но с другой — ощущает его отеческое расположение. Сосновский невозмутимо смотрел куда-то в окно. Один Новиков стоял красный, как рак, и в своих толстых очках удивительно смахивал на поэта Исаковского.

На меня никто никакого внимания не обращал. Меня как будто и не было в комнате. Я со своими пустыми бутылками был простой иллюстрацией к какому-то важному воспитательному действию, которое меня уже не касалось.

В тот же день Никольский провел встречу с офицерами объекта как главный инженер. Он рассказал, что наша техника продолжает совершенствоваться, повышает эффективность и неизменно находится в состоянии боевой готовности. В ближайшее время к нам поступят новые виды изделий, усовершенствованные блоки и модифицированные пульта проверки. Это будут новые конструкции, которые надо освоить, не снижая ни темпов, ни качества плановых работ.

Сообщение Никольского слушали без особого интереса. Говорил он об общеизвестных проблемах, разве что не употреблял выражений типа: «партия и правительство вручили в ваши руки грозное оружие» или «в ответ на происки империалистов мы готовы ответить».. Все ждали времени, когда можно будет задавать вопросы. Первым последовал, теперь уже почти традиционный, вопрос: «Зачем на сборке и хранении держать инженеров, когда с этой работой могут вполне справиться техники и такелажники?»

Главного инженера этот вопрос явно вывел из благодушного настроения, и он не без раздражения ответил:

— У вас совершенно неверное представление о нашей работе! Пусть это будет несложная работа, но когда ее выполняет инженер, то он подходит к ее выполнению творчески.

— Даже когда тягает цепи лебедек?

— Даже тогда! Пусть он просто тянет цепь, но он и в это время мысленно представляет себе все сложнейшие процессы, которые происходят в каждом из блоков в отдельности и в изделии — в целом!

Этот оригинальный пассаж генерала надолго стал темой для бесконечных шуток и подначек на работе. Неужели он сам в это верит? Впрочем — нет, так как дальше он заявил:

— Со временем мы будем брать на эти работы гражданских и лиц более низкой квалификации, а пока приходится работать вам. Мы не можем доверять эти работы кому попало. Вы бы не поверили, если бы я вам сообщил, сколько стоит одно изделие. Ведь только один литр заправочного масла стоит 10 тысяч рублей...

Касаясь вопроса о том, что многие инженеры состоят на должностях техников, ответил:

— В связи с новым развитием работ в нашей отрасли, у нас сейчас оказалось много людей сверх штата. Но все они нам будут нужны. В конце года нужно будет отчитываться, не знаю, как это мы будем делать. Так что придется немного потерпеть.

В общем, ничего утешительного нам главный инженер Управления не сказал. Наиболее обиженные собирались было вместе сходить к нему вечером в гостиницу для более приватной беседы, да так и не пошли.

Как бы в подтверждение слов Никольского вскоре на объект стала поступать новая техника. Это были более совершенные и более компактные узлы изделий, сопровождаемые новыми электрическими схемами и массой новых инструкций. Все это нужно было изучить, проверить на новых стендах и закрепить в множестве формуляров.

Старший офицер сборщиков капитан Кочетков был в тревоге. Один из старейших членов бригады, не имея высшего образования, занимал должность инженера и чувствовал себя при этом прекрасно. Не раз приходилось слышать его скрипучий голос: «На хрена мне вся эта ваша писанина, все эти приборы и инструкции? Вот потягаешь цепи, поработаешь ключом и отверткой — и будешь знать изделие».

Сейчас для него наступили черные дни. Надо было не только осваивать новые изделия, но и изучать ненавистные ему инструкции и, что самое страшное, разбираться в электрических схемах и линиях их стыковки.

К его обычному: «Клепинин, Мухлынин, Редькин» добавилось в последнее время — «Камин». Сережу бросили к Кочеткову в подмогу на сборочно-такелажные работы. Он этого бедного Камина загонял до того, что Сергей взорвался:

— В гробу я видел такую работу. Я, между прочим, инженер, а не такелажник!..

Владимир Иванович, как его уважительно величали ребята, обиделся и еще долго бухтел:

— Ишь какие ученые — руки бояться в смазке испачкать! Я всегда говорил, что от таких — один вред. Ну и иди к чертовой матери! И без тебя справимся...

Но мудрый Нырков, видимо, неспроста подкинул ему вчерашнего студента. Сергей прекрасно разбирался в аппаратуре и легко читал любые схемы. Когда прибыла новая техника, полковник организовал что-то похожее на курсы. Этот же Камин и должен был терпеливо объяснять кочетковской команде, откуда и куда поступает этот проклятый импульс и зачем нужен дополнительный всплеск нейтронов. На характере сборочных работ новые узлы и блоки мало отразились, и вскоре неутомимый Кочетков снова ожил, голос его по-прежнему стал доминирующим в огромном сборочном зале.

Теперь об этом пишут...

Третья американская атомная бомба

После разгрома Квантунской армии в 1945 году в город Чаньчунь в штаб маршала Малиновского Р. Я. из Токио прибыл представитель императорской ставки.

От имени Генерального штаба японских вооруженных сил он предложил Советскому Союзу третью американскую атомную бомбу, которая не взорвалась над Нагасаки.

Об этом совершенно секретно доложил начальнику Главного разведывательного управления Советской Армии генералу армии Ивашутину П. И. офицер разведки Титаренко П. Именно ему полковник Генштаба Японии изложил предложение о передаче бомбы.

Такую же докладную записку он послал в ЦК КПСС. Но из соответствующего отдела ЦК Титаренко пришел ответ, в котором в оскорбительной форме выражалось недоверие к этому неординарному сообщению.

В 1969 году в архиве внешних сношений Министерства иностранных дел удалось найти телеграмму заместителю министра, в которой сообщается о невзорвавшейся атомной бомбе. Японцы доставили ее в распоряжение советского правительства вместе с сопроводительными материалами, описывающими это событие.

В 1973 году в Центральном архиве Министерства Обороны СССР в г. Подольске историки обнаружили радиограмму от 27 августа 1945 года в японский Генштаб от начальника штаба Квантунской армии такого содержания:

«Невзорвавшуюся атомную бомбу, которую доставили из Нагасаки в Токио, прошу срочно передать на хранение в советское посольство. Жду ответа».

Никогда ни одна из стран — США, Япония, СССР — не только не подтверждали эту версию, но даже ее не комментировали. Потому что ни одна из стран в этом не была заинтересована.

Американцы — потому, что боялись скандала. Еще бы — японцы, возможно, до сих пор живут на атомной бомбе, которая под воздействием времени может взорваться.

Японцы — потому, что не хотели разглашать свой демарш и портить отношения со своими нынешними союзниками.

Советский Союз — потому, что не хотел признаться в фактическом воровстве атомного оружия у своих союзников по антигитлеровской коалиции.

Как бы там ни было, но генерал-лейтенант Федор Феденко, который был представителем Советского Союза во

время капитуляции Квантунской армии, получил орден Кутузова, высшую полководческую награду. И получил ее уже после войны.

По материалам статьи Морозова И. и Козырева С. «Бомба для Нагасаки в России?»

«Совершенно секретно» № 7

* * *

В один из последних дней лета в гарнизонном клубе состоялось собрание офицеров всех спецслужб. Разбиралось дело о пьяном дебоше, который учинили несколько старших лейтенантов. Само по себе разбирательство не представляло бы особого интереса, если бы на нем не прозвучали любопытные заключительные слова Филиппова. Из-за них я кратко расскажу об этом собрании.

На сцене за столом — начальник арсенала полковник Филиппов, его заместитель по политической работе начальник политотдела подполковник Новиков и главный инженер подполковник Сосновский. Служебное совещание, как его называли в повестке дня, открыл Филиппов:

— Товарищи офицеры! За последнее время на объекте значительно снизилась воинская дисциплина. Об этом свидетельствуют факты нарушения общественного и воинского порядка, нарушения режима. Имеются случаи пьянства и связанного с ним хулиганства.

В понедельник лейтенант Козлов приехал из командировки и привез литр водки. Эту водку он распил вместе со старшими лейтенантами Каленниковым, Руденко и еще несколькими офицерами. Потом они отправились в общежитие в девушках. Они, видите ли, пошли сватать единственного среди них холостяка — Каленникова. Но у девушек уже были гости, которые и попросили пьяных офицеров удалиться. Последние обиделись и побили в общежитии окна.

Мы собрались сюда, чтобы заслушать товарищей, учинивших дебош, обсудить их поступки и решить, можем ли мы мириться с

такими фактами. Пусть они выйдут и расскажут о своих делах, дадут им оценку.

На сцену вышел лейтенант Козлов, щуплый морячок с рыжеватыми усиками:

— У меня был литр водки. Ко мне пришли товарищи, и мы решили ее выпить. После того, как мы ее выпили, товарищи пошли прогуляться по городку, а я остался дома. О том, что было дальше, я узнал позже от подполковника Сосновского.

— А как вы лично оцениваете свой поступок? Дайте ему оценку, — перебил его Филиппов.

— Я считаю, что от того количества водки, которое у нас было, нельзя дойти до такого состояния, чтобы не контролировать свои поступки.

Сидевший до этого молча подполковник Новиков зашевелился:

— А какое же количество водки вам было бы достаточно? Я уверен, что будь у вас не литр, а два литра — вы бы и их выпили. Что же, по-вашему, окна сами побились?

— Я этого не говорю. Я говорю, что от такого количества они не могли быть настолько пьяными, чтобы ввалиться в чужую комнату и, тем более, разлечься на чужую кровать.

— Как же не могли, когда Руденко прямо в обуви лег на кровать, несмотря на возражение хозяек. А теперь Руденка может быть судить будут за хулиганство. Думаете он вам спасибо скажет? — продолжал Филиппов. — Зачем вы их напоили?

— Я их не поил, они сами пили, — не сдавался Козлов. — И вообще я не понимаю, в чем меня обвиняют. Я себя ничем не скомпрометировал ни как офицер, ни как муж.

— А ваши товарищи? Ведь все они женатые. Один, не успев жену проводить на отдых, поплелся к бабам. Другой только что отвез жену на лечение. Что скажут их жены, когда обо всем этом узнают? А они все это наверняка узнают со многими другими подробностями, — обнадежил Филиппов. — А вы их споили, и — в сторону.

— Товарищ полковник, если уж говорить прямо, так не секрет, что на объекте пьют все.

Лицо начальника объекта зашлось краской.

— Вы это бросьте! Это неправда. Вы клевете на товарищей, сидящих в зале. Кто вам дал право чернить всех офицеров объекта?

Они сейчас встанут и скажут вам: вы лжете.

Володя Дубикайтис. 1956 г.

Но никто не спешил вставать. Представив себе весь возможный комизм ситуации с гневными выступлениями товарищей из зала, мы с Дубикайтисом прыснули от смеха. Понял и Козлов, что сказал лишнее. А Филиппов продолжал наседать на бедного морячка:

— Скажите, с кем вы пили из сидящих в зале? Назовите конкретные фамилии.

Совсем напуганный лейтенант назвал несколько фамилий офицеров одного с ним ранга, прибавив к ним почему-то начальника по технике безопасности подполковника Ткача.

— А вы знаете приказ министра о пресечении пьянства в армии? Вы думаете, зачем в гарнизонах запрещена продажа спиртных напитков? Знаете ли вы, что военным в закрытых гарнизонах вообще запрещено пить? — наседали полковник.

— Да, знаю. Когда был курсантом, я не пил, так как курсантам пить было запрещено, — продолжал Козлов.

— А теперь, значит, можно. Стал офицером и — можно пить, — не унимался Филиппов. — А вдруг в тот вечер, когда вы пьянствовали, случилась боевая тревога. Что вы сможете сделать в таком состоянии? А вы сейчас — временно исполняете обязанности начальника службы. Вы знаете, чем отличается гражданский человек от военного? Тем, что у офицера нет свободного от работы времени, он всегда на службе и в любой момент должен быть готов к выполнению своих обязанностей. А вы считаете, что после шести можно делать все, что угодно, так как это — ваше время. Беда в том, что вы не чувствуете себя военными, как это положено в войсках. Поднялись бы в 5 часов утра да легли в

час — не было бы времени на пьянство! Сейчас за пьянство в два счета из армии вылететь можно. Попадись вы пьяный в Москве — демобилизуют, как пить дать, и никакая система не поможет.

Мы, с Дубикайтисом, переглянулись. Такие слова мы слышали впервые. Значит, из системы все же можно вырваться.

А Филиппов между тем продолжал:

— Хотите пить — приходите завтра ко мне и пишите рапорт. Предупреждаю, кого увижу пьяным, пусть пеняет на себя — демобилизую!

Далее разбирательство для нас стало неинтересным. Главное мы слышали. Видимо, и командирам происходящее стало надоедать. После покаянных слов Козлова и Руденко каждого из виновников собрания командир спрашивал в лоб:

— Пить будете? — и, конечно же, получал отрицательный ответ.

Запланированное заранее осуждение нарушителей дисциплины товарищами было вялым и неубедительным. Никто, конечно, Козлова под суд не собирался отдавать, и все ограничилось выговорами. В заключительном слове подполковник Сосновский сказал:

— Думаю, что кобелирующие дебоширы осознали свое поведение, оцененное пока что выговорами. Все остальное им объяснят их жены.

Из клуба мы шли окрыленные надеждой на возможную демобилизацию. Если кадровые офицеры боялись ее, как огня, то мы, насильно призванные в армию, ждали ее, как манны небесной. Постоянно внушаемый нам тезис: от нас — либо в генералы, либо на тот свет — получил трещину. Вспомнилась история, рассказанная старожилками объекта, о демобилизации некоего капитана Петухова. Она произошла несколько лет тому назад и уже обросла легендарными подробностями.

Капитан Петухов страстно стремился уйти из армии. Для этого он перепробовал множество способов: от нерадивого отношения к службе и пьянки до нетоварищеского отношения к женщине. Но ничего, кроме понижения в должности и задержки присвоения очередного звания, этим не добился. На некоторое время он затих и стал совсем незаметным в гарнизоне.

А потом заместителю командира части по политической работе докладывают: у капитана Петухова в углу комнаты висит икона, да еще

с лампадой. Пошли проверить — действительно имеется икона Николая-угодника и перед ней теплится лампадка.

— Как же так, товарищ Петухов, — вы, советский офицер, окончивший высшее военное учебное заведение, и компрометируете себя религиозным дурманом? — с горечью спросили его в политотделе.

— Уверовал, товарищ подполковник. Уверовал в Господа Бога и Святую Троицу, и очень сожалею, что не сделал этого раньше, — и капитан Петухов осенил себя крестным знамением.

Скандал назревал серьезный: в воинской части совершенно отсутствует антирелигиозная пропаганда! И не составляет большого ума, чтобы догадаться, кто в этом виноват. Командир части и его замполит крепко задумались и решили поскорее избавиться от опасного офицера. Какими способами они действовали — неизвестно, но очередной рапорт капитана Петухова о демобилизации был удовлетворен. Вскоре пришел и приказ об увольнении в запас.

Рассказывают, что, удостоверившись лично в наличии приказа, капитан Петухов поспешил домой. Он снял со стены икону вместе с лампадкой, вышел во двор, демонстративно раскрутил над головой ненавистные коммунистам предметы культа и забросил их далеко в кусты.

Через несколько дней сослуживцы провожали капитана Петухова за зону, при этом замполит долго тряс его руку и все приговаривал: «Ну ты и фрукт, Петухов!...». С молчаливого согласия командования арсенала и руководства Главного управления эту историю замяли, и она превратилась в устную легенду.

Как поется в старой песне, «...С матросом танцует матрос». 1956 г.

Спустя месяца два после прибытия на новое место службы у меня стали болеть глаза. По утрам я просыпался с воспаленными веками и красными глазными яблоками. Иногда глаза воспалялись настолько, что я вынужден был идти в санчасть.

Полковник Нырков к этому отнесся сочувственно и просто:

— Идите и лечитесь. Мне ваше здоровье ценнее вашей работы. Нам нужны здоровые и крепкие работники.

Медсанчасть гарнизона помещалась в старом финском домике. Все в ней было серым и невзрачным: и тесные помещения, и устаревшее повидавшее виды оборудование, и гражданские врачи и сестры.

Обратился я к офтальмологу Хуцишвили, худосочному грузину со щегольскими черными усиками. Он без особого интереса посмотрел мне в глаза, оттянул оба века и спросил, болели ли у меня раньше глаза. Я ответил, что сколько себя помню — у меня всегда наблюдалось небольшое покраснение век, но таких воспалений не было. Помню, что диагноз мне ставили — блефарит и приписывали пить пивные дрожжи.

Это сообщение врача явно удовлетворило, и он тут же его повторил своими словами, добавив к нему еще и конъюнктивит. Были выписаны капли и мазь, которые я получил тут же в аптеке. Он освободил меня от работы на три дня, после чего назначил очередную встречу. Оставалось выяснить, по каким причинам произошло обострение моего старого недуга. На него не обратили внимание ни на комиссии в военкомате, ни при заполнении медицинской книжки офицера в Багерово.

И хотя Хуцишвили никак не поинтересовался характером и условиями моей работы, я был склонен связывать заболевание глаз с постоянной работой при искусственном освещении. О чем то более серьезном думать не хотелось.

По вечерам к нам в общежитие часто приходил на посиделки майор Гапонов, ответственный за контроль радиоактивной безопасности в наших помещениях. Он был человек весьма эрудированный, остроумный собеседник и просто приятный человек. Мы часто играли в преферанс, ходили вместе в кино, обсуждали

литературные новинки, но никогда не касались вопроса: а какие же дозы радиоактивного облучения получаем? Он уходил от прямых вопросов, ничего внятного не говорил на эту тему и только загадочно улыбался:

— Не беспокойтесь — ничего страшного вы не получаете. Все — в пределах нормы. Правда, что такое норма, ни я, ни врачи точно не знают...

На работе в производственных помещениях я ни разу не видел, чтобы он что-то чем-то измерял. Ни стационарной контрольной измерительной аппаратуры, ни индивидуальных индикаторов у нас не было. Мы полагались на слова симпатичного майора: ничего страшного вы не получаете! Когда я однажды спросил Гапонова, не может ли быть мое воспаление глаз как-то связанным с радиацией, он ничего не ответил.

И все же у меня появился козырь в партии за освобождение от армии. Я еще не знал, когда и как я его разыграю, но был уверен, что непременно использую.

И такое время пришло, когда мне сообщили, что с меня сняли пятнадцатипроцентную надбавку за секретность. Сняли потому, что я — техник, который числится по штатному расписанию в службе хранения у майора Халевина. В сборочной бригаде полковника Ныркова, где и инженеры, и техники эту надбавку получают, я, оказывается, работаю временно. Эта явная несправедливость стала последней каплей моего терпения. Я принял решение добиваться демобилизации и не ждать, когда меня переведут в инженеры.

К тому же с глазами у меня было по-прежнему плохо. Ни капли, ни мази не помогали. Посещения врача участились, освобождения от работы — тоже. Учитывая все эти обстоятельства, я засел за составление рапорта. Писал его в дни болезни, так что никто, даже мой друг Пересторонин, ничего о нем не знал. Через какое-то время рапорт был готов. Привожу его дословно:

Начальнику Главного Управления тов. Егорову инженер-лейтенанта Вишневого В. И.

Рапорт

Я, Вишневский Валентин Иосифович, по квалификации радио-инженер, окончил в 1955 году Харьковский политехнический институт им. В. И. Ленина. Незадолго до защиты дипломного проекта из г. Москвы приехал представитель Министерства Обороны подполковник Романов и отобрал мое личное дело для оформления назначения меня на инженерную работу в рядах Советской Армии.

Личное согласие на работу в армии я не изъявлял, что было оставлено без внимания. Мне, как и многим другим, сообщили, что нас берут по специальному постановлению Совета Министров о привлечении молодых специалистов из вузов для работы в рядах Советской Армии. В беседе с представителями Министерства Обороны выяснилось, что мне присваивают звание инженер-лейтенанта и я буду работать согласно квалификации радио-инженера. Приказом Министра Обороны от 11 июня 1955 года за № 00106 мне было присвоено звание младшего инженер-лейтенанта, а в августе я был прикомандирован к в/ч 04201 и послан на переподготовку в в/ч 93929. Там я прошел девятимесячный курс обучения по специальности «радиотехника» и дополнительно по специальности «автоматика». Здесь же за успешные показатели в учебе мне досрочно было присвоено звание инженер-лейтенанта.

После переподготовки я прибыл в распоряжение отдела кадров Управления, где происходило распределение на работу. Мне было предложено ехать на должность инженера к тов. Товмачу. Я не мог дать своего согласия на это назначение, так как по состоянию здоровья в тех климатических условиях мне работать нельзя. Другое место, куда мне предложили ехать — к тов. Филиппову, но не на должность инженера и даже не на должность старшего техника, а просто техника службы хранения. Других мест не было, так как штаты были полностью укомплектованы. Я подал рапорт тов. Грачеву о предоставлении мне работы на производстве инженером-приемщиком, но

удовлетворительного ответа не получил. Мне ничего не оставалось делать, как ехать к тов. Филиппову.

По прибытии на место назначения меня определили на работу техником, но даже не по специальности, т. е. на такую работу, которую на моем месте с таким же успехом мог бы выполнять любой офицер даже без среднего технического образования. Числясь по штату в службе хранения, я работаю в службе сборки, что не позволяет мне пользоваться даже привилегиями той службы, в которой я работаю — сборки (имеется в виду надбавка к должностному окладу 15 %).

Проработав более месяца, я понял, что никакой надежды на получение инженерской должности (как мне говорили в Управлении тов. Грачев и тов. Бек) не может быть, так как штаты полностью и твердо укомплектованы, работать же техником — нецелесообразно.

Мотивируя причинами, указанными ниже, прошу уволить меня в запас из рядов Советской Армии. Причины эти следующие:

1. По квалификации радиоинженер-конструктор, я вынужден работать техником не по специальности. Считаю, что государство тратило средства на обучение меня в течение пяти лет в институте для того, чтобы я приносил пользу на том участке работы, которая соответствует моей специальности и квалификации. Только в этом случае средства, вложенные государством в мое обучение, могут быть оправданы. Таким участком являются промышленные предприятия страны. Если бы я не был инженером, меня бы не взяли в армию. А получилось просто нелепо: взяв в армию из-за того, что я инженер, меня сделали техником. Нет инженерских должностей — следовательно, не нужны в данный момент и инженеры, а раз так, то дайте мне возможность работать на производстве, которое в данный момент нуждается в инженерах.

2. У меня — длительное заболевание глаз — острый хронический блефарит и конъюнктивит, которые при моем назначении в армию не учитывались, так как медицинской

комиссии я не проходил (если не называть комиссией пятиминутный опрос: болел или не болел той или иной болезнью). При этом заболевании глаз вредно сказывается действие искусственного освещения, а тем более, вредна работа при постоянном недостаточном искусственном освещении. В этом я мог убедиться, проработав более месяца, так как из-за острого воспаления век и глазных яблок вынужден был несколько раз обращаться за медицинской помощью и пролежать несколько дней с больными глазами. Медицинское вмешательство, ввиду того, что в санчасти нет опытного окулиста, не принесло никакого облегчения. В результате этого я в данный момент освобожден от работы и вынужден лежать дома. Моим глазам требуется длительное квалифицированное лечение и другие условия работы, а этого сейчас нет.

Исходя из этих основных причин, прошу меня уволить в запас. Думаю, что на предприятиях нашей системы все же нужны инженеры.

18 августа 1956 года

Вишневский В. И.

Я привожу полностью и без изменений этот многословный рапорт и удивляюсь его наивности. Мне тогда казалось, что мои неопровержимые доводы будут учтены и, конечно, удовлетворены. Я не понимал, что моя персона — незаметный винтик в огромной военной машине, на который никто просто не обращал внимания. А я пытался что-то объяснять и аргументировать. Но желание оставить армию я, как мог, отстаивал. Очень хотелось работать на производстве, даже на предприятиях нашей системы.

Но в рапорте совсем ничего не было сказано о третьей причине — чувстве несвободы, которое тяготило меня больше, чем неурядицы с должностями и неприятности болезни. Я впервые испытал его в Багерово и даже этому удивился. Угнетало отсутствие свободы собственного выбора. Любое ограничение действий и желаний, принудительное навязывание того, с чем я был не согласен, уже тогда свидетельствовали о том, что в армии мне быть противопоказано.

Но не мог же я написать в рапорте, что не могу жить за колючей проволокой, не могу выполнять нелепые приказы и быть полностью зависимым от воли командира. И эта третья причина, как я сейчас понимаю, была основной.

Выждав удобный момент, я зашел в кабинет Филиппова.

— Здравия желаю, товарищ полковник! Я к вам — по двум вопросам. Первый касается пятнадцатипроцентной надбавки к должностному окладу, которую у меня сняли.

— По распределению Управления вы прибыли в службу хранения и такая надбавка вам не положена.

— Тогда — второй вопрос: я принес вам рапорт об увольнении из армии и хотел бы, чтобы его передали в Управление.

— Он у вас подготовлен? Давайте.

Я подал рапорт, после чего наступила длительная тишина. Филиппов молча прочел рапорт и спокойно сделал два замечания, с которыми я согласился. Так он посчитал мелочным упоминание о пятнадцати процентах и посоветовал это опустить.

Филиппов Б. Н. (в центре) на одной из встреч с бывшими сослуживцами. 1982 г.

В это время в кабинет вошли подполковник Новиков и майор Марков. Филиппов ознакомил их с рапортом, и началась утомительная и бесплодная дискуссия трех против одного.

В ней было все: от обвинений меня в пренебрежении интересами государства и неуставной подачи рапорта до призывов к терпению и обещанию в ближайшее время решить вопрос об инженерской должности. С горечью Филиппов сетовал на то, что сейчас молодые офицеры не так понимают смысл военной службы, как они — когда-то. Новиков пытался призвать на помощь идеалы Родины и партии. Марков предлагал не спешить с принятием решения об увольнении.

Но мои доводы, подробно и убедительно изложенные в рапорте, они опровергнуть не могли. Временами я так обезоруживал их простыми фактами, что мои начальники, значительно сильнее меня в демагогии, вынуждены были замолкать. Разговор длился часа полтора. Надо отдать должное моим оппонентам: они вели дискуссию корректно, не оскорбляя мое достоинство и не переходя на личности. Была избрана тактика убеждения, а не подавления. Но обе стороны остались при своих мнениях. Несмотря на советы Новикова не принимать мой рапорт, как «необоснованный и неубедительный», Филиппов рапорт принял и обещал дать ему ход. Я счел необходимым заметить, что о рапорте никому не говорил, на что командир части живо среагировал.

— Боитесь, что другие последуют вашему примеру? Этого не будет...

— О других не знаю, но еще несколько из бывших студентов готовы написать рапорты.

Свежая струя, которую хотели влить в армию, распылилась еще в отделе кадров Управления, — ответил я.

— Уж не Дубикайтис ли? Но он добровольно согласился приехать на объект. Это я точно знаю, так как присутствовал при его назначении, — заметил Марков.

Уже во время нашего длительного словесного турнира мне стало становиться ясным, что мои доводы по поводу того, где и как меня лучше всего использовать, в армии не будут учитываться, тем более — в нашей системе. А вот на состояние здоровья они должны будут отреагировать.

Я продолжал осаждать своего глазного врача, но ничего, кроме капель и мазей, он предложить не мог. Старался избегать меня, но в конце концов настолько привык к моим визитам, что пообещал отправить в больницу райцентра к опытному офтальмологу.

Пропуск на выезд из зоны был выписан, выписку из болезни Хуцишвили написал, и я первым же автобусом отправился в районную поликлинику города Валдая.

Поликлиника в двухэтажном доме была такой старой, как и сам городок со своими десятью тысячами жителей. Его лучшие годы давно прошли. Осталось только звонкое имя, давшее когда-то название известным в старину валдайским колокольчикам. Железная дорога

оставила городок в стороне, и он задремал на берегу одноименного озера.

Как ни странно, но и врач-офтальмолог был тоже стареньким румяным старичком с седой щеточкой усов. Он приветливо меня принял, заботливо усадил перед простенькой лампой и участливо спросил, на что я жалуюсь. После непродолжительного осмотра, он сел за стол и стал писать пространное предписание. Он подтвердил диагноз моего грузинского друга и добавил к нему еще несколько непонятных для меня слов.

— Между прочим, вы, товарищ лейтенант, не первый, кто обращается ко мне с подобными заболеваниями глаз. Основой их является нарушение обмена веществ, усугубляемого характером освещения, при котором вам приходится работать.

В рекомендациях лечения числилось целых семь пунктов, включающих в себе капли, мази, примочки, уколы, диету и даже ношение темных очков. Следующий визит было рекомендовано нанести через неделю.

А пока я пошел в ближайший же продуктовый магазин и загрузил пустой чемодан водкой и вином. Мой выезд за зону стал известным друзьям по общежитию, и они с нетерпением ждали моего возвращения. Остаток времени провел в ресторане в ожидании автобуса.

* * *

В работе произошли изменения: меня перевели в службу хранения к Халевину. Я уже ездил с новой службой на «перевалку», принимал участие в штатных проверках изделий, находящихся на хранении. На авральных работах по-прежнему помогал сборочной бригаде Ныркова.

Дед мне явно симпатизировал и не упускал возможности при случае поговорить о жизни и последних международных событиях. Когда же до него дошли слухи о моих попытках уйти из армии, он отозвал меня в сторону и спросил:

— Значит уволиться решили? Не боитесь, что на гражданке будет труднее, чем в армии? Ведь здесь мы на всем готовом: одевают-

обувают, предоставляют жилье, платят неплохие деньги и даже думают за нас.

— Вот это меня и не устраивает, я сам хочу думать за себя. А к преимуществам военной жизни еще не успел привыкнуть. Да их у меня не так уж и много.

— Не скажите, не скажите: вон мои ребята, как огня, боятся демобилизации. Где им еще будет такая лафа?

— А я слышал, Григорий Гаврилович, что вы и сами когда-то писали рапорт об увольнении.

— Неправда это. Все это — враки. Нет, я дослужу свой срок, хотя он уже давно вышел. А вот те, которые помоложе — Глов, Марков и даже сам Сосновский, — пробовали уйти из армии. Да ничего у них не получилось. Слишком глубоко они, голубчики, завязли в системе.

После таких откровений полковника я его еще больше зауважал, а на среднее звено начальников, которые руководили службами, стал смотреть другими глазами.

Вторично побывал в районной поликлинике перед днем моего рождения. Ничего нового ни я, ни доктор сказать друг другу не смогли. Все осталось по-прежнему. А вот с очередным заполнением чемодана водкой случилось осложнение. Она почему-то исчезла с прилавков магазина. Пришлось загружаться коньяком и отвратительным вином.

В автобусе встретил Келеберденка, который впервые вез в зону свою молодую жену. Она — учительница русского языка и литературы, совсем недавно закончившая институт. Очень переживает — найдет ли в городке работу по специальности? Для молодых учителей это всегда большая проблема. Я обратил внимание, как широко и испуганно были открыты ее глаза, когда она пересекала ряды колючей проволоки. Не намного радостней был вид и у мужа.

Он уже получил отдельную квартиру, в которую я помогал переносить их вещи. За семь дней его отсутствия в городке на туфлях и стенах появился пушок плесени. «От і домовинку получив», — с горькой улыбкой похвастался Юра. Квартира в только что построенном доме была сырой и отдавала запахом погреба. Его «электрический кирпич» — кирпич, обмотанный спиралью, работал от сети круглосуточно, но с сыростью справиться не смог. И это ему еще повезло. А вот Бахарев не может привезти свою жену, так как в его службе с распределением квартир свои трудности.

На день моего рождения в комнату общежития мы с Юрой Пересторониным пригласили ребят, с которыми у меня сложились хорошие отношения. Среди них были капитан-лейтенант Пискарев и майор Гапонов, доступные в общении офицеры, которые служили в арсенале не один год. Оба получили высшие военные образования, интересовались историей, искусством и были интересными собеседниками. Их отличал широкий взгляд на происходящие перемены в стране и международные события. Пискарев был коренным ленинградцем, носителем исконной питерской интеллигентности и оптимизма. Гапонов — москвичем, что выражалось в его спокойном и деловитом характере, немногословии и изрядной доле скептицизма. Когда они собирались вместе, то обязательно о чем-нибудь спорили. Видимо, в этом находили выход своим нереализованным возможностям и знаниям. А знали они несравненно больше, чем остальные офицеры.

Сегодня они затеяли дискуссию о том, какие сведения советская разведка могла предоставить нашим ученым из американских секретов атомной бомбы. Это скорее напоминало диалог, чем дискуссию.

— Еще в училище нам рассказывали на лекциях о принципе действия и устройстве первых атомных бомб, сброшенных на японские города, — сказал Пискарев. — Когда же мне пришлось познакомиться с нашими изделиями, то у меня не было ни малейшего сомнения, что они — копия американской бомбы, сброшенной на Нагасаки. Я не знаю, как и кем были добыты эти секреты, но в наших изделиях они были использованы в полном объеме.

— А ты знаешь, что главный секрет атомной бомбы был раскрыт еще до войны в работах советских, немецких и американских физиков — цепная реакция деления ядер урана с выделением огромной энергии, — ответил ему Гапонов. — Эти работы публиковались в физических журналах, обсуждались на научных семинарах в институтах. Но на работы с ураном тогда смотрели только как на новые достижения атомной физики, позволяющие раскрыть тайны строения материи. О применении этого явления для создания оружия пока еще не думали.

Только в 1939 году Эйнштейн в письме к президенту Рузвельту написал, что немцы могут первыми сделать атомную бомбу. После этого письма все работы по исследованию атомного ядра урана в

США, Великобритании и Франции были засекречены, а результаты их исчезли из открытой печати. Только наши физики продолжали публиковать свои работы, хотя СССР всегда отличался приверженностью к секретам.

В 1940 году директор Института химической физики академик Н. Н. Семенов тоже написал письмо в свой наркомат с предложением об организации работ по новому виду оружия фантастической силы. Но там сочли такое оружие фантазией. И только после того, как в 1941 году наши разведчики в Лондоне раздобыли секретный доклад комитета о работах над созданием атомной бомбы, наши ученые поняли, что они бесплодно держали в своих головах...

Пискарев оживился:

— Так все же разведчики были! И имели возможность проникнуть в секретные лаборатории.

— Главное — не в этом, — продолжал Гапонов. — Главное — то, что только после этого сообщения советское правительство приняло решение развернуть работы по военному использованию атомной энергии. А наши ученые перестали сомневаться в своих необыкновенных результатах. К этому их подтолкнула и начавшаяся война. Без сомнения, наша разведка сильно помогла в создании советского атомного оружия, но это была не столько техническая, сколько психологическая помощь.

По сути в разговоре были высказаны две распространенные точки зрения на роль советской разведки в создании нашей атомной бомбы. Какая из них соответствует действительности — до сих пор является спорным вопросом. Я слушал этот разговор с большим интересом, так как в то время многое из сказанного было для меня неизвестным.

Прошли десятилетия, рассеялись тучи холодной войны, рассекречены и опубликованы материалы о работе нашей разведки в США и Великобритании. Одной из лучших книг, посвященных теме атомного шпионажа, является книга, написанная профессиональным контрразведчиком Владимиром Чиковым^[24]. На основании материалов этой книги и других публикаций я составил хронологию событий тех лет.

А как же оценивали вклад разведки в создание советской атомной бомбы ее главные творцы?

Академик Курчатов И. В. как-то сказал Завенягину, будущему министру среднего машиностроения: «Если быть объективным, Авраамий Павлович, мы должны сказать огромное спасибо разведке. Вклад ее в создание первой советской атомной бомбы составляет шестьдесят процентов, остальные сорок — наши^[25]...». Чуть позже он снизил эту оценку до «фифти-фифти».

А вот мнение Харитона Ю. Б., академика, почетного руководителя Российского федерального ядерного центра, конструктора первой советской атомной бомбы: «Когда мы получили информацию о том, что бомба, о которой нам было ранее сообщено, успешно испытана в США, стало ясно, что и нам лучше испытать именно эту схему. Необходим был самый быстрый и самый надежный способ показать, что у нас тоже есть ядерное оружие. Более эффективные конструкции, которые нам виделись, могли обождать».^[26]

Теперь об этом пишут...

Хронология событий и действий разведки в связи с созданием советской атомной бомбы

Конец 1938 г. Отто Ган и Фриц Штрассман открыли явление деления ядра атома урана.

1939 г. В США, Англии, Франции и Германии развернуты работы по применению урана как взрывчатого вещества.

Конец 1939 г. Теллер, Сциллард и Эйнштейн уговорили президента Рузвельта создать Консультативный комитет по урану в США.

1940 г. Исчезли открытые публикации по урановым исследованиям.

25 сент. 1941 г. Из Лондона Маклин («Гомер») сообщает в Москву о совещании Уранового комитета Великобритании. Некоторые материалы были переданы советским ученым. Их ответы были неопределенными и пессимистическими.

Ноябрь 1941 г. Из Лондона через Барковского и Горского получен секретный доклад Уранового комитета

Великобритании. В нем указана критическая масса и мощность атомной бомбы. Но Берия не спешит докладывать Сталину. Завербованы супруги Козны — Морис («Луис») и Леонтина («Лесли»).

Леонтина и Морис Козны («Лесли» и «Луис») — наиболее удачливые наши шпионы.

Конец 1941 г. В посольство СССР в Англии пришел Клаус Фукс («Чарльз»), предложивший сотрудничество с советской разведкой. Работал над газодиффузионной очисткой изотопов урана.

Клаус Фукс («Чарльз») по доброй воле передал нашей разведке атомные секреты.

22 февр. 1942 г. В полевой сумке убитого немецкого офицера найдены графики и формулы по урану и тяжелой

воде.

Май 1942 г. Флеров пишет второе письмо Сталину о необходимости создания атомной бомбы. Только теперь Берия докладывает Сталину о материалах разведки по атомным делам. Сталин встречается с академиками П. Капицей, Н. Семеновым, В. Хлопиным и В. Вернадским. «Луис» вербует Филдинга («Персей»).

Осень 1942 г. Специальное заседание ГКО. Руководителем советского атомного проекта назначается Курчатов И. В. В разведке дело называется «Энормоз».

7 марта 1943 г. Курчатов знакомится с материалами разведки и дает свое заключение. Ставит перед агентами новые вопросы по разработке отдельных узлов и технологий.

Декабрь 1943 г. Из Нью-Йорка от «Персея» получены более 10 разведматериалов по атомным проблемам. О том, что «Манхэттенский проект» осуществляется в Лос-Аламосе, о его руководителях — Р. Оппенгеймере и Л. Гровсе, о запуске уранового котла с самоподдерживающейся ядерной цепной реакцией, о налаживании выпуска чистого урана.

3 авг. 1943 г. Курчатов рассматривает эти материалы и дает им оценку — «крайне необходимые» и «особенно важные». Он приходит к выводу о необходимости создания уранового котла для производства начинки атомной бомбы — плутония.

12 апр. 1943 г. АН СССР создает Лабораторию № 2, руководителем которой назначается Курчатов.

Лето 1943 г. Л. Квасников («Антон») в Нью-Йорке создает группу научно-технической разведки (НТР), куда входят А. Феклисов («Калистрат»), А. Яцков («Джонни»), С. Семенов («Твен») и другие. Вербуются агенты-связники. Была задумка завербовать даже Э. Ферми и Р. Оппенгеймера.

Феклисов А. С. («Юджин», «Калистрат»), который напрямую работал с Клаусом Фуксом.

Август 1943 г. «Лесли» получает в Альбукерке от «Персея» пачку документов для передачи Курчатову.

Февраль 1944 г. Фукс («Чарльз») выходит на связь с Голдом («Раймонд») в Нью-Йорке. Передает информацию по производству взрывчатки в Ок-Ридже, что свидетельствовало о постановке производства атомного оружия на промышленную основу.

Февраль 1945 г. Фукс из Лос-Аламоса передал сведения о своих работах по определению критической массы и имплозии (взрыве внутрь).

Апрель 1945 г. Курчатов дал заключение по материалам «Персея» и «Чарльза» и попросил разрешения ознакомить с ними Харитона, конструктора нашей атомной бомбы.

Март 1945 г. В Канаде завербованы Гальперин («Бэкон»), Мазерал («Багли»), Смит («Бад»), Мэй («Алек»). «Алек» передал советской разведке образцы обогащенного урана-235.

Июнь 1945 г. «Персей» через «Лесли» передал схемы имплозивных линз и чертежи готовой бомбы. Сообщил, что испытание ее назначено на 10 июля. «Чарльз» передал через «Раймонда» технические данные о бомбах «Толстяке» и «Малыше».

2 июля 1945 г. Курчатов ознакомился с конструкцией плутониевой бомбы «Толстяк» и датой ее испытания.

18 авг. 1945 г. Сталин принял решение о разворачивании широкомасштабных работ по индустрии создания атомной бомбы. Создан Спецкомитет под руководством Берии и Ученый совет под руководством Б. Ванникова.

1946 г. После предательства нашего шифровальщика Гузенко (5 сентября) в Канаде было арестовано 20 советских агентов. Центр свернул разведывательную работу до минимума.

27 сент. 1947 г. Фукс передал Феклисову («Калистрату») данные о создании английской атомной бомбы и о том, что Теллер начал работы по водородной бомбе.

Начало 1949 г. Абель («Марк») вышел на связь с «Луисом» и «Лесли» и стал передавать через Соколова («Клод») материалы для Центра.

1949 г. Сталин и Берия настояли на том, чтобы первая советская атомная бомба РДС-1 была копией американской плутониевой — «Толстяка».

29 авг. 1949 г. Советская атомная бомба была взорвана на вышке под Семипалатинском.

По материалам отечественной и зарубежной печати

* * *

Новость о подаче рапорта на увольнение стала известна сначала Ныркову а потом — и всем моим знакомым. Особенно она тронула Володю Дубикайтиса, который сам мечтал о демобилизации. Он вечером пришел ко мне, стал расспрашивать о беседе с Филипповым и излагать свои планы. Они у него были расплывчатыми и неконкретными. Сразу чувствовалось, что в основу их он брал какие-то моральные конструкции, почерпнутые у античных писателей и философов. Наряду с поэзией, он увлекался классической литературой,

которую цитировал и использовал, как руководство к действию. Но Демокрит и Эпикур в своих творениях только подтверждали и объясняли его нынешнее незавидное положение, но не давали рекомендаций, как из него выйти, что очень огорчало Володю.

Когда Дубикайтис надоедал мне своими древнегреческими философами, я применял испытанный способ, якобы дискредитации его кумиров:

— Ты считаешь их как великих авторитетов, а они утверждали, что атомы — вечны и неразрушимы, неизменны и неуничтожаемы. А наша с тобой работа заключается в том, чтобы практически показать, что это ложные постулаты, горькая неправда.

— И что из этого выходит? Дьявольщина, путь к Апокалипсису! А древние предупреждали. — горячился Володя.

— Ничего они не предупреждали, просто — не могли знать, хотя твой Эпикур различал атомы даже по гладкости, округлости и шероховатости, — не унимался я.

— А как тебе то, что Демокрит писал: «Если бы один не обижал другого, законы не препятствовали бы каждому жить по своему желанию». Разве это не про нас? Но как сейчас обойти эти законы, как вырваться из этой дыры? Ты знаешь, что начпо запретил собирать грибы? Это, видите ли, «отвлекает от работы и подрывает воинскую дисциплину». Ну не мудака?..

Боже, как я хочу домой! Я даже стихотворение сочинил, которое кончается так:

Снова б я вздохнул свободно,
Полной грудью, широко,
Положил бы все, что можно
На начальство и начпо.

— Володя, недавно Марков сказал, что сюда, в эту, как ты выразился, дыру, ты приехал добровольно?

— Врут. В Управлении меня так запугали Сибирью, что при слове «Новгород», который близко от моего Ленинграда, я согласился на это назначение. Кто знал, что здесь столько колючей проволоки?..

Сидевший на кровати Пересторонин, задумчиво произнес:

— А я пока обожду отсюда вырываться. Как подумаю, сколько сил придется истратить, сколько неприятностей принять, не хочется все это и затевать. К тому же Малому присвоили подполковника, и он идет на повышение. Освобождается инженерная должность, которую обещают мне.

— Я им покажу, как я приехал «добровольно»! — не успокаивался Володя. — После Нового года, как только вернусь из отпуска, я их завалю рапортами, они меня еще узнают.

Совершенно нереальную и опасную тактику увольнения из армии избрал Сережа Камин. Он решил подбить несколько человек на коллективный рапорт. А коллективные действия, особенно направленные против существующего порядка вещей, считались в нашей стране не только неприемлемыми, но и — преступными. Карались они быстро и жестко. Об этом не мог не знать Сергей, но все же — не унимался. На его счастье, сообщников он так и не нашел и снова отдался собственным мечтаниям.

Поздно вечером слушал «правдивую информацию свободного радио» о новых испытаниях ядерного оружия в советской Арктике. Почему я об этом должен узнавать от «вражеских голосов»? Наше радио сообщило об испытаниях только спустя неделю. И тут я понял, почему генерал Никольский заинтересовался нашим радиоприемником: в нем были диапазоны, по которым можно было слушать «Свободу» и «Голос Америки».

«Каменный городок» был гордостью Филиппова. Его обязательно показывали высокому начальству и проверяющим из Управления. Находился он на самой высокой точке объекта, на вершине горы. Белой стеной стояли аккуратные двухэтажные здания, украшенные треугольными фронтонами и миниатюрными балкончиками. Эти балкончики придавали домам нарядный вид, и они напоминали больше корпуса санатория, чем жилых домов. Городок состоял из семи зданий, окружающих большой двор, и трех, стоящих по обе стороны этого каменного каре. Некоторые из домов только строились, и над ними возвышались стрелы башенных кранов. Гудели бетономешалки и самосвалы.

Строили городок заключенные, серую колонну которых мы встречали каждое утро, когда спускались вниз к своему автобусу. Охраняли их всего два охранника. Условия конвоирования были

весьма свободные: колонна шла неспешным шагом, заключенные оживленно между собой переговаривались, конвоиры безучастно шли впереди и сзади и никаких замечаний не делали. При встрече с женщинами зэки оживлялись и отпускали шуточки. Они и нас не оставляли без внимания. Я сам слышал, как из толпы раздалось: «А вот и атомщики проклятые идут...». Это меня тогда особенно удивило, так как официально считалось, что никто ничего о том, что делается на объекте, не должен был знать.

Еще недавно территория была обнесена колючей проволокой. У входа в городок до сих пор сохранилась полосатая будка, шлагбаум и надпись: «Стой! Предъяви пропуск». На опушке леса, вдоль которого проходит дорога, и сейчас стоят предостерегающие надписи «Запретная зона». Лагерь заключенных, расположенный в долине мутной речушки и обнесенный забором со сторожевыми будками, хорошо виден с крыльца клуба. Его называют «Нижний Новгород».

Со сдачей в эксплуатацию большей части домов городка квартирный вопрос в гарнизоне был почти решен. Многие офицеры улучшили свои жилищные условия, а молодые, вновь прибывшие на службу, получили свои первые квартиры. Сюда же был переведен промтоварный магазин — объект постоянного внимания офицерских жен. Снабжался он хорошо, что по тем временам было редкостью. На его складах часто появлялась мебель и ковры. Все это пользовалось большим спросом, но не всем это было доступно. При распределении новых товаров среди офицерских жен действовало неписанное правило: первыми получают жены полковников и подполковников, а потом — уже все остальные. Этому даже никто не удивлялся, хотя пищи для злословия хватало.

Гордость Филиппова «Каменный городок». 1956 г.

Неплохим было снабжение и продуктового магазина: масло, сыры, колбасы, консервы — хорошего качества и в широком ассортименте. Несколько хуже обстояло дело с мясными изделиями и сладостями. И совсем плохо, по единодушному мнению мужчин, — со спирто-водочными изделиями. Их просто не было. Даже — пива. Но, как уже вы поняли, этот пробел заполнялся специальными выездами в райцентр, на которые начальство смотрело сквозь пальцы.

Культурная работа была сосредоточена в клубе и библиотеке. В клубе каждый вечер шли неплохие фильмы, среди которых были и зарубежные новинки. Стараниями молодых офицерских жен была организована самодеятельность: хор, драматический кружок и небольшой оркестр. Но чего-то все же в ней не хватало: выступали со сцены одни и те же люди, репертуар был излишне идеологизирован, не было той сумасшедшинки, которая так привлекает в самодеятельных выступлениях. Зато танцы по субботам и воскресеньям пользовались неизменным успехом.

Одним из развлечений было широкое обсуждение семейных скандалов: поведение неверных жен, пьяные похождения мужей и весьма редкие случаи антиобщественной деятельности молодежи, попросту — хулиганства. Все это немедленно находило свое отражение в служебных, партийно-комсомольских и общественных разбирательствах. Но, в основном, жизнь в гарнизоне текла мирно, спокойно и, я бы сказал, — патриархально. Это, безусловно, было заслугой командира части Бориса Николаевича Филиппова. Он был мудрым начальником: без особых причин и по мелочам не поднимал скандалов, вовремя, еще в зародыше предотвращал возможные неприятности, был доступен и приветлив в личном общении, а все наказания и общественные экзекуции охотно предоставлял делать другим — своим заместителям.

* * *

В середине сентября из Управления на имя Филиппова пришло распоряжение откомандировать меня, согласно моему рапорту, для прохождения военно-медицинской комиссии в Москву. За два дня собрал необходимые документы: справки из санчасти и районной

поликлиники, медицинскую книжку, медицинскую характеристику болезни глаз и командировочное удостоверение.

На бортовой машине вместе с демобилизирующимися солдатами выехал в райцентр. Вечером был уже в Бологое, погулял вдоль озера по улице Кирова, поужинал в ресторане и в ночь выехал в Москву.

В Управлении Чудин и Грачев долго со мной не разговаривали и через какое-то время вручили направление на Военно-врачебную комиссию Московского гарнизона.

— А то, что ты назвал в своем рапорте первой причиной — отпадает. Единственное, с чем еще можно считаться — твоя болезнь, — на прощанье кинул Чудин.

Московская гарнизонная ВВК находилась на Госпитальной улице, в комплексе старинных зданий. Как назло, в этот день глаза не были воспалены, что меня очень огорчило. Комиссию мне назначили на завтра, так что оставалась надежда, что может ночью глазам станет хуже.

Чтобы как-то поднять настроение, этим вечером пошел на концерт Эди Рознера в сад «Эрмитаж». Я уже бывал на концерте его эстрадного оркестра в Запорожье, куда он приехал после своего освобождения из заключения. Тогда исполнение джазовых композиций под его руководством и личное исполнение произвело огромное впечатление. Не разочаровал меня он и сейчас.

На следующий день я сдавал анализы и проходил рентген. Глазам за ночь не стало хуже, так что шел я на комиссию без особых надежд. Но спасение пришло с той стороны, с которой я его совсем не ожидал. На рентгеновском снимке врач обнаружила на легких небольшие затемнения. Происхождение их она определить затруднялась и решила проконсультироваться со специалистом. Это был шанс. И я решил его не упустить.

— Вы болели воспалением легких или плевритом? — спросил меня врач. — Может, когда-нибудь тонули?

— Особенно не болел, но в детстве воспаление легких перенес. Тонуть не тонул, но много и глубоко нырял в реках и на море.

Измерив давление и справившись об условиях моей работы, врач сказал:

— Мы вас направим на стационарное обследование в госпиталь. У вас есть признаки эмфиземы легких.

Через час я уже имел назначение в госпиталь города Рязань, так как в московских госпиталях мест не было.

Глазной врач только подтвердил диагноз Хуцишвили и никаких опасений по этому поводу не выразил. Неожиданный поворот в обследовании меня и обрадовал и беспокоил. Обрадовал возможностью добиться демобилизации по более серьезной причине, чем красные глаза. А беспокоил тем, что в легких все же что-то нашли. Но жребий был уже брошен, и я решил идти до конца.

В Управлении мне дали предписание убыть в г. Рязань в распоряжение начальника госпиталя № 395. Основание: справка Военно-врачебной комиссии Московского гарнизона. Предписание подписал заместитель начальника Главного управления в/ч 04201 генерал-майор М. Никольский.

В госпитале мне сильно повезло: начальником отделения, в которое я поступил, была майор медицинской службы Анна Осиповна Варшавская, моя землячка. Это была красивая брюнетка — женщина энергичная и остроумная. При первом разговоре она вспомнила Харьков, Холодную гору и даже мою родную Нижнюю Гиевку. Она заканчивала наш медицинский институт и тоже когда-то получила распределение в армию.

— Что же вас беспокоит, Валентин? — спросила она меня.

Уже это обращение по имени настраивало на неформальное общение, которое продолжалось во время всего срока пребывания в госпитале.

— Кроме того, что написано в направлении, ничего.

— Пока ничего страшного я здесь не нахожу. Пройдете обследование, подлечитесь и можете снова возвращаться на службу, — обнадежила Анна Осиповна.

— А вот этого мне как раз и не хотелось бы.

— Вы что — хотите демобилизоваться? — удивленно спросила она. — Сейчас, когда идет сокращение армии на миллион двести тысяч человек, это не проблема. Но сначала подлечитесь, а уж потом будем думать, что с вами делать.

И началось лечение того, что меня никогда не тревожило, что я никогда не ощущал. А так как лечебные процедуры, принимаемые лекарства и предписания были необременительными и

общеукрепляющими, то я охотно провел положенный срок пребывания в госпитале.

Я не буду описывать этот месяц, наполненный интересными сопалатниками, госпитальными радостями и тревогами, специфическим больничным фольклором. Главное то, что когда срок пребывания в госпитале закончился, и я предстал перед медицинской комиссией, решение ее меня полностью удовлетворило. Врачебно-медицинская комиссия госпиталя постановила, что я негоден к службе в армии в мирное время и ограниченно годен в военное время.

Со свидетельством о болезни, утвержденном председателем ВВК Московского военного округа полковником медицинской службы Борштенбицером, я поспешил в Управление.

— Ну что, служить будешь? — с порога спросил меня полковник Грачев.

— И рад бы служить, да здоровье не позволяет, — ответил я ему в тон. — Негоден в мирное время и ограниченно годен в военное время.

— Что я тебе говорил? — обратился Грачев к майору Орлову. — Этот не пойдет по «два по двести и — миллион двести», этот выбрал самый правильный путь — болезнь. Что же, лейтенант, ты добился своего. Отправляйся в часть и жди приказа о демобилизации.

Впервые в парадной форме. 1956 г.

Был октябрь месяц, наступали холода, а мои зимние вещи — шинель, шапка, шарф — оставались все еще в Харькове. Получив проездные документы, я перед отправлением в часть решил съездить домой.

В Харькове провел несколько дней, повидался с друзьями, родственниками и даже успел погулять на свадьбе у Нонны, подруги сестры. Потом еще пару дней вместе с Борисом Бабаком развлекался в Москве.

В часть поехал в начале ноября. В поезде встретил полковника Ныркова, возвращающегося из командировки. Сидит, забившись в угол, в фуражечке и белом шарфике и дремлет.

— Ну, как здоровье, как глаза? Вылечил? — спросил полковник.

— С глазами все более или менее в порядке, сейчас не беспокоят, а вот с легкими обнаружились проблемы. Все это, вместе взятое, помогло мне уйти в запас.

— Так вы что же, демобилизовываетесь? — оживился Ныров. — Поздравляю! А пока не придет приказ о демобилизации, будете работать у меня. Сейчас очень много работы. Сами знаете, какая сложная международная обстановка...

Не прошло и десяти минут, как мы уже обсуждали события в Венгрии и Польше. В эти дни в Будапешт были введены советские танки. «Белый террор», как называли наши пропагандисты революцию в Венгрии, сменился «красным террором», как стали называть ввод войск венгры.

— Не хотят наши союзники по Варшавскому пакту быть в социалистическом лагере, — бросил я.

— Все они такие, — резюмировал полковник. — Сколько волка не корми — а он все в лес смотрит. Поляки, наверное, до сих пор жалеют, что не вышли на улицы пострелять, а ограничилась только разгоном колхозов и МТС. Я был в Польше, видел, как там крестьяне жили. Крепко жили — без колхозов, без бюрократизма на производстве, требующего раздутых штатов, бесконечных отчетов и сводок.

Мне приходилось давать заказ на производство оптической аппаратуры немецкой фирмы «Цейс Икон». Так они нам через шесть месяцев уже выдали продукцию. Да еще какую! И это — на почти разрушенном предприятии. Потому что они дорожат маркой фирмы. А руководство фирмы держит думающих, работающих инженеров и создает им все условия для того, чтобы они хорошо работали и безбедно жили. И не на словах, как у нас, а на деле. Верите, они после выпуска первой партии продукции созвали совещание и спросили нас, заказчиков, какие будут пожелания и претензии. Мы только

переглянулись, такого с нами еще не случилось. Производство само предлагало сделать улучшения без напоминаний. А у нас производство стремится как-нибудь сплавить свою продукцию. Вот здесь военная приемка и нужна...

Далее полковник затронул болезненную для него тему — пенсии:

— Самое страшное то, что у нас нет ничего твердого. Можешь служить-служить, установят тебе пенсию, а через год возьмут и срежут, а то и просто снимут.

В заключение дед совсем разоткровенничался:

— А сейчас занялись искоренением культа личности: культ искореняем, а аппарат, создающий этот самый культ, не трогаем.

Так мы с ним всю дорогу и проговорили, сперва в поезде, потом в Валдае в ожидании автобуса. И это говорил тот, кому меньше всего следовало быть недовольным.

* * *

По приезде на объект я пошел к Филиппову и вручил ему бумагу из отдела кадров от Чудина. В ней сообщалось, что такой-то «находясь на излечении в госпитале был комиссован и признан негодным для службы в кадрах Советской Армии». Предлагалось выслать мое личное дело в Главк для оформления приказа о демобилизации.

Несколько дней занимался у полковника Ныркова документацией: вносил исправления в формуляры и инструкции. А потом настали снова горячие денечки: сборка изделий, их проверка и подготовка к отправке. Участились ночные работы по погрузке контейнеров на железнодорожные платформы.

Я продолжал ходить на работу, но отношение ко мне заметно изменилось. Для тех, кто хотел уволиться из армии, я стал авторитетом и советчиком. Для тех, кто боялся такого увольнения, был мишенью шуток и злословий. Начальство предпочитало просто меня не замечать. Правда, почему-то я стал интересовать бухгалтерию, где у меня сделали какие-то вычеты из зарплаты. Вспомнила обо мне и комсомольская организация, на учет в которой я не спешил становиться. За это меня вызвали на комсомольское бюро, комсорг Фаломеев и извиняющимся тоном сказал:

— Вишневский, получено указание вынести тебе взыскание за то, что ты несколько месяцев не становился на комсомольский учет. Мы понимаем, что с выговором уходить на гражданку тебе ни к чему, но и ты нас пойми — указание мы должны выполнить. Какие есть предложения?

— Давай вклеим ему выговор без занесения в личное дело, — предложил один из членов бюро. — И начпо удовлетворим, и Валентину его комсомольские документы не подпортим.

Выговор был проголосован единогласно, и все мы дружной компанией пошли в общежитие.

Надо сказать, что со времени разоблачительного выступления Хрущева на XX съезде КПСС, партийная и комсомольская работа в армии как-то сникла и потускнела. События, связанные с разоблачением культа личности Сталина, в странах социалистического лагеря и внутри самого Союза были намного значительней и интересней, чем анемичная работа военных политработников.

Наш сокурсник по Багерово Михневич писал из Свердловска о волнениях студентов политехнического института. На комсомольской конференции один из студентов-физиков выступил с критикой существующей формы демократии в комсомоле, партии, на выборах в Верховный Совет. Было сказано немало резких слов о жизни в колхозах, о беспаспортных селах, о фиктивных трудоднях. И его многие на конференции поддержали. Этот случай получил широкую огласку и стал темой особого разбирательства в обкоме партии, а потом — и ЦК КПСС. Но разбирательство это было направлено не против недостатков, отмеченных выступающими, а против самих докладчиков.

Аналогичные события происходили и в других вузах, творческих союзах и предприятиях. Смутные отголоски о них просачивались в газеты, которые по-прежнему были «органами», а не средствами информации.

Закрытое разоблачение культа личности на XX съезде КПСС открыло шлюзы для потока обвинений не только Сталина, но и всей партийно-государственной системы. Власть не была готова и не хотела разобраться в истинных причинах культа личности. Была выдвинута официальная интерпретация сталинского режима. Она сводилась к личностному фактору и выводила из-под удара как партию и систему в

целом, так и новых руководителей страны. Этого было явно недостаточно, что особенно остро ощущала молодежь. На одном из собраний в Институте физики молодой ученый Орлов прямо заявил: «Чтобы культ личности не повторился, необходима гласность и демократизация как партии, так и общества».

У нас таких собраний не было и, пожалуй, быть не могло. Чтобы отвлечь молодежь от возможных ненужных мыслей, комсомольские деятели объекта выдали нам лыжи и устроили кросс по девственно-нетронутому лесу. Мы охотно приняли участие в этом необычном мероприятии, но думать не перестали.

К обсуждению событий в Венгрии и Польше прибавились известия со стороны Югославии. Вторично пахло холодком со стороны советско-югославской дружбы. Маршал Тито снова заявил, что югославский опыт строительства социализма лучше, чем какой-либо другой. Это огорчило наших вождей, которые всегда были уверены в обратном. И уже совсем неприятным было заявление Тито о том, что культ личности — это порождение системы.

Открытая дискуссия в обществе продолжалась недолго. В постановлении ЦК КПСС от 30 июня 1956 года возникновение культа личности уже объяснялось не только личными качествами Сталина, но и «объективными» причинами. Говорилось, что строительство социализма велось в условиях «враждебного капиталистического окружения», угрозы нападения извне. Все это требовало железной дисциплины, бдительности, централизации руководства и временного ограничения демократии. А в закрытом письме ЦК КПСС от 14 декабря 1956 года, которое зачитывалось у нас в гарнизоне, уже призывали к «пресечению вылазок антисоветских враждебных элементов». В нем говорилось о том, что, осудив культ личности и приняв соответствующие меры по демократизации партийной и общественной жизни, партия уже преодолела чуждые социализму явления, и никакой надобности в дальнейших дискуссиях не существует.

Хрущев и его соратники боялись глубокого анализа сталинского режима, так как он стал бы для них смертным приговором — им пришлось бы не только уйти с политической арены, но и нести ответственность за происшедшее.

Официально дискуссия о возможной модернизации советского общества была в приказном порядке прекращена. Сложнее было прекратить дискуссии по международным проблемам.

В пропагандистском смысле события в Венгрии и события в районе Суэцкого канала до некоторой степени уравнивали друг друга. Запад обвинял СССР в расправе над венгерской революцией, а мы обвиняли Англию и Францию в агрессии против Египта. Все бы это выглядело обычной пропагандистской шумихой, если бы не было смертельно опасным. Только теперь мы осознаем, что мир в осенние месяцы 1956 года стоял на пороге войны. Не зря же осень этого года была так продуктивна на «перевалки». Но здравый смысл и чувство самосохранения взяли верх. Страх ВГУ — взаимного гарантированного уничтожения — сработал, и третьей мировой войны удалось избежать.

* * *

Напоминанием о возможных кошмарах послужил для нас фильм об испытании атомной бомбы на специальном полигоне. Перед демонстрацией этого кинофильма всех к себе вызвал Сосновский. Он сообщил, что этот «учебный» фильм демонстрируется в отдельных частях Советской Армии, военных научных учреждениях и объектах нашей системы. Фильм закрыт для широкого показа, имеет гриф «секретно». Разглашение его содержания, публичное обсуждение и оценка увиденного запрещены. С этой целью демонстрация фильма будет производиться на территории лагеря заключенных. Естественно, что заключенные во время показа будут изолированы в своих помещениях.

После этого мы проследовали к лагерю в нижнюю часть городка. По списку прошли через КПП и зашли в небольшой кинозал с длинными деревянными скамейками. Здесь собрались офицеры всех служб во главе со своими начальниками. Присутствовали Филиппов, Сосновский, Новиков и начальник охраны режима полковник Роцин.

Первые кадры цветного кинофильма показывали транспортировку атомной бомбы к самолету-носителю. Она находилась на тележке и была зачехлена. В более поздних вариантах фильмов, которые

демонстрируются сейчас, бомбу показывают без чехла. Тогда же ее мог видеть только тот, кто с ней непосредственно работал. Потом пошли кадры зданий, сооружений, мостов, боевой техники и животных, на которых должны были продемонстрировать действие взрыва.

И вот на горизонте появился огненный шар и грибовидное облачное образование, так хорошо теперь известное всему миру.

Последствия взрыва атомной бомбы были показаны по основным видам ее поражающего действия: светового излучения, ударной волны, проникающей радиации и радиоактивного загрязнения. Бесстрастный голос диктора комментировал происходящее на экране и давал технические и метеорологические объяснения.

Наиболее зрелищными были кадры разрушения зданий и повреждения деревьев взрывной волной. Симпатичные белые домики на глазах рассыпались, крыши сметались, а деревья изгибались дугой. Легко опрокидывались автомашины, самолеты, орудия и даже танки.

Не менее впечатляющими были последствия от светового излучения: оплавленная техника, сгоревшие овцы и свиньи. Танк с оплавленной башней вызвал в зале оживление, а наполовину поджаренные свиньи — смех, который вынудил кого-то из начальников призвать весельчаков к порядку. О радиоактивном поражающем действии диктор больше рассказывал, показывая контрольно-измерительные средства. Они смотрелись неубедительно, хотя все мы знали, что это самые страшные и коварные последствия атомного взрыва.

На следующий день полковник Нырклов ходил по залу в хорошем расположении духа. Обходя рабочие места, шутил и охотно вступал в разговоры.

— Как вам вчерашние «веселые картинки»? Прониклись уважением и ответственностью? — спросил он Пересторонина.

— Не столько — уважением, сколько — страхом прониклись, товарищ полковник.

— Никакого страха, только — уважение. А лучше всего — любовь. Работать с изделием надо, как с хорошей девушкой: любите ее, целуйте и ласкайте, но не обращайтесь с ней, как со старой проституткой. И она ответит вам взаимностью.

— Ничего себе взаимность — от изделия. Как это?

— А вот так: все у вас тогда будет идти без сучка и задоринки, начальники вами будут довольны, а это уже — взаимность, — и полковник расплылся в хитрой улыбке.

Я в это время с Пересторониным начищали мелом шары разрядника испытательного стенда. Терли уже битый час, но необходимой чистоты добиться не могли. Надо было использовать пасту «Гойя», но ее почему-то не было.

— Шары разрядника должны сверкать, как у кота... сами знаете что... Трудитесь, товарищи лейтенанты! Скоро предстоит новая и интересная работа.

И мы трудились, если не с любовью, то точно — с уважением. В зале уже стояли несколько собранных и проверенных изделий. Оставалось оснастить их центральными частями, что делала команда Оброкова, когда мы покидали здание и отправлялись домой.

Перед въездом в жилую зону где-то вдалеке послышался взрыв.

— Не Оброков ли приступил к работе? — пошутил Пересторонин.

— Ты что — с ума сошел? Мы бы с тобой этого никогда не услышали. Да и не только мы... — ответил Камин.

В эту ночь снова была работа по разгрузке машин. Прибыло десятка полтора изделий и четыре головные части к ракетам. Это было то «новое», которое обещал нам Нырков. Начала осуществляться заветная мечта советских военачальников — достичь Америку атомным оружием. Если США могли доставлять атомные бомбы со своих баз бомбардировщиками, то СССР основную ставку делал на межконтинентальные баллистические ракеты.

Считается, что инициатором развития ракетной техники в СССР был Хрущев. Но это не так. Идея запуска ракеты Р-1 с отделяющейся боеголовкой, созданная на базе немецкой ракеты Фау-2, была предложена Сергеем Павловичем Королевым еще в 1947 году. Первая геофизическая ракета взлетела с нового полигона в Капустином Яру 2 ноября этого же года.

Работы по изучению составных ракет проводились в НИИ-4 и ОКБ-1 Королева. В начале 1950-х были подготовлены и представлены в правительство СССР докладные записки, в которых прямо указывалось на возможность создания составных баллистических ракет, способных доставлять боевые грузы на межконтинентальные расстояния. Эти докладные записки сыграли решающую роль в

принятии постановления правительства о создании баллистических ракет.

Сталин подписал такое постановление незадолго до своей смерти — 13 февраля 1953 года. Именно тогда родились баллистические ракеты, ставшие основой отечественной космонавтики и главной ударной силой СССР.

В начале февраля 1956 года впервые был произведен успешный пуск баллистической ракеты Р-5 с реальным атомным зарядом. Ракета пролетела более тысячи километров от Капустина Яра до атомного полигона близ города Аральска и донесла атомный заряд, который взорвался на заданной высоте. На очереди были испытания первых межконтинентальных баллистических ракет Р-7.

Вот для этих испытаний и были призваны наши молодые специалисты, которые остались в Москве. Всего из Харьковского политехнического было взято для этой цели около двух десятков человек. Это были выпускники радиотехнического и электротехнического факультетов. Среди них были Вилен Яковчик, Николай Дунаев, Юрий Демьяненко, Юрий Баранов, Глеб Лысов, Володя Чепига, Николай Васильев и другие. После окончания курсов при Военной академии имени Дзержинского около ста выпускников вузов из разных городов страны получили назначения в войска.

Большинство из них попало на недавно созданный полигон Байконур, откуда производился запуск межконтинентальных ракет. Некоторые получили назначение на Камчатку в район падения головных частей. Первый испытательный пуск ракет Р-7 с полигона Байконур был произведен 15 мая 1957 года. Он был неудачным. Первый успешный пуск состоялся только 21 августа 1957 года. Преодолев расстояние 5600 километров, весовой макет боеголовки достиг цели на Камчатском полигоне Кура.

В связи с этим небезинтересно будет рассказать, как неудачи с испытаниями ракеты Р-7 привели к великому триумфу советской космонавтики.

Ракета Р-7, с самого начала предназначенная для военных целей, упорно не хотела взлетать. Семь из восьми пусков не удались. Когда наконец она взлетела, произошли неприятности с макетом боеголовки. Вместо того, чтобы поразить цель, боеголовка сгорела в атмосфере. Макет боеголовки надо было переделывать. В наличии имелось еще

две ракеты, которые предстояло испытать, пока специалисты занимались боеголовкой. И тогда главный инструктор Королев принял спонтанное решение: чем запускать ракету впустую, ее можно использовать для запуска спутника.

Однако искусственного небесного тела с необходимыми приборами, которыми планировалось измерять магнитное поле Земли, еще не существовало. Академия наук не смогла изготовить приборы к назначенному сроку. Королев предложил быстро собрать один простой спутник без какой-либо научной аппаратуры. В противном случае процесс мог затянуться и, по всей вероятности, американцы запустили бы свой спутник первыми.

Проекты и сроки запуска спутников обе стороны держали в глубочайшем секрете. Поэтому когда советский спутник оказался на околоземной орбите, это вызвало в США настоящий шок. На такой резонанс не рассчитывали ни Королев, ни Хрущев.

Первый спутник умел только пищать и на большее не был способен. Но политическое действие его сигналов, которые мог поймать каждый радиолюбитель, было грандиозным. Всему миру стало ясно, Советы теперь могут бомбить Америку атомными зарядами со своей территории.

Все эти сведения сейчас опубликованы в открытой печати. Тогда ничего этого мы, несущие службу в арсенале, не знали. Но хотелось бы обратить внимание на то, что к нам головные части ракет стали поступать еще задолго до их успешных пусков. Пока одни выпускники ХПИ принимали участие в испытаниях межконтинентальных баллистических ракет и определяли эллипс рассеивания макетов их головных частей, другие выпускники уже готовили к работе их боевые головные части.

Принципиальных отличий в принципе действия и устройстве новых изделий не было, а конструктивные особенности мы освоили очень быстро. Еще раз напоминаю, что у нас на дворе была поздняя осень 1956 года.

Дубикайтис пришел в нашу комнату и с ужасом сообщил известие о том, что с Нового года намечается увеличение бригады с 32 до 74 человек. Будут введены несколько новых инженерных должностей. Это его более всего тревожит. Если его переведут из техников в инженеры, он теряет единственную причину, по которой хочет

демобилизоваться. На днях его отправляют в командировку в Москву. Там он надеется пробиться к начальнику главка Егорову и изложить все свои требования.

Спустя несколько дней Дубикайтис вернулся из командировки в приподнятом настроении. Вечером он нам рассказывал о своих делах.

Конечно, далее отдела кадров его не пустили, но выслушать все же выслушали. О демобилизации, как ему сказали, не может быть и речи. Но на перевод в другое место службы можно рассчитывать.

И тут, как говорит Володя, начались «издевательства»: ему устроили экзамен по профессиональной подготовке. Спрашивали по материальной части, по условиям хранения: какая температура хранения, какая должна быть влажность в помещении? После этого решили составить рапорт начальнику главка об откомандировании Дубикайтиса в Главное управление кадров (ГУК). Пусть, говорят, отправят куда-нибудь на север «на работу по специальности». При этом Грачев понимающе переглянулся с присутствующими в кабинете сотрудниками.

Но Дубикайтис был и этому рад. Он считает, что с другого места службы будет легче демобилизоваться или устроиться в какой-нибудь НИИ, как это сделали Кордовский и Подлесный. Пересторонин мрачно молчал, так как принял решение продолжать службу.

Он только возвратился из райцентра, куда его отправило общество для закупки водки и вина к предстоящему Новому году. После рассказа Дубикайтиса решено было отметить это событие. Из 16-ти бутылок шесть было выпито в тот же вечер. Кроме нас троих, в застолье приняли участие наши друзья по сборочной бригаде: Клепинин, Мухлынин и Москвин.

В этот вечер в клубе должна была состояться лекция-концерт о Чайковском. Собирались идти все, но не пошел никто. Клепинин сошел с дистанции первым и уснул на чужой кровати. Мухлынин прямо на пижаму одел шинель и пошел «к любимой женщине». Москвин затеял дискуссию с Дубикайтисом на тему — служить или увольняться. Мы с Пересторониным пошли прогуляться в заснеженный лес и бродили там до полуночи. Когда пришли, увидели такую картину: за столом сидел осоловевший Москвин и делал вид, что слушает Дубикайтиса. Володя с энтузиазмом читал ему Людвига Фейербаха:

— Твоя первая обязанность — сделать себя самого счастливым. Если ты счастлив, то ты делаешь также других счастливыми. Счастливый может видеть вокруг себя лишь счастливых.

— Мне это понятно. Мне это нравится. Наливай, Володя, еще по одной, сделай и себя, и меня счастливым, — восторженно воскликнул его собеседник.

Дубикайтис досадливо поморщился, но все же вина в стакан налил Москвин.

— Вот видишь, Валентин, с кем приходится работать: я ему — о морали и стремлении человека к счастью, а он мне — давай лучше выпьем.

Я ему — о разуме и мышлении, а он мне — давай сообразим еще по стаканчику. Нет, это — не Рио-де-Жанейро, это — значительно хуже. Надо отсюда убегать, и как можно быстрее.

* * *

На объект приехало большое начальство — начальник Главка Егоров, его заместитель Боровков и несколько полковников. По этому поводу везде, где только можно, наводили порядок. В производственных помещениях был объявлен большой аврал: все лишнее оборудование и тара были спрятаны в кладовые, стены, полы и плафоны протерты влажными тряпками, стенды и пульта аккуратно расставлены вдоль стен, сборочная площадка со стапелями освобождена и приготовлена к работе. Все знали, что Егоров имел привычку неожиданно объявлять ночью тревогу и производить контрольную сборку одного или двух изделий. Поэтому необходимые инструменты и приспособления были заранее приготовлены и проверены. Но тревоги не последовало, и Нырков неспеша начал плановую сборку изделий со всеми необходимыми предосторожностями. Весь секрет заключался в том, чтобы к моменту прибытия в здание высоких гостей, сборка находилась на самой выгодной стадии и выглядела по деловому привлекательной.

С этой целью нам выдали новые белые халаты и шапочки, а тем, кому это положено, — белые перчатки. В зале царила деловая тишина. Слышны были только команды и шелестящие звуки цепей. Все

незанятые в работе люди сидели в подсобных помещениях, никакого лишнего хождения по залу не было.

Начальство прибыло в ожидаемое время. Вместе с гостями было все руководство арсенала. Полковник Нырков по форме доложил о проводимых работах и смешался с группой прибывших. Основным докладчиком был Филиппов. Он водил руководство Главка по рабочим площадкам и помещениям и давал необходимые объяснения.

На несколько минут Егоров задержался около стапеля, где собиралась «тройка», что-то спросил, наклонившись к Филиппову, и неспеша последовал дальше. Никаких разговоров с исполнителями никто не вел.

Посещение нашего сооружения прошло быстро и, как нам показалось, успешно. Все заняло не более 20 минут.

Взволнованный Нырков, каким я его никогда не видел, пришел в себя и его голос снова зазвучал во всех концах зала. Он по привычке ссутулился, обмяк и семенящей походкой направился в свою загородку. Возбуждение выдавал только легкий румянец на его белом лице да чуть больше, чем всегда, расширенные глаза.

Как рассказывают офицеры, служившие многие годы с Нырковым, у него очень сложные взаимоотношения с начальником главка. Когда дед уже командовал первой сборочной бригадой, Егоров служил в военной приемке изделий на одном из заводов. Между полковником Нырковым и майором Егоровым возникали разногласия по техническим вопросам. Темпераментный и несдержанный в выражениях полковник часто огорчал прилежного и старательного майора. Но жизнь распорядилась так, что Егоров стал стремительно подниматься по служебной лестнице, а Нырков надолго засиделся в полковниках. Теперь, когда один занял высшую должность в системе, другой вот уже 13 лет остается в одном и том же звании. Старая неприязнь дала о себе знать.

На служебных и производственных совещаниях начальник главка не церемонится со своим давним недоброжелателем. Говорят, однажды на важном разборе итогов работы, в присутствии самого маршала Неделина, Егоров резко осадил Ныркова словами:

— А вы помолчите, полковник. Ваши шуточки всем уже надоели, а по делу вам нечего сказать.

Жаль, конечно, деда, но тем и интересна воинская служба, что помимо прочих сомнительных прелестей она всегда сохраняет интригу должностных гонок. Как будто бы и одновременно участники стартуют, вроде бы и шансы одинаковы, но вдруг одного несет, а другой еле передвигается. Правда, это бывает и на гражданке, но в армии, с ее стройной иерархией, подчеркнутой разного вида звездочками, это особенно наглядно видно. Да и с круга в армии так просто не сойдешь.

Как бы там ни было, но орден Нырков сегодня не получил. Как выяснилось, основной причиной приезда высокого начальства было вручение наград за прошлые боевые подвиги. И Филиппов получил, и Сосновский получил, и даже — Новиков, а вот Нырков не удостоился.

На другой день Егоров устроил прием посетителей. Записались Камин, Дубикайтис, Келеберденко и жена Бахарева.

Увидев на погонах Камина одинокую звездочку, Егоров улыбнулся и спросил:

— Студент? На что жалуетесь?

— Не по специальности работа. Я — метеоролог, а здесь метеорологии нет и в помине.

— Да, ваше дело шары пускать, а не на хранении сидеть. Может, пошлем его туда, где шары надувают? — обратился Егоров к Филиппову.

— Нужно будет подумать, — понимающе ответил полковник.

Сидевший здесь же за столом начпо не упустил случая вставить и свое слово:

— Они вообще хотят уйти из армии. Тут их несколько человек.

— Эти бесплодные мечтания лучше выбросьте из головы. Не для этого мы вас призывали, чтобы вы через армию проходили, как через проходной двор! Впереди всех ждут большие дела!

Настроение начальника главка было испорчено. С Дубикайтисом, как он потом рассказывал, вообще не говорили. Достаточно было одного Камина. Обоих пообещали отправить «на север», но куда — не сказали. Камин согласился, а вот Дубикайтис — нет.

Женам Бахарева и Келеберденко была обещана работа в школе. В ближайшем будущем.

В управлении на мой вопрос о приказе на увольнение сухо ответили: «Личное дело в Главк отослано. Ждите». Стало ясно, что в этом году я отсюда не вырвусь, и мы с Юрой стали готовиться к встрече Нового года. Он снова съездил в Валдай и снова привез чемодан бутылок алкоголя.

В лесу выбрали небольшую стройную елочку, которую украсили гирляндами из виноводочных этикеток, игральных карт и самодельных игрушек. Елочку установили в углу комнаты на столе, а на шторы навесили звезды из желтой и белой фольги. Вместе с репродукциями картин французских импрессионистов уголок принял праздничный вид. Во всяком случае друзья-товарищи из соседних комнат нашу подготовку к празднику одобрили и обещали зайти с поздравлениями.

Лес можно фотографировать сколько угодно. 1956 г.

— Вот только девки у вас какие-то не совсем голые. Что лучших найти не смогли? — спросил Мухлынин.

Вырезанные из польских журналов «Габриэль с розой» Ренуара и «Девушка с Таити» Гогена ему не понравились. Он где-то видел «Маху раздетую», которая навсегда запала ему в душу. Но у нас ее не было.

Но Новый год в окружении только «не совсем голых» девок встретить не пришлось. Вечером зашла чета Келеберденко и пригласила нас к себе. Мы прихватили свою елочку, новогодние припасы и пошли в гости.

Наша елка. 1957 г.

Проводили, как положено, старый год, отведали домашней еды и под куранты подняли I чашки с шампанским за Новый 1957 год.

Юра и Лина как-то быстро обжились, создали свой уютный мирок с украинским присмаком и чувствовали себя неплохо. Особенно после того, как Егоров пообещал Лине работу. Тосты были оптимистическими, закуски — прекрасными, и нас невольно потянуло на воспоминания.

Юра вспоминал «рідну річечку і садочок», Дубикайтис — белые ночи и разводные мосты, я — Одессу своего детства. Идиллическую картину нарушил Пересторонин:

— А знаете, кто меня сагитировал в армию? Наш майор Халевин. Приехал к нам в Свердловск и стал расписывать студентам прелести армейской жизни. С виду он человек к себе располагающий, говорить умеет, и мы ему поверили. «Не пожалеете, ребята, а если что будет не так — набьете мне морду». Он и подумать не мог, что нам придется встретиться. При встрече расплылся в улыбке и спросил: «Что, морду будешь бить? Разве тебе тут плохо?».

— А нас в Гидрометеорологическом сам Никольский вербовал. Тоже расписывал разные прелести. Я бы ему с удовольствием морду набил, да только к нему не подступиться, — сокрушался Дубикайтис.

— Вас хоть уговаривали, соблазняли, а в Харькове подполковник Романов сразу стал стращать конституцией и обязательной воинской повинностью, — добавил я.

Уже не припомню, кого назвал в качестве вербовщика Келеберденко, но и в Киеве обошлось не без обмана.

Лине, видимо, надоели наши скорбные воспоминания, и она запела песню про Галю. Келеберденко вмиг вострепнулся:

— Ці кляті москалі навіть підманули Галю й забрали з собою». Це в них натура така — що тільки побачать, те і тягнуть до себе...

— Я ведь тоже москаль. Зачем же меня обманывать? — обиделся Пересторонин. — Своего могли бы и пожалеть.

— Но ты же в меньшинстве. Нас тут четверо обманутых: два украинца, один литовец и ты один — русский. И только тебе тут, в дремучих лесах нравится. Впрочем, давайте лучше выпьем за светлое будущее, — закончил Дубикайтис. — А то мне сейчас на дежурство идти. И здесь меня Марков подставил.

После Нового года мне еще раз пришлось принимать участие в ночном аврале. На этот раз я сопровождал контейнеры с изделиями, сидя в кабине МАЗа, которые везли их на безымянную станцию...

Завораживающее это было зрелище, когда колонна тяжелых машин громыхала через глухой заснеженный лес. Фары выхватывали из темноты белую бетонку дороги, тяжелые шапки снега на свисающих ветках старых елей, редких конвойных, пританцовывающих на морозе. Лес на несколько минут просыпался от сна, сыпал снегом с потревоженных деревьев и снова затихал на несколько дней.

Работа на «перевалке» уже не увлекала новизной и казалась обыденным, хотя и ответственным делом. Я уже присмотрелся к кажущейся суете и стал замечать тот, невидимый сразу, порядок, который имел место на всех этапах погрузки контейнеров в эшелон. Ко всему можно и нужно привыкать...

Несколько раз Марков, исполняющий обязанности главного инженера, осведомлялся о моих делах, обещал позвонить Чудину и напоминал, что моя служба еще не закончена. Не знаю, звонил он в Главк или нет, но спустя некоторое время меня вызвали в отдел кадров. Хлебников сообщил мне, что пришел приказ о моей демобилизации. На следующий же день я получил в бухгалтерии расчет, оформил документы и получил пропуск на выезд из зоны.

Прощание было коротким. Я с чувством благодарности пожал руку полковнику Ныркову, который относился ко мне благожелательно,

выслушал его напутственные слова:

— Это хорошо, что вы уходите от нас тогда, когда еще есть желание и способности строить новую жизнь. У каждого из нас на каком-то этапе возникало желание покинуть армейскую службу, но не у каждого оно было настолько сильным, чтобы его осуществить. Конечно, Родина, долг, защита Отечества — понятия важные и весомые, но чего греха таить, служба в армии имеет и свои материальные преимущества. Все это, вместе взятое, и заставляет откладывать решение непростого вопроса об уходе на гражданку на потом. А потом уже бывает поздно.

Во-первых, самая трудная часть службы, при малых звездочках, проходит и наступает более благополучная ее часть.

Во-вторых, военный человек привыкает к тому, что у него всегда есть вышестоящий начальник, который думает и несет ответственность за нижестоящего. Это удобно. К этому быстро привыкаешь, и дальше это становится потребностью жизни и службы. Человек, которому военная жизнь в тягость, должен уходить из армии, как можно скорее. Нет серьезных намерений — нечего топтаться под окнами, иди туда, где ждет тебя желанная Дунька!

С Халевиным прощанье было формальным, хотя и он пытался дать какие-то наставления. К Филиппову зайти я не решился.

Ребятам устроил «отходную» в общежитии. Оказывается, кочетковцы даже пари держали: отпустят меня из системы или нет. Сейчас они охотно желали мне счастливого пути, но все же напоминали, что на гражданке «такой лафы» уже не будет.

Пересторонин хмурился и молчал, казалось, он что-то снова напряженно обдумывал. Дубикайтис открыто завидовал и похвалялся новыми планами освобождения от ненавистой ему армии. Келеберденко радостно улыбался и просил кланяться «рідній Україні».

Около двенадцати часов ночи, не дожидаясь автобуса, на машине скорой помощи я навсегда покинул арсенал и выехал в Валдай.

Закончилась моя короткая, но необыкновенная служба, которая начиналась со сравнительно добрыми чувствами и намерениями, а закончилась неприязнью и окончательной потерей всех иллюзий в отношении Советской Армии.

Глава VII

Возвращение

Бомба может положить конец не спору, а человеческой цивилизации. И никто на Земле так и не узнает, чей строй был лучше.

А. Хаммер, американский предприниматель.

Всеобщая война с использованием современного оружия будет иметь последствия, далеко выходящие за рамки предыдущего опыта человечества.

Г. Киссинджер, государственный секретарь США.

• Моя жизнь после демобилизации • Распад Советского Союза • Украина сдает ядерное оружие • Судьба полигона в Багерово • О

*тех, кто ушел в отставку • «Объект 221» в Крыму • Напрасны ли
были наши усилия?*

Прошло пятьдесят лет с того времени, когда я распрощался с Советской Армией и отправился в плавание по гражданскому житейскому морю.

Давно уже нет той страны, оборону которой, по замыслу наших вождей, мы укрепляли. Нет уже и Советской Армии, надежды и гордости великого Советского Союза. Россия правдами и неправдами вывезла с территорий смежных республик все стратегическое ядерное оружие и объявила себя приемницей СССР. Оно по-прежнему таится в боеголовках баллистических ракет, бомбах и артиллерийских снарядах. Всякого рода изделия продолжают ждать своего часа в подземных хранилищах и складах. Но звездный час атомного оружия прошел: исчезли традиционные противники, померкли страхи его использования, развеялись тайны и романтика самого его существования. Еще бы несколько лет трезвой и честной разрядки международных взаимоотношений, и атомными штучками интересовались бы только фанатичные страны-аутсайдеры.

Но старые догмы и имперские амбиции все же дают о себе знать. Хочется попугать друг друга старыми испытанными страшилками, активизировать вирусы недоверия, куда-то что-то перенацелить. Империи боятся спокойствия, так как за спокойствием следует застой, а потом — неизбежный распад.

Я это понял давно, а потому все эти пятьдесят лет старался как можно дальше держаться и от политики, и от ее любимого инструмента — армии.

В этой заключительной главе я кратко расскажу о том, что было со мной после увольнения в запас, к чему привела изнуряющая гонка вооружений Советский Союз, как непросто происходило прощание Украины с ядерным оружием, размещенным на ее территории, что стало с полигоном в Багерово и о судьбе некоторых из моих товарищей, отдавших лучшую часть жизни «ядерному щиту» несуществующей страны.

Первый год после демобилизации я проработал в Харьковском институте мер и измерительных приборов. В теплотехническом отделе занимался разработкой и изготовлением полупроводниковых

термохолодильников для градуировки термометров. Этой спокойной и мирной работой я бы продолжал заниматься и дальше, но жилищный вопрос, который, как известно, способен испортить многое, встал передо мной во весь свой неприятный рост. К этому времени я уже женился на той симпатичной девушке Лиле, которая меня водила на каток, и мы уже ждали ребенка. Жизнь вместе с родителями в крохотной комнатухе меня мало прельщала, и я стал искать новую работу с квартирой.

Свадебная фотография с Лилей Колесниковой. 1957 г.

И тут дала о себе знать система, которая незримо отслеживала нас, офицеров Министерства среднего машиностроения, вышедших в запас.

Однажды Слава Магда, Глеб Лысов и я получили приглашение на встречу с неким работодателем по фамилии Демирханов. Встреча состоялась в номере гостиницы «Спартак» на бывшей улице Свердлова. С каждым из нас говорили отдельно.

Живой и энергичный армянин Рача Арамович Демирханов оказался ведущим ученым «предприятия п/я 0908», находящегося в городе Сухуми. Вместе с ним в номере присутствовал начальник отдела кадров института Серегин В. И.

Они предложили мне должность инженера с окладом 1400 рублей и двухкомнатную квартиру. От такого предложения трудно было отказаться, тем более, что оно осуществлялось по переводу. Так я снова оказался в системе Министерства среднего машиностроения, о чем узнал уже в Сухуми.

Меня часто спрашивали: как могли человека, побывавшего в немецкой оккупации, привлекать к работе с секретной военной техникой, приглашать в организации, связанные с новейшими технологиями? Для меня это тоже долгое время было необъяснимым. Но факт остается фактом — я таким был не один. К примеру, Костя Камплеев, мой сокурсник и сверстник, оставался в оккупированном Харькове. Скорее всего, спецорганы, охраняющие безопасность страны, установили критический возраст, ниже которого привлечение к оборонной тематике считалось допустимым. Это возраст мальчишек, которым во время войны было 10–12 лет. С более старшими — дела обстояли сложнее.

Семь лет я проработал в ОКБ предприятия п/я 0908, которое с 1962 года было переименовано в Физико-технический институт Государственного комитета по использованию атомной энергии СССР.

Нас, молодых инженеров, набирали на смену немецким ученым-физикам, которых после войны вывезли из Германии в СССР. Их использовали в различных научных лабораториях страны на работах, связанных с атомной промышленностью, а в Сухуми держали как в отстойнике перед возвращением на родину. Считалось, что за несколько лет пребывания вдали от крупных оборонных предприятий, немцы отстанут от передовых идей и в Германию уедут уже без секретов.

Работая в тех же лабораториях, в которых работали немецкие ученые, мы невольно задавались вопросом, как далеко продвинулись немцы в деле создания собственной атомной бомбы.

По этому вопросу до сих пор в отечественной и зарубежной литературе и истории продолжаются дискуссии.

Теперь об этом пишут...

Была ли у Гитлера атомная бомба?

В последнее время в прессе и на телевидении получили распространение свидетельства итальянского журналиста Луиджи Ромерсо. Он утверждает, что уже осенью 1944 года в нацистской Германии имелся образец атомной бомбы. Более

того, он по поручению Муссолини отправился в Германию, где был свидетелем экспериментального взрыва атомного оружия.

С рекомендательным письмом Муссолини Ромерсо был принят Гитлером и настолько вошел к нему в доверие, что ему разрешили посетить секретный военный завод в Пенемюнде. Потом в условиях глубокой конспирации доставили на остров Рюген, где в годы войны немцы построили полигон для испытаний секретных вооружений.

«Меня отвели в бетонный бункер с одним окном, закрытым очень толстым и очень прочным стеклом, — рассказывает 88-летний Луиджи Ромерса. — Через некоторое время поступил сигнал о том, что сейчас произойдет взрыв. Сначала бункер слегка задрожал. Потом нас ослепила вспышка света. В небо поднялось облако густого дыма. Взрыв произвел ужасные разрушения. Все деревья и растения превратились в черные головешки. На полигоне и в его окрестностях не осталось ни единого живого существа. Все превратилось в золу и пепел».

Когда Ромерсо опубликовал свои воспоминания, ему никто не поверил. Но недавно опубликованные документы подтверждают его рассказы. В советских архивах находится заявка на патент взрывного устройства из плутония, датированная июнем 1941 года.

В Германии над немецкой ядерной программой работала группа физиков, возглавляемая лауреатом Нобелевской премии Вернером Гейзенбергом. Когда министр вооружений Шпеер, ознакомившись с работами ученого, предложил сделать атомную бомбу за 9 месяцев, Гейзенберг ответил, что так быстро это сделать невозможно. Некоторые считают, что Гейзенберг специально саботировал атомный проект нацистов.

Кроме Гейзенберга над созданием нового оружия работала еще одна группа ученых под руководством Курта Дибнера. Эту группу поддерживал лично Гиммлер. Она работала более успешно и, вполне возможно, что могла осуществить экспериментальные атомные взрывы.

Немецкий историк Райнер Карлш подробно занимался изучением этих вопросов и написал книгу «Бомба Гитлера». Он считает, что Германия произвела, по крайней мере, два атомных взрыва. И осуществила их группа Дибнера. Видимо, это испытание мог видеть Луиджи Ромерса.

Второй взрыв был произведен 5 марта 1945 года на полигоне Ордруф в Тюрингии. На нем произвели испытание поражающих факторов атомной бомбы на военнопленных. Сохранились свидетели, которые видели и взрыв, и кремацию погибших военнопленных.

И все же, взрыв, произведенный группой Дибнера, нельзя назвать настоящим взрывом атомной бомбы. Физик-атомщик Уве Кейзер считает, что в Ордруфе могли иметь место не взрывы атомной бомбы, а «простого атомного устройства». Для действительного атомного взрыва потребовалось бы несколько килограммов высокообогащенного урана, которым нацистская Германия не располагала. Архивные материалы и разведывательные донесения, относящиеся к этим взрывам, до сих пор остаются недоступными. Остается верить лишь единственному оставшемуся в живых свидетелю.

По материалам отечественной и зарубежной печати.

В Сухуми я занимался разработкой и сооружением мощных высокочастотных генераторов для удержания плазмы в установках управляемого термоядерного синтеза. Стал ведущим инженером по высокочастотным генераторам для импульсных линейных ускорителей.

Одновременно окончил курсы инструкторов подводного спорта, что позволило принимать участие в гидроархеологических работах по поиску затонувших городов Диоскурии и Севастополиса. Увлёкся спелеологией, альпинизмом и горным туризмом — всем тем, чем так славится солнечная Абхазия.

Это было замечательное время, когда интересная исследовательская работа в области атомной физики сочеталась с не

менее интересными путешествиями под водой, под землей и в горах. Ко всему этому я приобщал с малых лет и моего сына Игоря.

Но всему, самому хорошему (впрочем, как и плохому) когда-то приходит конец. Из-за болезни Лили мы вынуждены были возвратиться в Харьков.

И снова жилье предопределило новый поворот в моей судьбе. Академик Даниленко И. А. предложил мне работу в Научно-исследовательском институте животноводства и обеспечил квартирой. Так я стал заниматься биофизикой и криобиологией. Окончил аспирантуру и защитил кандидатскую диссертацию на ученую степень кандидата биологических наук.

Остановка жизни холодом с последующим возвращением биологических структур в жизнеспособное состояние после оттаивания — надолго стало основным направлением в моей работе.

Не оставлял я и подводные исследования. Несколько летних сезонов принимал участие в комплексной археологической экспедиции в Херсонесе, выезжал в подводные экспедиции в Японское море: острова Сахалин, Кунашир, Шикотан, Монерон.

В 1975 году член-корреспондент Академии наук Украины Пушкарь Н. С. пригласил меня на работу в Институт проблем криобиологии и криомедицины АНУ. Почти 20 лет я занимался криобиофизикой в стенах этого замечательного исследовательского центра. Изучал сочетанное действие ультразвуковых и магнитных колебаний при замораживании и оттаивании костного мозга, клеток крови и других биологических объектов. Приоритеты в этой области были защищены десятком моих авторских свидетельств, освещены в нескольких монографиях.

В те годы в Харькове был создан Центр по изучению и техническому оснащению работ по проблеме своевременного предупреждения населения приморских районов Дальнего Востока о морских волнах, вызываемых подводными землетрясениями (цунами).

Одним из направлений этих работ являлось исследование возможности использования для прогнозирования цунами биологических предвестников. Эта тема в Институте проблем криобиологии и криомедицины была поручена мне. Море снова возвращалось в виде увлекательнейших исследований поведенческих

реакций морских и наземных животных на предстоящие землетрясения и связанные с ними цунами.

В ходе выполнения этой тематики в 1981 и 1982 годах принимал участие в научно-исследовательских морских экспедициях в Тихом океане на судне «Валериан Урываев». Работы производились в Филиппинском море в районе Каролинских островов с заходами в Сингапур для отдыха экипажа и пополнения припасов.

В 1990 году я защитил докторскую диссертацию по специальности «криобиология».

Последние годы работал главным научным сотрудником в Институте проблем криобиологии и криомедицины НАНУ, в Институте животноводства УААН, профессором Государственного университета информационно-коммуникационных технологий МТСУ.

Так что, вопреки прогнозам моих армейских сослуживцев и опасениям врачей, я не потерялся на гражданской. Все эти годы занимался интересными работами, стал подводником, спелеологом, альпинистом и путешественником. А главное — сохранил активный жизненный тонус и оптимизм.

* * *

Что же происходило в это время со страной? Неугомонный Хрущев, разоблачивший культ личности Сталина и навесивший на него все грехи коммунистического режима, принялся восстанавливать «ленинские нормы» и строить новое светлое будущее. Если бы он строил его только в своей стране, то западный мир, может быть, еще мирился бы с угрозами «догнать и перегнать Америку» по мясу и молоку. Но Хрущев — бывший сталинец, а теперь — верный ленинец, не покидал мечты построить светлое будущее во всем мире.

Рабочий класс западных стран не спешил браться за мировую революцию. Ему и так неплохо жилось при проклятом капитализме. Коммунистические и прочие революционные партии исправно получали от СССР финансовую помощь, но тоже относились к практике революции с холодком. Оставалась надежда только на страны так называемого третьего мира. На тех, кто, получив или отвоевав независимость, не знали, что с ней делать, а главное — как ее

реализовать в приличную жизнь. Ни денег, ни умения не было. Не было и опыта, чтобы отличить красивые лозунги от некрасивых дел.

И Советский Союз стал финансировать и вооружать народно-освободительное движение на всех континентах земного шара.

Все это осуществлялось на фоне беспрецедентной гонки вооружений двух миров: того, кто хотел разжечь костер мировой революции, и того, кто этой революции не желал. Первый называли лагерем мира, второй — лагерем войны.

Все послевоенные годы и мы, и Запад жили в ожидании военного конфликта. Они опасались стремительного броска наших танков к Ла-Маншу, появления советских баз в различных частях света и действовали, стараясь не допустить этого. Мы, мысля категориями 1941 года, в свою очередь, делали все возможное и невозможное, чтобы потенциальный противник никогда больше не застал нас врасплох. А это означало, что и та, и другая стороны рассматривали военную силу как ведущий фактор своей внешней политики.

Оснований для такого взгляда друг на друга через прицел было предостаточно. Инициатором милитаризации международных отношений были США и их союзники, но в последующем СССР сам внес большую лепту в такое развитие событий.

Сейчас ясно, что приоритет военных решений вместо политических нанес Советскому Союзу непоправимый ущерб. Наши вожди вовремя не разглядели расчет на втягивание страны в гонку вооружений, которая истощала нашу экономику. Все это происходило в условиях, когда экономические возможности СССР были приблизительно в пять раз меньше совокупного потенциала США и их европейских союзников.

Такая политика еще была понятна в годы, когда Соединенные Штаты имели преимущество в количестве атомных бомб и средств их доставки — стратегических бомбардировщиков. Но вот Советский Союз достиг ракетно-ядерного паритета с Западом, который гарантировал невозможность применения против нашей страны военной силы. Перед нами открылись уникальные возможности для уменьшения затрат на оборону, снижение пресса на экономику. Открылись — и были упущены. Мы, как правило, продолжали действовать по принципу повторения того, что делали США и их союзники как в геополитике, так и в гонке вооружений.

В 1980-х годах в американском военно-политическом лексиконе появился интригующе-непонятный термин «конкурентная стратегия», которую еще называли «стратегией соперничества».

Другими словами — это установка на экономическое изматывание Советского Союза, что Вашингтон всегда считал важной задачей послевоенной гонки вооружений.

И это США удавалось. Так, Советский Союз вложил порядка 120 миллиардов долларов (по американским оценкам) в создание системы ПВО страны. Но научно-техническое развитие в военной сфере идет стремительно, и вот уже появились более совершенные американские бомбардировщики В-1В, «самолет-невидимка» В-2, крылатые ракеты. Для их перехвата существующая система ПВО оказывается недостаточно эффективной. А, следовательно, обесцениваются и соответствующие капиталовложения.

23 марта 1983 года президент США Рональд Рейган, обращаясь к стране по телевидению, сказал: «Я призываю наших ученых, которые создали для нас ядерное оружие, переключить их таланты и способности на защиту человечества и мира и создать для нас средства, которые сделают ядерное оружие бессильным и устаревшим».

Сказанное президентом получило название «стратегическая оборонная инициатива» (СОИ), которую сенатор Эдвард Кеннеди окрестил программой «звездных войн».

Она предусматривала создание ядерных космических сил, способных перехватить и уничтожить советские межконтинентальные баллистические ракеты еще на подлете в космосе. Считалось, что она сможет уничтожить большую часть из нескольких тысяч ядерных боеголовок, направленных на США. Затем подсчитали, что одна треть все же достигнет территории Соединенных Штатов. Это нанесет настолько серьезный урон, что американцы задумались — стоит ли тратить 770 миллиардов долларов в течение десяти лет, чтобы осуществлять такую сомнительную программу. До окончательного решения задач этой «инициативы» было еще очень далеко, а в СССР многие представили, что экзотическое оружие уже летает над нашими головами, и надо готовиться к ответным действиям.

Так в СССР представляли американскую СОИ. Газета «Аргументы и факты» № 44. 1986 г.

И хотя СССР объявил, что в случае необходимости даст СОИ «асимметричный» и более дешевый ответ, никто никогда не узнает, сколько денег ушло на эту «асимметрию».

А в Вашингтоне уже официально одобрили список 22 «критически важных» технологий систем оружия США. И снова надо давать на эти технологии «адекватные» ответы, тратить миллиарды долларов...

Сенатор Э. Кеннеди сказал: «Обе наши страны имеют сейчас в своих арсеналах свыше 50 тысяч ядерных боеголовок. Это означает, что на каждого человека на земном шаре — мужчину, женщину и ребенка — приходится по четыре тонны тринитротолуола».

Академик В. Гольданский пошел в этих подсчетах еще дальше. Он констатировал, что в мире накоплено ядерной взрывчатки общей мощностью в 10–15 тысяч мегатонн. На каждого человека приходится по три тонны.

Если всю эту энергию уничтожения перевести условно в энергию поддержания жизни, скажем, в калорийность сливочного масла, то получилось бы по 300 кг масла на каждого жителя нашей планеты. Или — по 3 тонны мяса. При годовой норме в 60 кг каждому хватило бы мяса на 50 лет.

Если эти 15000 мегатонн пустить в котлы АЭС, чья суммарная мощность во всем мире — 400 миллионов кВт, то они могут работать на этом «конверсионном горючем» в течение двух лет. А если

использовать еще и деление на быстрых нейтронах, к примеру, создать реакторы на смесях расплавленных солей плутония и тория, то энергии ядерной взрывчатки хватило бы для АЭС уже на 20 лет.

Подсчет неиспользованных с пользой для людей ядерных ресурсов впечатлял, но казался слишком отвлеченным и неосязаемым. Тогда другой академик — Н. Моисеев — привел еще более поразительные данные. Теперь они касались изменения климата на Земле в результате ядерной войны.

Если будет взорвана термоядерная бомба мощностью в 5 тысяч мегатонн, то в Северном полушарии будет разрушена тысяча больших городов. Сажа, взметнувшаяся вверх, задержит почти весь солнечный свет.

Сотрудники Вычислительного центра Академии наук подсчитали, что произойдет с климатом Земли за год. В первые же дни температура у поверхности Земли резко упадет в среднем на 15–20 градусов. Местами похолодание будет еще более резкое. Например, в центре Сибири и на восточном побережье США — на 40–45 градусов. Все источники пресной воды замерзнут, урожай погибнет. Погибнут почти все виды животных, растений, микроорганизмов.

После ядерной войны вести переговоры было бы уже некому. Журнал «Новое время» № 15 1991 г.

Самое потрясающее в расчетах математиков то, что жизнь на Земле может уничтожить одна-единственная подводная лодка, оснащенная термоядерными ракетами.

Безумная стратегия взаимного гарантированного уничтожения стала вытесняться в умах лидеров обоих блоков стратегией разумной достаточности вооружений.

В СССР к этому времени настало время «перестройки и нового мышления», которую провозгласил Генеральный секретарь ЦК КПСС

Горбачев М. С. Во внешней политике усилия были сосредоточены на сокращении ядерных вооружений. Во внутренней — на построение более свободного общества, но все же руководимого коммунистической партией. Гласность и свобода слова должны были дать новый творческий импульс людям в деле перестройки старой отживающей системы.

Горбачев стал рубить тот сук, на котором сидела вся коммунистическая система. Он, несомненно, знал, что делал, но не представлял всех последствий. СССР был тоталитарной империей, причем в высшей степени жесткой. Для ее существования необходим стержень, который бы держал все остальное — политику, экономику, армию, образование и другие пласты общества. И таким стержнем была КПСС. Партия держалась на безропотном и безоговорочном выполнении всех решений. Когда Горбачев замахнулся на святое святых — КПСС и стал на пленуме по кадрам в 1987 году «лупить» секретарей областного масштаба, стало ясно, что Союз рано или поздно распадется. Затем последовали реорганизации партийного аппарата. Разрушение партийных структур шло полным ходом и с колоссальной скоростью. Как говорил сам генсек: «процесс пошел». Партия перестала управлять страной. Люди поняли, что можно все, и стали избирать таких руководителей, которые им казались подходящими, многообещающими. Но они, как правило, оказывались некомпетентными.

Скованное ранее жестким управлением коммунистической партии и всеобъемлющим страхом советское государство не выдержало испытания гласностью и свободой слова. Накопленные за многие годы несправедливости и обиды выплеснулись на страницы средств массовой информации. Республики одна за одной стали объявлять независимость. Советский Союз доживал последние дни. Это тревожило не только Горбачева, который к этому времени стал президентом СССР, но и западный мир, беспокоящийся за судьбу и возможность рассеяния ядерного оружия.

Именно поэтому 27 сентября 1991 г. Президент США Джорж Буш выступил с инициативой по сокращению американского ядерного арсенала. Предполагаемые в одностороннем порядке сокращения затрагивали большинство видов нестратегического оружия, или, как их называли американцы, оружия театра военных действий.

Полностью снимались с кораблей ВМС корабельные ядерные средства, нестратегическое ядерное оружие подводных лодок, оружие морской авиации наземного базирования и атомные бомбы на борту авианосцев. Было предложено также сократить межконтинентальные баллистические ракеты наземного базирования.

Президент СССР Горбачев в ответном выступлении принял предложения Буша по тактическому оружию, но предложение ликвидировать межконтинентальные стратегические ракеты обошел молчанием.

И это не удивительно: СССР делал основную ставку на МБР наземного базирования, а США — на баллистические ракеты подводных лодок.

Ракета средней дальности РДС-10 снимается с боевого дежурства. Газета «Правда», 17 декабря 1987 г.

События, происходившие в 1991 году в Советском Союзе, грозили пугающей неопределенностью в смысле управления стратегическим и тактическим ядерным оружием. Хотя львиная доля оружия и средств его доставки находились на территории России, еще три республики — Украину, Беларусь и Казахстан — следовало теперь рассматривать, как ядерные государства. Осуществлять контроль над ядерными вооружениями президент СССР Горбачев мог теперь только при согласовании с руководством республик. Республики же пытались использовать, расположенное на их территории, ядерное оружие как средство укрепления своей независимости.

Россию и Запад встревожили слова одного из кандидатов в Президенты Украины Л. Лукьяненко:

«Ядерный потенциал, 20 процентов которого сосредоточено на Украине, кроме всего прочего, еще и большая ценность, собственность суверенного государства. И я бы не спешил его отдавать. А позже посмотрим, что с ним делать».

И вот наступил финал эйфорической феерии под скромным названием «перестройка», которую затеял Генеральный секретарь ЦК КПСС Михаил Горбачев. Два бывших секретаря республиканских компартий, ставшие к тому времени президентами России и Украины, — Борис Ельцин и Леонид Кравчук — и председатель Верховного Совета Беларуси Станислав Шушкевич распустили в Беловежской пуще Советский Союз. Все, что с таким мастерством и старанием было коммунистами создано, не менее мастерски было ими же уничтожено.

Стратегические бомбардировщики начали резать на металлолом. Журнал «Огонек», № 1, 1990 г.

Не успели высохнуть чернила под документами Беловежской пущи, как в Москву прибыл Государственный секретарь США Бейкер с пожеланиями, чтобы все ядерное оружие бывшего СССР перешло к России.

Начался раздел имущества, в том числе и стратегических вооружений. По данным, опубликованным «Комсомольской правдой» 22 июня 1993 года, на территории бывшего Советского Союза образовалось 4 ядерные сверхдержавы с такими вооружениями: Россия — на вооружении 6915 стратегических и более 12000 тактических ядерных ракет. Украина — на территории находятся 1240 ядерных ракет и 416 ядерных авиабомб. Беларусь — на территории находятся 72 стратегические ракеты. Казахстан — на территории находятся 1040 стратегических ядерных ракет и 370 ядерных

авиабомб. Более подробную расшифровку перечня ядерного оружия на территории Украины сделал в независимом расследовании В. Борейко^[27].

Он считает, что в Украине находится 10 % всего стратегического оружия СССР. Это 2410 единиц ядерного оружия, в том числе 920 стратегических ядерных боеголовок. Не обделили Украину атомным оружием всех родов войск: ракетных стратегического назначения, военно-воздушных, военно-морских, сухопутных Стратегические и войск ПВО. Одних только стратегических ядерных ракет на Украине 116 комплексов, а по некоторым источникам — 176.

Ядерные ракеты схоронены на Украине в двух местах. Первое — пусковые шахты у города Первомайска (немного выше Николаева). Здесь находятся 560 ядерных боеголовок на 56 ракетах СС-24. Второе — пусковые шахты возле поселка Деражня Хмельницкой области. Здесь находятся 360 ядерных боеголовок на 60 ракетах СС-19.

Ракета СС-24 (по натовской классификации) может нести 10 ядерных боеголовок, а СС-19 — шесть. Некоторые — мощностью до 1 мегатонны.

База ядерного вооружения военно-воздушных сил находится у местечка Октябрьское южнее Николаева, два аэродрома стратегических бомбардировщиков — северо-восточнее Киева и в районе поселка Узин под Белой Церковью. На Украине еще есть 6 баз средних бомбардировщиков, около 11 баз тактических истребителей, 7 баз ПВО. На них могут находиться самолеты, несущие ядерные заряды — Ту-95, Су-24, МиГ-27, Су-17.

Возле Севастополя, Феодосии и в некоторых других местах несут боевую вахту 120 больших и малых кораблей, оснащенные крылатыми ракетами, подводные лодки и 230 самолетов морской авиации.

Достался ядерный арсенал и пехоте. 19 мотострелковых и 10 танковых дивизий на Украине имеют тактические ракеты средней дальности. Не исключено, что на них может базироваться 480 ядерных боеголовок. Но такие подсчеты уже представляют большие трудности.

Ракеты средней и меньшей дальности расположены в Луцке, Бродах и Червонограде Львовской области, Славуте Хмельницкой области, Белокоровичах, Высокой Печи, Липниках и Коростене Житомирской области, Глухове, Ахтырке и Лебедине Сумской области.

Вот какое «богатое наследство» оставил после своего краха Советский Союз на территории Украины.

* * *

Учитывая то, что вопрос о безъядерном статусе Украины до сих пор вызывает в обществе и СМИ дискуссии, я, на основании официальных сообщений тех лет, расскажу, как непросто и болезненно происходил процесс ядерного разоружения Украины. Тем более, что время и свойства человеческой памяти способствуют забвению того, что еще несколько лет тому назад волновало и будоражило общественность Украины и всего мира.

Вопрос о размещении ядерного оружия на территории Украины и его юридической подконтрольности возник еще до развала Советского Союза.

Высший законодательный орган Украины — Верховна Рада — в Декларации о государственном суверенитете торжественно провозгласила «о своем намерении стать в будущем постоянно нейтральной державой, которая не участвует в военных блоках и придерживается трех неядерных принципов: не принимать, не изготавливать и не приобретать ядерное оружие».

Парадокс заключался в том, что Украина, которая была составной частью СССР, считалась безъядерным государством, хотя все знали, что на ее территории ядерное оружие есть. Республика Украина находилась в таких железных объятиях военно-промышленного комплекса СССР, что каком-либо обсуждении с центром этих судьбоносных вопросов не могло быть и речи.

Так что ядерное оружие в Украине было и одновременно вроде бы его не было.

Впервые официально признал факт размещения на Украине ракетно-ядерных вооружений президент России Ельцин во время телемоста с США 5 сентября 1991 года. Как Борис Николаевич собирался это оружие забирать — оставалось неизвестным. Неясен был также ответ на главный вопрос — будет ли отвечать эта акция России национальным интересам Украины, интересам укрепления ее независимости и суверенитета?

Демонтаж боевых головок тактических ракет. Журнал «Новое время». № 5. 1993.

С созданием собственных вооруженных сил вопрос о размещении ракет стратегического назначения на территории Украины приобрел особый вес. Безъядерный статус Украины предполагал, что наличие на ее территории ядерного оружия является временным. Контроль над ядерным арсеналом на своей территории Украина пока оставляет за соответствующими структурами бывшего СССР, но сохраняет за собой право «вето» на его использование. Кравчук и Назарбаев предложили создать специальный телефонный аппарат четырехсторонней связи. Сигнал вызова одновременно раздавался у всех четырех руководителей ядерных государств. И хотя «ядерная кнопка» находилась у Ельцина в Москве, любой из членов четверки мог отменить приказ о запуске ракет. Таким образом, к примеру, президент Кравчук своим приказом хоть и не мог привести в действие ракеты, но мог заблокировать спорное решение. Но это было лишь право принимать участие в запуске, но не реальная кнопка. В этом была суть и двойственность ситуации.

После провозглашения независимости Украина начала выводить со своей территории тактическое ядерное оружие. Она объявила о своем намерении присоединиться к Договору о сокращении стратегических наступательных вооружений (СНВ). Россия и США

настоятельно торопили Украину и оказывали на нее всяческое давление.

Но существовал целый ряд конкретных проблем технического и финансового характера, без решения которых присоединение к Договору по СНВ было невозможно.

Первая — предоставление Украине гарантий ее безопасности. Вторая — решение вопросов о судьбе ядерных материалов, находящихся в боеприпасах. Третья — обеспечение безопасности ядерных боезарядов на территории нашей страны.

Украина также опасалась возросшей активности российских импер-радикалов, для которых независимость республики оставалась неприемлемой. Она была озабочена вероятностью поворота в политике России, при которой станет реальностью ядерный шантаж.

Именно в эти дни газета «Московские новости» распространила сообщение, что в российских военных кругах рассматривался вопрос о возможности обмена ядерными ударами между независимой Украиной и Россией. И хотя это сообщение Ельцин назвал «ядерной уткой», оно не на шутку встревожило украинских парламентариев и общественность.

Необходимо было также экономическое обеспечение ядерного разоружения Украины. Украина хотела бы иметь гарантии, что большая часть средств на эти цели будет получена от партнеров по ядерному сообществу. Соединенные Штаты заявили, что предоставят для проведения первоочередных работ около 175 миллионов долларов. Но этого, по мнению украинских экспертов, было мало. Киев оценивал компенсацию за ядерное оружие в 2,8 миллиардов долларов.

В 1992 году между Россией и Украиной до опасной черты обострились отношения из-за раздела Черноморского флота. В средствах массовой информации России стал подниматься вопрос о правовых основаниях передачи Хрущевым Крыма Украине.

Ельцин тренирует «украинскую команду на черноморской галере. Газета Post ноступ. № 34. 1993.

Общественное мнение обоих государств было настолько взбудоражено, что 46 % опрошенных опасались, что между бывшими республиками СССР могут возникнуть вооруженные столкновения. Наиболее опасным конфликтом опрошенные считали конфликт между Россией и Украиной. В самой Украине подобного мрачного прогноза придерживалось меньше четверти населения (24 %), зато в России — подавляющее большинство (60 %).

Масла в огонь подлило еще и то, что президент России Ельцин на переговорах с президентом США Бушем заявил, что он сокращает стратегические ядерные силы в республиках, в том числе те, которые находятся на Украине.

Сделано это было без предварительных консультаций с президентами республик, на территории которых эти ядерные силы размещались. Президент Кравчук резонно спрашивал, как можно сокращать те силы, которыми не располагаешь. Он заявил, что приостанавливает вывоз ядерного тактического оружия с Украины до получения надежных гарантий о его последующем уничтожении. Позже под давлением США вывоз тактического ядерного оружия был продолжен и закончился полным его выводом.

В те дни Степан Хмара с трибуны Верховной Рады заявил: «Чтобы гарантировать свою территориальную целостность, Украине необходимо владеть хотя бы небольшим ядерным потенциалом,

который бы выполнял роль сдерживающей силы». И он был не одинок в своем мнении.

Аргументы в пользу сохранения статуса Украины в качестве ядерного государства были такие. Экономический: наличие ядерного оружия позволит сократить оборонные расходы. Правовой: значительная часть ядерного арсенала бывшего Союза сделана на украинской руде, на предприятиях республики и ее специалистами. Политический: стать влиятельным государством Украина сможет, только сохранив свой ядерный потенциал.

Аргументы против сохранения ядерного статуса заключались в необходимости соблюдать Договор о нераспространении ядерного оружия. Нарушить его — значит надолго испортить имидж миролюбивой державы и получить жесткие санкции, которые больная экономика Украины тех лет не выдержала бы.

В начале 1993 года в Сочи был подписан Договор о сокращении стратегических наступательных вооружений (СНВ-2) между Россией и США. Было почти втрое сокращено количество ядерных боеголовок и изменено соотношение носителей ядерного оружия в так называемой «триаде». Договор уже был подписан, Россия объявила себя правопреемницей СССР в вопросе ядерных вооружений, а безъядерный статус Украины, Беларуси и Казахстана все еще оставался неопределенным. Ракетные войска на их территориях оставались пока без государственной принадлежности.

Не упоминая Украину в Договоре СНВ-2, США и Россия тем самым подчеркнули, что новых ядерных держав не должно быть. Россия является единственным собственником всего ядерного арсенала и готова принять от Украины, Беларуси и Казахстана принадлежащее ей ядерное оружие.

Таким образом Ельцин перебросил решение договоренностей с Украиной на вашингтонскую администрацию. У нее, конечно, было больше рычагов и средств, чтобы добиться от ядерных республик бывшего Советского Союза выполнения взятых ими обязательств.

«Российско-американский Договор о СНВ-2 не возлагает на Украину каких-либо обязательств, — заявил хитрый Кравчук. — И его действие не распространяется на ее территорию».

Стало ясно, что Украина так просто не расстанется со своим ядерным статусом, а потребует за него высокую цену. Но на признание

права собственности Киева на ядерное оружие США пойти не могли, Президент Клинтон прямо заявил: «Нам не нужны новые ядерные государства».

Продолжала давить на Украину и Россия. Министр обороны Павел Грачев угрожающе предупреждал, что задержка вывода с украинской территории ядерного оружия грозит «вторым Чернобылем» из-за недостатков в обслуживании ракет и боеголовок. Министерство иностранных дел Украины отреагировало мгновенно, заявив: «Как издевательство звучит запугивание о возможности повторения на Украине чернобыльской трагедии оттуда, откуда эта трагедия именно и пришла на нашу землю... Искусственно созданный ажиотаж вокруг ядерного оружия на территории Украины преследует цель добиться распространения юрисдикции России на это оружие и лишить Украину права на компенсацию за компоненты этого оружия».

Украина подтвердила свое право собственности на ядерные компоненты оружия, а не на ядерное оружие. Она не могла согласиться с тем, чтобы на ее территории находились иностранные войска, к чему привела бы юрисдикция России над ядерным оружием.

Соединенные Штаты, обеспокоенные тем, что в Верховной Раде усилились позиции сторонников сохранения ядерного статуса Украины, решили изменить свою тактику.

Американский министр обороны Лес Эспин предложил взять под совместный международный контроль, конечно — с участием США, ядерные боеголовки, размещенные в Украине, и обеспечить их безопасность.

Россия на это пойти не могла и поспешила подписать соглашение о судьбе ядерного оружия с Украиной. Восстанавливалось обслуживание военными российскими специалистами боеголовок и надзор над основными ракетными комплексами в Первомайске и Хмельнице. Снимались с боевого дежурства и разукомплектовывались 5 ракетных полков стратегического назначения. И, главное: Украина получала компенсацию за ядерные боеголовки в виде топлива для своих АЭС.

Процесс ядерного разоружения Украины значительно осложнился в 1993 году после удара США по Ираку. Министр иностранных дел Украины А. Зленко заявил: «Где уверенность, что даже предоставив Украине требуемые ею гарантии безопасности, Америка не забудет о

них после вывода последней ракеты с ядерной боеголовкой с территории страны?»).

Верховная Рада, ратифицируя Договор по СНВ-1, приняла «Основные направления внешней политики Украины», в которых подтверждались обязательства Украины стать безъядерной державой. Но председатель внешнеполитической комиссии Д. Павлычко предложил включить в них поправку, из которой следовало, что по историческим причинам республика стала «владельцем ядерного оружия, которое унаследовала от бывшего Советского Союза».

Объявив себя владельцем, парламент подтверждал, что ядерное оружие следует сохранить как гарант безопасности. Украина сохраняла это оружие под оперативным управлением Объединенного стратегического командования СНГ.

Такое решение украинского парламента вызвало бурю эмоций на Западе и в России. На грани срыва оказался Договор по СНВ-2, так как в нем были определены конкретные уровни сокращений, в которые для России были включены ядерные компоненты, задерживаемые Украиной.

Министр обороны Украины К. Морозов немедленно издал приказ, которым отменил все директивы Министра обороны России о расформировании стратегических частей и передал их в состав 43-й ракетной армии.

В интервью украинскому телевидению Министр иностранных дел А. Зленко объявил: «Новым элементом во внешнеполитической деятельности Украины является то, что она официально признала себя собственником ядерного оружия».

С подачи России основные западные партнеры, страны, входящие в НАТО, осудили стремление Украины сохранить ядерное оружие. Давление все нарастало, и к концу 1993 года, усугубленное глубоким экономическим кризисом, достигло максимума.

Украина в течение длительного времени сопротивлялась, не хотела отказываться от ядерного оружия, но в конце концов уступила давлению со стороны Москвы и Вашингтона. Этому способствовали обещания американской помощи, а также поставок Россией дешевой нефти и газа.

В течение некоторого времени Киев видел в ядерном оружии прежде всего «большую материальную ценность» и требовал от

международного сообщества 2,8 миллиардов долларов на собственную программу по его ликвидации. Президент Клинтон выразил уверенность, что Украина выполнит свои обязательства и ратифицирует Договор по СНВ-2. А чтобы быть еще более уверенным, он преподнес рождественский подарок — 12 миллиардов долларов компенсации за полную ликвидацию ядерного оружия на Украине.

Политики правого и левого толка в целом одобрили перспективу ядерного разоружения Украины. «Финансы отрезвляют политику, — сказал один из лидеров украинской оппозиции В. Филенко. — Экономически мы сейчас ядерное оружие не потянем».

На трехсторонней встрече министров обороны Украины, России и США было признано, что Украина полностью выполняет свои обязательства, касающиеся ядерного разоружения. Украина, в свою очередь, не имела претензий к США и России.

Казалось бы, в этом непростом вопросе настала тишь и благодать. Но вот в октябре 2003 года Россия в одностороннем порядке стала строить дамбу от Тамани к украинскому острову Тузла. Когда до острова оставалось 100 метров, украинский политикум всех толков с удивительным единодушием встал на защиту территориальной целостности Украины. Тогда-то некоторые патриоты в Верховной Раде, на страницах газет и журналов снова подняли вопрос — а правильно ли сделала Украина, добровольно став безъядерной державой?

Доводы за возвращение Украины в семью ядерных держав основываются на том, что мир в последние годы очень изменился. По словам генерального директора Международного агентства по атомной энергии (МАГАТЭ), сейчас около 30 стран могут иметь технологии для создания ядерного оружия. Появились новые страны, владеющие этим оружием.

Пакистан имеет баллистические ракеты, способные наносить удары по центральным районам Индии. По оценкам аналитиков, пакистанский арсенал насчитывает 48 ядерных зарядов. Индия владеет от 55 до 110 ядерными боеголовками. Израиль не подписал Договор о нераспространении ядерного оружия и официально не признает, что им располагает. Но эксперты насчитывают в его арсеналах от 100 до 200 ядерных зарядов. По данным американской разведки, у Северной Кореи может быть до 10 ядерных зарядов.

И хотя эти страны находятся далеко от Украины и не могут представлять для нее непосредственной угрозы, но они существуют и свидетельствуют, что ядерное оружие расплзается по миру, несмотря на все старания Совета Безопасности ООН.

Особое беспокойство вызывают страны Ближнего Востока — Иран и Ирак, которых подозревали и подозревают в стремлении к овладению оружием массового уничтожения. Эти страны находятся в регионах, приближенных к нашим границам.

Вольно или невольно статус ядерной державы повышает международный авторитет страны. До того, как Индия и Пакистан в 1998 году провели ядерные испытания, к ним относились как к хронически отсталым странам «третьего мира» с больной экономикой. Сейчас они приобрели совершенно иной международный вес.

Многие в Украине считают, что если бы она сохранила ядерное оружие, то это усилило бы гарантии суверенитета, подняло ее международный авторитет и укрепило ее национальную безопасность.

Возвращение утерянного статуса государства, имеющего ядерное оружие, не только не укрепило бы национальную безопасность, но поставило бы ее перед новыми испытаниями. Прежде всего, это было бы нарушением Декларации, в которой Украина взяла на себя обязательство быть безъядерной державой. Одновременно она нарушила бы Договор о нераспространении ядерного оружия, на что немедленно и негативно отреагировало бы международное сообщество.

А как же быть с неоднократными вызовами экономического и политического характера нашего северного соседа — России? Украина имеет все права обвинять Россию и США в несоблюдении международных обязательств, принятых ими в связи с присоединением к Договору о нераспространении ядерного оружия. Не выполняются также гарантии, которые были предоставлены в Будапеште 5 декабря 1994 года. Будапештский Меморандум подтверждал обязательства стран воздерживаться от экономического давления, которое может приводить к каким-либо политическим изменениям в Украине.

Все эти вопросы следует решать в соответствии с международными нормами и существующими договорами, а не с оглядкой на нереализованную силу.

А может ли вообще потянуть Украина тяжесть нового ядерного вооружения? Хватит ли у нее экономических, технических и интеллектуальных ресурсов для его реанимации?

По мнению доктора технических наук профессора Харьковского университета военно-воздушных сил Б. Кононова, из попыток вернуть Украине ядерный статус ничего не получится. Нет уже ни пусковых установок и шахт, ни командных пунктов. Нет в наличии ядерных боеприпасов и самих ракет. Отсутствуют специалисты, способные обслуживать эту технику. Украина не выпускает даже топливо для своих атомных электростанций, не говоря уже об оружейных ядерных материалах. Возвращение ядерного статуса потребует огромных финансовых затрат, которые непосильной тяжестью лягут на нашу экономику.

Более оптимистично смотрят на эту проблему специалисты по ядерной технике.

Член-корреспондент Национальной академии наук Украины профессор В. Толок считает, что Украина владеет технологией добычи урановой руды и имеет ее запасы на своей территории. Многие АЭС используют те же материалы, которые применяются при создании ядерного оружия. Технологии обогащения урана можно создать очень быстро. Для этого есть достаточное количество высококвалифицированных специалистов. Но для того, чтобы получить ядерные заряды, требуются большие производственные мощности и значительные финансовые средства, которых, скорее всего, Украина сейчас позволить себе не может^[28].

Что касается средств доставки ядерных зарядов — ракет, то в этом деле наша страна была одной из ведущих в военно-промышленном комплексе бывшего Советского Союза. Такой она осталась и по сегодняшний день.

Днепропетровский «Южмаш» был основным изготовителем межконтинентальных баллистических ракет для Советской Армии. Самая мощная ракета РС-20, которую американцы называли «Сатаной» (по натовской классификации СС-18), была и остается до сих пор в арсенале ядерного оружия России. По своей разрушительной силе, как утверждают эксперты, одна такая ракета в 4–5 раз смертоносней, чем все армии воюющих стран во Второй мировой войне.

В современной ядерной войне, говорят военные специалисты, не нужны крупные группировки войск. Она начнется и закончится мощными ракетными ударами высокоточного оружия, наносимыми за короткое время. Основными ударными силами в ней будут стратегическая авиация и военно-морской флот, которые сами фактически участвовать в боевых действиях не будут. Самолеты и корабли будут только подносчиками боеприпасов до рубежей пуска ракет. Стратегические крылатые ракеты автоматически находят нужные цели и поражают их со стопроцентной вероятностью. Не будет ни фронта, ни тыла. Все объекты делятся на поражаемые и непоражаемые. Если одна из противоборствующих сторон не сможет ответить ударом на удар, уничтожить цели на чужой земле, — она обречена.

В такой войне Украина победить серьезного противника никогда не сможет. А быть обладателем ядерного оружия, чтобы только пугать вероятного агрессора, — слишком дорогое удовольствие. Для возврата ядерного статуса Украине, как считают эксперты, необходимо истратить 2 миллиарда долларов. Да, Украина способна стать ядерной державой, но это ей сейчас не нужно.

* * *

В сентябре 2006 года я решил съездить в Багерово и посмотреть, что стало с 71-м полигоном Военно-Воздушных Сил СССР. Как и следовало ожидать, никаких сведений о нем за все доперестроечные годы ни в газетах, ни по радио, ни на телевидении не появлялось.

И только иногда в разговорах с бывалыми летчиками всплывало название этого аэродрома. Да и то, собеседники сразу становились серьезными и немногословными. Некоторые же проявляли беспокойство и излишнюю бдительность. Однажды в 1960 году в Одесской области в пивной станции Рауховка, близ которой находился знакомый мне с детства аэродром, мои захмелевшие собеседники даже сдали меня военному патрулю. Пришлось потом долго объяснять в комендатуре, откуда я знаю секретное слово «Багерово».

Электричка подошла к чистенькой платформе и аккуратному станционному домику с надписью «Багерово». Прямо за станцией

располагался бывший военный городок. Никаких следов проходной и колючей проволоки нет. Дорога, которую я, казалось бы знал, была незнакомой. Нет и в помине нашей первой барачной казармы, нет летней эстрады. Исчезли все старые одноэтажные домики, зато вырос и расширился жилой городок. Возле магазина — небольшой базарчик с овощами и фруктами, но людей на нем почти нет.

Станция Багерово. 2006 г.

Центральную улицу я все же признал. Еще в электричке одна из женщин, работавших когда-то в городке, сказала мне, что в поселке есть улица Чернореза. Дорогу к этой улице я спросил у подозрительного вида парня, который назвался мордвинком Володей.

— Вы, я вижу, нездешний. Зачем вам улица Чернореза? — с интересом и смутной надеждой спросил меня парень.

— Я когда-то служил в этих местах под командованием генерала Чернореза. Приехал посмотреть, что стало с когда-то прославленным городком.

— Лучше никуда не идите и ничего не смотрите. Нечего уже смотреть. Все, что можно было, разрушили, растащили. От сооружений и зданий одни развалины остались. С тех пор, как военные отсюда ушли — все уничтожено. А улица Чернореза вон там за деревьями, на ней церковь стоит.

Он еще раз взглянул на меня испытующим взглядом.

— Что-то трубы в горле полыхают, похмелиться бы...

Получив свою купюру, парень мгновенно растаял в кустах.

Церковь оказалась бывшим особняком генерала. Над входом в двухэтажный домик установлен восьмиконечный крест. Такой же

крест возвышается над крышей.

В доме генерала Чернореза сейчас — церковь. 2006 г.

В церкви подошел к молодому священнику, отцу Александру, который только окончил службу. Он, конечно, ничего ни о полигоне, ни о генерале не знает. Посоветовал мне обратиться к церковному старосте Степану Ивановичу, бывшему майору части, располагавшейся в Багерovo.

Но от майора, кроме бесконечных «Спаси вас ангел-хранитель!», ничего толком я добиться не смог.

По бетонным плитам Центральной улицы отправился в сторону военной части городка, где располагались казармы, комендатура и штабные здания.

Уже издали я увидел запустение и разруху. Вот казарма, от которой остались стены с окнами, заложеными блоками песчаника. Видимо, какое-то время предпринимались попытки оградить постройку от полного разрушения. Но человеческая алчность и беспамятство победили. Крыша и все ее конструкции исчезли, а внутреннее пространство казармы поросло высокой травой.

Наша бывшая казарма. 2006 г.

Далее на моем пути выросли руины бывшей котельной. Над ними возвышалась только чудом сохранившаяся кирпичная труба. Было

такое впечатление, что котельную не просто разобрали, а — подорвали. Огромные бетонные перекрытия лежали на остатках стен. Их бы тоже растащили на кирпичи, но это представляло угрозу для жизни.

Развалины котельной. 2006 г.

А вот и одно из производственных зданий, в которых мы когда-то работали с изделиями. От него остались только ряды железобетонных столбов. Их не так просто извлечь из земли, но скоро и они исчезнут. В таком же состоянии и другие помещения лабораторно-испытательных объектов аэродрома.

Бетонные столбы еще стоят. 2006 г.

Жалкий вид представляют наблюдательные вышки, зияющие пустыми глазницами окон. Все, что только можно было унести, — унесено. Остались только голые остовы, на которые особенно горько смотреть. Ведь здесь когда-то проводилась работа по руководству полетами новейших советских стратегических бомбардировщиков.

Остатки башни. 2006 г.

Лучше всего сохранилась основная взлетно-посадочная полоса аэродрома и ее рулежные дорожки. Сработанная из высокопрочных бетонных плит, она выдержала испытания перестройкой, разрухой и безразличием. Отчасти оттого, что такие мощные пласты железобетона не так-то просто было разворовывать. Да и к тому же, в примитивных хозяйствах местных жителей трудно было найти им применение.

Так что аэродромные полосы, рассчитанные когда-то даже на аварийную посадку «Бурана», все еще готовы к полетам. Они ждут своих новых хозяев, но не знают — каких. Наше государство с его министерством обороны ими не очень интересуется, а другие претенденты на такое, почти бесхозное хозяйство, пока претендовать не решаются.

Заброшенное здание аэродрома. 2006 г.

Вокруг аэродрома и его сооружений ходят разные слухи. Говорят о скрытых подземных сооружениях, в которых, возможно, хранится военное имущество старых времен. Находятся «свидетели», которые

утверждают, что проникли даже в подземный аэродром, скрытый до сих пор от глаз непосвященных людей. Кое-кто распускает вымыслы о повышенной радиоактивности почвы и остатков конструкций. Слухи основываются на том, что самолеты из Багерово летали на полигон Семипалатинска для участия в испытаниях советских атомных бомб. Они проходили сквозь радиоактивные облака, где отбирали пробы частичек ядерных взрывов. После возвращения на базу самолеты дезактивировались. Зараженные продукты дезактивации, некоторые элементы техники якобы были захоронены и представляют опасность до сих пор. Но замеры уровня радиационного фона в районе аэродрома показали, что он не превышает среднего уровня для Крыма. Так что разговоры о том, что в Багерово неблагоприятная радиационная обстановка, не имеют основания.

Осталась только труба. 2006 г.

Побродив некоторое время около остатков сооружений аэродрома, я снова возвратился в поселок. Путь мой лежал мимо капитальных двухэтажных жилых домов, которые когда-то предоставляли офицерам полигона. Возведенные еще в сталинские времена, дома отличались добротностью постройки и высоким для тех времен уровнем комфортности. В них до сих пор живут военнослужащие, вышедшие в отставку.

С одним из них, Виталием Павловичем, мне удалось поговорить во двореке его дома. В прошлом подполковник авиации, он в 1974 году тоже заканчивал в Багерово курсы усовершенствования офицерского состава (КУОС). Эти курсы являлись, как я понял, приемником наших курсов, которые в 1955 году еще не имели официального названия. Вспомнил он фамилии и звания некоторых знакомых преподавателей. И хотя конкретно мы не говорили о предметах нашей учебы и ограничивались таким широким понятием как «изделие», но друг

друга понимали. С тех пор, как в 1996 году прошел последний выпуск штурманов Высшего военного училища и летная воинская часть была расформирована, в Багерово начался период запустения.

КУОС — курсы усовершенствования офицерского состава. 2006 г.

Виталий Павлович пожаловался на то, что в городке нет работы, на которой могли бы отводить душу отставники. Тяжело с работой и для членов семей. Офицеры, находящиеся в запасе, особенно близко к сердцу принимают разруху аэродрома и его сооружений. Им непонятно безразличие властей к тому, что еще осталось от бывшего величия.

От прошлого сохранился в целости только Дом офицеров, за помещения которого уже идут бои между предпринимателями. Но председатель поселкового совета пока успешно отбивается от настойчивых претендентов. Он, во чтобы то ни стало, хочет сохранить Дом офицеров.

Время между двумя электричками, в Керчь и обратно, сплывало быстро, и я поспешил посетить Дом офицеров. С ним у всех нас было связано много приятных воспоминаний.

Дом офицеров представляет собой импозантное здание, построенное в стиле сталинского классицизма. Арочный портик, опирающийся на четыре колонны, делает его легким и воздушным. На фронте до сих пор гордо сверкает пятиконечная звезда. Внешне он очень напоминает санаторное здание, но ни рядом, ни внутри нет людей. Жизнь здесь давно остановилась, о чем свидетельствует полное отсутствие афиш и объявлений.

Одинокая дежурная, Людмила Николаевна, с любопытством посмотрела на уже немолодого посетителя и заинтересовалась целью моего визита:

— Приезжают офицеры, когда-то служившие в гарнизоне. Заходят в зрительный зал, вспоминают свои молодые годы. Обязательно фотографируются на лестнице под единственным панно, оставшемся с тех времен.

— А почему у вас так пусто? — поинтересовался я.

— А кому ходить? Молодежь на работе в Керчи, приедет с работы — ей не до развлечений. Старики вообще не заходят. Даже — когда кино идет. У всех сейчас телевизоры, из дому не выходят. Вот хотят у нас здание под торговый комплекс забрать...

На лестничной площадке висит одно из жизнеутверждающих произведений бывшего ГлавПУ, олицетворяющее монолитную сплоченность Вооруженных Сил Советского Союза — армии, флота и авиации. Чтобы не разочаровать дежурную, я попросил ее сфотографировать меня под этим символом былого могущества.

Но, как ни странно, ностальгических и грустных чувств я не испытал. Впечатление было такое, что хожу я по какому-то музею. Все это давно отошло в прошлое, и еще большой вопрос, стоит ли о нем жалеть.

Патриотическое панно в доме офицеров. 2006 г.

Несколько часов, проведенных в Багерово, пролетели неожиданно быстро. И вот я уже снова сижу в электричке и смотрю из окна на неузнаваемо красивую станцию. Вдруг взгляд мой останавливается на чем-то до боли знакомом. Из-за кустов сирени выглядывает статуя летчика, щедро покрытая алюминиевой краской. Летный шлем с

очками, большой планшет и поднятая к глазам рука не оставляют сомнений — он на страже и готов в любую минуту взлететь в небо. Самое интересное то, что эта фигура сохранилась с тех времен, когда мы впервые появились на полигоне. Изменились люди, изменился полигон, изменилась страна, а он, этот старый служака, даже позу не изменил. Не правда ли, это напоминает кое-кого из ныне живущих?..

Он по-прежнему готов к полету. 2006 г.

* * *

Выпускники радиотехнического факультета Харьковского политехнического института 1955 года не забывают друг друга. Раз в пять лет они съезжаются в Харьков из разных стран: России, Беларуси, Израиля, Канады, США. Собираются на ступеньках электрокорпуса, с удивлением узнают друг в друге полузабытые характерные черты, резвятся, как дети, а потом за дружеским столом вспоминают студенческие годы. Харьковчане, которых всегда было большинство, собираются еще и в мае ежегодно. И что удивительно — на эти встречи все чаще приезжают и из других городов: Киева, Полтавы, Москвы. С годами нас тянет друг к другу все сильнее и сильнее. К сожалению, многих уже нет в живых, но их заменяют те, кто по каким-то причинам не приходил на встречи раньше. Приезжают с детьми и

внуками, в результате чего численный состав пока еще держится на стабильном уровне.

Такой уникальной верности удивляются другие выпускники, удивляемся и пытаемся объяснить причину этой привязанности и мы сами.

На мой взгляд, она обусловлена тем, что на радиофак в те годы поступали лучшие из лучших, которые ценили не только знания, но и моральные ценности. В те послевоенные годы еще не были обесценены ни медали за успехи в учебе, ни искренность человеческих отношений, ни дружеская верность и взаимовыручка.

Другим важным фактором было то, что в тот далекий 1950-й год на радиофак поступило много бывших военнослужащих — солдат, летчиков, моряков. Они прошли войну, успели повоевать и знали цену жизни. Им, отставшим в учебе на несколько лет, было нелегко идти наравне со вчерашними десятиклассниками. Но они были целеустремленны и настойчивы. И самое главное — между старослужащими и школярами установилось редкое в таких случаях доверие и желание помогать друг другу. Одни помогали в учебе, другие — в жизненной мудрости. Фактически школьники получили близких наставников, которым могли довериться, а старослужащие — бескорыстных репетиторов, помощников и товарищей.

Юбилейная встреча выпускников радиофака. 2000 г.

Я утверждаю, что именно старослужащие сыграли главную роль в нашей более чем полувековой дружбе. Юра Бутрим, Коля Малых, Петя

Иванов, Игорь Смирнов, Слава Щербов, Петя Семеновский, Витя Бахарев — вот далеко не полный перечень тех, кому мы обязаны тем, что встречаемся до сих пор.

В 1980-х годах стали уходить в отставку по возрасту те, кто был призван в 1955 году. Все они служили на командных должностях в разных краях Советского Союза. К сожалению, специфика работы и режим секретности не давали им возможности рассказывать о своей служебной деятельности. Расспрашивать об этом тоже было не принято. Поэтому сохранились только некоторые фрагменты последних лет их службы. Уточнять эти данные сейчас невозможно, так как большинства из них, увы, уже нет в живых.

Полковник Кобыляцкий Юрий Николаевич был главным инженером РТБ на аэродроме морской авиации в Оленогорске. Когда-то в наших шутейных опросах он мечтал быть майором. Последние годы он иногда приходил на наши встречи в белой морской форме при всех орденах. И ему, и нам это очень нравилось. Умер в 2004 году от инфаркта.

Полковник Камплеев Константин Васильевич служил сперва начальником отдела КИП, а потом — главным инженером в Свердловске-45. Он и в армии был душой общества, организатором КВН и выездов на природу.

Последние годы Костя работал с молодежью на станции юных техников. По-прежнему был весел и жизнерадостен. Умер в 1998 году от лейкемии.

Полковник Константин Камплеев с дочерью Оксаной. 1980 г.

Подполковник Коваленко Григорий Кириллович закончил службу в 1983 году в должности начальника сборочной бригады, прослужив в одной и той же воинской части в городе Полтава 27 лет. Он неизменно приезжает с женой на наши встречи, принимает активное участие в их организации и продолжает писать стихи. На одной из последних встреч прочел стихотворение, посвященное горестным раздумьям о прошлом и настоящем атомного оружия бывшего Советского Союза.

С разрешения автора я привел его полностью, так как оно отражает точку зрения тех, кто честно и надежно охраняли спокойствие страны, и ничуть не сожалеют об этом.

Ядерным друзьям соратникам

Как часто в растревоженной печали
Срываем мы листок календаря.
Сбывается ли то чем мечтали?
Иль в прошлом —
годы, прожитые зря?

Ведь много тех, с кем в жизни мы
встречались.
Отправились тихонько в мир иной...
А те, которые (пока!) остались,
Покрылись неотмывной сединой...

Нет! Нам не стыдно
вспомнить катакомбы,
Где столько лет
по многу-многу штук
Хранились мирно атомные бомбы,
Покорные движениям наших рук.

Мы в сказочных богатствах
не купались.
Бывало — не хватало на обед...
Но помните?

Реакторы взрывались,
Заряды, ядерные, — нет!

В бетонных склепах
под защитой стали
Рабочее спокойствие страны
Мы честно и надежно охраняли
В тревожных мегатоннах тишины.

За морем господя тогда боялись,
Истошно возводя на нас навет.
Но атомные бомбы их взрывались.
А наши, ядерные, — нет!

Выходит, что не зря мы
так старались,
с Америкой «играя» в паритет.
На станциях реакторы
взрывались...
Заряды, ядерные — нет!

Мы часто и в отставке
Просыпались,
Разбужены тревогою во сне...
В тревогах тех мы
юными остались
Мы сердцем не подвластны седине!

В бореньях ратных мы
врагу не сдались,
но так решил
Верховный наш Совет:
От ядерной защиты отказались...
И дружный хохот
слышится в ответ!

Но как бы над былым

не издевались,
Я гордо заявлю на целый свет:
«Реакторы на станциях
взрывались?

Заряды, ядерные, — нет!»
Заряды, ядерные, — нет!

Нет! Нет! Нет!

Коваленко Г. К.

Подполковник Григорий Коваленко. 1974 г.

Майор Караванский Виктор Филимонович работал в сборочной бригаде в Белоруссии в поселке Мачулище. Техника радиационной безопасности на объекте оставляла желать лучшего. Со временем большинство членов бригады умерло. Виктор умер от лимфолейкоза в 1995 году.

Майор Виктор Караванский. 1976 г.

Из одиннадцати человек, которые осваивали атомные бомбы в Багерово, четыре — успешно прослужили положенный срок и вышли в отставку. Четыре — демобилизовались в ближайшие годы, два затерялись (мне о них ничего неизвестно), и один трагически погиб.

Из такого же количества выпускников, которых оставили в Москве работать с баллистическими ракетами, полковниками стали Яковчик Вилен Иванович и Могильченко Николай Александрович. Остальные вышли в отставку подполковниками.

Полковник Вилен Яковчик. 1982 г.

Полковник Могильченко уже более 30 лет преподает «Теоретические основы радиотехники» в Киевском военном училище связи. Почетный радист СССР. Постоянный участник наших встреч и их неугомонный кинохроникер.

Полковник Николай Могильченко с женой Валерией. 1987 г.

Подполковник Демьяненко Юрий Александрович определял параметры нисходящих участков траекторий головных частей первых МБР на Камчатке. Участвовал в определении орбит первых искусственных спутников Земли и космических кораблей, облетающих Луну. В 1969 году назначен научным сотрудником в Головной институт космической связи. В 1980 году защитил кандидатскую диссертацию по космической связи. После увольнения в запас в 1987 году по сей день работает в системе международной спутниковой связи «Иридиум».

Подполковник Юрий Демьяненко. 1981 г.

Подполковник Баранов Юрий Александрович принимал участие в запусках первых МБР. Преподавал в Казанском училище ракетных войск, работал в военной приемке на заводах Харькова. Умер в 1999 году.

Подполковник Юрий Баранов. 1981 г.

Остальные участники этой группы работали на полигоне Байконур и участвовали в запусках и испытаниях межконтинентальных баллистических ракет разных модификаций и космических объектов разного назначения.

Была еще небольшая группа из трех человек, которые после призыва были направлены на работу в Военную инженерную радиотехническую Академию им. Говорова.

Солодовников Геннадий Константинович стал полковником, доктором технических наук, профессором, лауреатом Государственных премий СССР и УССР. Участвовал в научной экспедиции в Антарктиду. Умер в 1997 году.

Подполковник Гарцуев Вадим Михайлович защитил кандидатскую диссертацию по военной кибернетике. Вышел в отставку в 1981 году, сразу же по истечению 25-летнего срока службы.

Майор Хорошавин Роман Юрьевич был начальником учебной лаборатории.

Это была наиболее эффективная в научном отношении группа. Они всю свою военную службу провели в Харькове, поэтому могли полностью сосредоточиться на науке.

Система Министерства среднего машиностроения, кроме меня, не оставила в покое и Володю Кузнецова. Того, который «здоров, как бык». Вместо службы в Тростянце, где он мечтал разводить козочек и свиней, после демобилизации он попал в закрытый город «Арзамас-16». Там он и умер в 1992 году.

Неблагополучное положение с радиационной безопасностью, в результате которой Юрий Баранов со временем умирали офицеры, имело свои причины. Это объяснялось не столько отсутствием должного контроля, сколько тем, что первые изделия давали высокое гамма-излучение, то есть «фонили». Только после того, как в модернизированные («тройка-И») изделия поставили дополнительные источники нейтронного излучения, стало возможным существенно уменьшить количество ядерного вещества и сократить радиоактивное излучение. С января 1961 года работа с ядерными боеприпасами для личного состава стала считаться безопасной. Во всяком случае — с юридической точки зрения.

Подполковник Николай Скусинец. 1983 г.

Вот такой вклад в оборону бывшего СССР внесли выпускники 1955 года радиотехнического факультета ХПИ. Это был, пожалуй, самый милитаризованный выпуск за все послевоенные годы.

* * *

Что бы там ни говорили, но атомное оружие спасло мир от третьей мировой войны. Балансирование на грани войны сдерживало каждую из противоборствующих сторон от последнего фатального шага. Взаимное гарантированное уничтожение друг друга становилось реальностью, а расходы на гонку вооружений — непосильной тяжестью.

В последние годы холодной войны расходы на вооружение росли со скоростью двух процентов в год и составляли 25–30 процентов объема совокупного мирового продукта. Согласно данным американской общественной организации «Мировые приоритеты», в 1986 году на земле на военные цели тратилось 800 миллиардов долларов в год, то есть каждую минуту на вооружение уходило 2,5 миллиона долларов. Дошло до того, что на каждые 43 человека на земном шаре приходился один солдат, тогда как один врач — на 1030 человек.

Так дальше продолжаться не могло. Альтернативой ядерной войне могло быть только разоружение. И обе стороны — США и СССР — пошли на резкое сокращение ядерного оружия, продолжая привычно пугать друг друга страшилками типа «звездных войн» и «адекватными ответами».

Горы накопленного оружия, высокие военные технологии и гигантские железобетонные сооружения оказались невостребованными. Сотни миллиардов долларов были выброшены зря. Эти миллиарды и сейчас еще можно увидеть своими глазами в том же Крыму. О заброшенном и забытом полигоне 71 ВВС я уже рассказывал. Таких объектов на полуострове можно насчитать несколько десятков. Чего стоят подземные укрытия для подводных лодок в Балаклаве, которые тоже оказались никому не нужными. А так называемый «бункер Берии» в поселке Веселом, где хранился ядерный боезапас авиации Черноморского флота.

На одном из таких сооружений, зримо воплощающем безумную трату наших с вами денег, стоит остановиться особо. О нем стало известно совсем недавно.

На трассе Ялта-Севастополь в районе села Морозовки неприметная дорога сворачивает в сторону горы Нишан-Кая. Здесь в 1977 году было начато сооружение «объекта 221» — запасного командного пункта Черноморского флота. В случае термоядерной войны адмиралы планировали отсюда отдавать приказы кораблям, несущим боевую службу в Средиземном море и других морях Мирового океана.

На глубине 180 метров в монолитном теле горы сооружена многоэтажная система железобетонных помещений общей площадью в 13,5 тысяч квадратных метров. В трех блоках высотой и шириной 16

метров и длиной 130 метров должны были размещаться узел связи, обеспечивающий связь с кораблями через спутники, информационно-вычислительный центр, автономная система жизнеобеспечения. Внутренние помещения могли вместить сотни офицеров штаба, связистов и обслуживающего персонала.

К подземным сооружениям вели 500-метровые горизонтальные ходы, заканчивающиеся двумя железобетонными строениями на обеих сторонах горы. На внешних сторонах этих стен для маскировки нарисованы краской окна. Издали это походило на обыкновенные курортные дома.

Для сооружения «объекта 221» необходимо было выработать сотни тысяч кубометров тяжелого грунта. Чтобы как-то скрыть этот грунт, был специально построен фальшивый карьер, якобы добывающий этот грунт.

К 1987 году все проходческие и строительные работы были завершены. Строители приступили к прокладке систем вентиляции, кабельных линий, облицовке блоков. Начался монтаж секретной аппаратуры и оборудования.

Но Советский Союз распался, финансирование в 1992 году было прекращено и объект законсервировали. Еще шесть лет ему мучительно искали применение, а в 1998 году его стали грабить. Грабят до сих пор, в чем может убедиться каждый любознательный турист.

Подземное сооружение «объекта-221». 2007 г.

Сколько было истрачено денег на его строительство, никто никогда, очевидно, не узнает. Подобный проект с примерно такими же

целями в свое время осуществили Соединенные Штаты в Скалистых горах. Он тоже должен был выдержать прямое попадание водородной бомбы.

Вот мы и подходим к неутешительной мысли о том, что и США, и СССР все послевоенные годы бессовестно дурили и обирали свои народы. Ни одна из сторон нападать друг на друга не рисковала, но устрашающие позы демонстрировала с завидной изобретательностью и постоянством. И обе — панически боялись друг друга.

А мы, оболваненные пропагандой о, якобы, человеконенавистнических планах империалистических агрессоров, всему этому верили. От нас требовали все туже затягивать пояса, и мы безропотно их затягивали. Ненасытному военному молоху отдавали большую часть национальных доходов, светлые умы ученых и лучших специалистов, лучшие годы своей жизни.

Советский Союз выдохся первым. Разрядка и разоружение стали не политической, а экономической необходимостью. А развитой социализм оказался такой же обманкой, как и нарисованные окна на железобетонных стенах «объекта 221».

Так не хочется верить в то, что все усилия, направленные на противостояние капиталистическому миру, были напрасными. Хочется найти в них хоть какой-то тайный смысл, какое-то логическое оправдание, какую-то великую идею. Но все попытки оправдания разбиваются о простой факт: партийные деятели самого высокого ранга сами отказались от своих коммунистических догм, от построения социализма и стали строить еще вчера проклинаемый ими капитализм. Почти два десятка миллионов рядовых коммунистов или молча проглотили новые инициативы, или с привычным энтузиазмом их поддерживали. Что выйдет из этого нового строительства — еще никто не знает, ведь и капитализм строится так же неумело, как и социализм.

Единственным утешением становится то, что, однажды устранившись созданного собственными руками монстра, оба великих обманщика смогли придержать его на цепи в подземельях арсеналов. И на этом — большое спасибо.

Приложения

Перечень документальных материалов

Рубрика «Теперь об этом пишут...»

1. 71-й полигон: [переход](#).
2. Вверх по ступеням безумия: [переход](#).
3. Первые начальники полигона: Комаров Георгий Осипович. Чернорез Виктор Андреевич: [переход](#).
4. Багеровский аэродром: [переход](#).
5. Музруков Борис Глебович: [переход](#).
6. Взлет с ядерной подвеской: [переход](#).
7. Тактико-технические характеристики советских бомбардировщиков: [переход](#).
8. «Атомный солдат», ставший свидетелем ЧП с первой водородной бомбой СССР: [переход](#).
9. Первая советская атомная бомба РДС-1 (хронология создания): [переход](#).
10. Загадки XX съезда (как готовился доклад Хрущева): [переход](#).
11. Испытание первых советских атомных бомб: [переход](#).
12. Третья американская атомная бомба: [переход](#).
13. Хронология событий и действий разведки в связи с созданием советской атомной бомбы: [переход](#).
14. Была ли у Гитлера атомная бомба? [Переход](#).

Аббревиатуры, сокращения и кодовые названия

«Аквааун» американская программа аэрофотосъемки территории СССР.

АНУ Академия наук Украины.

«Арзамас-16» центр разработки атомного оружия СССР, КБ-11, г. Саров.

АЭС атомная электростанция.

БДВМ блок дальности временной механический.

БКУ боковой контактный узел.

«Бройлер» американский план сброса 33 атомных бомб на СССР (конец 40-х годов).

«Бункер Берии» подземное сооружение в поселке Веселом в Крыму.

«Буран» советский космический корабль многоцелевого использования.

«Бушюкер» американский план атомного нападения на СССР (1948 г.).

B1-B американский бомбардировщик.

B-2 американский самолет-невидимка.

B-29 американский тяжелый бомбардировщик, «летающая крепость».

B-36 американский бомбардировщик.

B-47 американский бомбардировщик среднего радиуса действия.

B-52 американский бомбардировщик дальнего радиуса действия.

«Валериан Урываев» научно-исследовательское судно.

ВВ взрывчатое вещество.

ВВК военно-врачебная комиссия.

ВПП взлетно-посадочная полоса.

ВВС Военно-воздушные силы.

ВГУ взаимное гарантированное уничтожение.

«Вибратор» радиолокационный высотомер.

ВЛКСМ Всесоюзный Ленинский Коммунистический Союз молодежи.

ВМС Военно-морские силы.

ВНИИЭФ Всесоюзный научно-исследовательский институт экспериментальной физики.

«Вэлиант» английский стратегический бомбардировщик.

«ггг Москва» гарнизонная гауптвахта города Москва.

ГКО Государственный комитет обороны.

ГКУ головной контактный узел.

ГлавПУ Главное политическое управление.

ГНИИ Государственный научно-исследовательский институт.

ГРУ Главное разведывательное управление.

ГУК Главное управление кадров.

«Дискаверер» американский спутник-шпион.

«Дропшот» американский план бомбардировки СССР 300 атомными бомбами (1954 г.).

ДЮСШ детско-юношеская спортивная школа.

ЖЖП «жертва женеvских переговоров».

Ил-28 советский тактический бомбардировщик.

ИОС инструкция обслуживания Спецтехники.

«Канберра» английский бомбардировщик.

КБ конструкторское бюро.

КВН клуб веселых и находчивых.

КГБ Комитет государственной Безопасности.

КИП контрольно-измерительные приборы.

КНШ Комитет начальников штабов США.

КПП контрольно-пропускной пункт.

КПСС Коммунистическая партия Советского Союза.

«Красный Кавказ» крейсер, использовавшийся в качестве цели при испытаниях.

КС крылатый снаряд.

КУОС курсы усовершенствования офицерского состава.

Ла-11 советский истребитель.

М-4 советский стратегический бомбардировщик.

МАГАТЭ Международное агентство по атомной энергии.

МАЗ Минский автомобильный Завод.

«Мальви» американская атомная бомба, сброшенная на Хиросиму.

«Маяк» химический комбинат по производству ядерного ВВ.

МБР межконтинентальная баллистическая ракета.

МиГ-15 советский истребитель.

«Мировые приоритеты» американская общественная организация.

МСМ Министерство среднего машиностроения.

МТСУ Министерство транспорта и связи Украины.

НАНУ Национальная академия наук Украины.

НАТО Организация Североатлантического договора.

НИИ научно-исследовательский институт.

НКВД Народный комиссариат внутренних дел.

«Новгород-18» новгородский арсенал.

«Новороссийск» линейный корабль, затонувший в г. Севастополе в 1955 г.

«Объект 221» запасной командный пункт Черноморского флота в Крыму.

«Объект Керчь-2» аэродром в Багерово, он же 71-й полигон ВВС.

«Орджоникидзе» крейсер, совершивший правительственный визит в Англию в 1956 г.

ОСОВИАХИМ общество содействия обороне, авиационному и химическому строительству СССР.

«Пинчер» американский план ядерного нападения на СССР (1946 г.).

ПВО противовоздушная оборона.

ПГУ первое главное управление.

ПУАЗО прибор управления артиллерийским зенитным огнем.

П/я 0908 Физико-технический институт Государственного комитета по использованию атомной энергии СССР.

Р-1 первая советская ракета с отделяющейся боеголовкой.

Р-5 советская баллистическая ракета, принятая на вооружение в 1955 г.

Р-7 советская межконтинентальная баллистическая ракета, запустившая первый спутник.

РГК резерв главного командования.

РДС «Россия Делает Сама» или *«Реактивный Двигатель Сталина»*.

РДС-1 первая советская атомная бомба, взорванная на вышке.

РДС-2 советская атомная бомба, сброшенная с самолета.

РДС-3 советская атомная бомба 513, «тройка».

РДС-4 советская атомная бомба Т-514, «четверка» или «Татьяна».

РСД-10 советская ракета средней дальности (SS-20).
РТБ ремонтно-техническая база.
РФЯЦ Российский федеральный ядерный центр.
САУ самоходная артиллерийская установка.
«Свердловск-45» уральский арсенал.
«Сизл» американский план бомбардировки СССР атомными бомбами.
СМЕРШ «Смерть шпионам», контрразведка в Красной армии.
«Смотрящий» эскадренный миноносец.
СНВ стратегические наступательные вооружения.
СНГ Содружество независимых государств.
СНК Совет народных комиссаров.
«Совершенный» эскадренный миноносец.
СОИ стратегическая оборонная инициатива.
СОН-3К радиолокационная станция орудийной наводки.
СОН-4 радиолокационная станция орудийной наводки.
СС-18 советская стратегическая ракета (РС-20).
СС-19 советская стратегическая ракета (РС-18).
СС-24 советская стратегическая ракета (РС-22).
СССР Союз Советских Социалистических Республик.
«Толстяк» американская атомная бомба, сброшенная на Нагасаки.
ТУ-4 советский тяжелый бомбардировщик.
ТУ-16 советский дальний бомбардировщик.
ТУ-95 советский стратегический бомбардировщик.
УААН Украинская академия аграрных наук.
УЗПИ Украинский заочный политехнический институт.
«Упреждающий удар» стратегическая концепция нанесения первыми атомного удара.
УССР Украинская Советская Социалистическая республика.
УФТИ Украинский физико-технический институт.
ХПИ Харьковский политехнический институт.
ХЭМЗ Харьковский электро-механический завод.
ФАУ-2 немецкая баллистическая ракета.
ЦРУ Центральное разведывательное управление.
«Челябинск-40» уральский Атомград в Кыштыме, позднее — г. Озерск.
ЧП чрезвычайное происшествие.

«Цейс Икон» немецкая оптическая фирма.

SCR-584 радиолокационная станция орудийной наводки.

U-2 американский самолет-разведчик.

Список использованной литературы

1. Книги

Боргезе В. Десятая флотилия МАС. — М.: Изд-во иностр. л-ры, 1957.

Гровс Л. Теперь об этом можно рассказать. — М.: Атомиздат, 1964.

Гречко А. А. // Советская военная энциклопедия. — М.: Военное изд-во. — 1976–1980.

Киссинджер Г. Ядерное оружие и внешняя политика. — М.: Изд-во иностр. л-ры, 1959.

Кларк Р. Рождение бомбы. — М.: Гос. изд-во л-ры в обл. атомной науки и техники, 1963.

Козлов М. М. Великая Отечественная война 1941–1945 // БСЭ. — М., 1989.

Лэпп Р. Атомы и люди. — М.: Изд-во иностр. л-ры, 1959.

Лэпп Р. Новая сила. Об атомах и людях. — М.: Изд-во иностр. л-ры, 1954.

Милитаризм: Цифры и факты. — М.: Политиздат., 1985.

Митин Л. И. Взрыв линкора «Новороссийск» 29 октября 1955 года // Катастрофа в Черном море / Шнюхов Е. Ф., Митин Л. И., Цемко В. П. — К.: Мanuscript., 1994.

Новоселов В. Н., Толстиков В. С. Тайны «сороковки». — Екатеринбург: Уральский рабочий, 1995.

Пестов С. В. Бомба. Тайны и страсти атомной преисподней. — С. Пб.: Шанс, 1995.

Пиблз К. Тайные полеты. — Смоленск: Русич, 2002.

Рузе М. Роберт Оппенгеймер и атомная бомба. — М.: Гос. изд-во л-ры в обл. атомной науки и техники, 1963.

Соколов Б. Неизвестный Жуков: портрет без ретуши в зеркале эпохи. — Минск: Родиола-плюс., 2000. — 546 с.

Судоплатов П. А. Спецоперации. Лубянка и Кремль 1930–1950 годы. — М.: ОЛМА-ПРЕСС, 1997.

Федоренко Ю. Время и место. — М. -Зеленоград: Микрон-Принт, 2004.

Ферми Л. Атомы у нас дома. — М.: Изд-во иностр. л-ры, 1958.

Чиков В. М. Нелегалы. Операция «Enormous». — М.: АСТ, 1997. — Ч. 1.

Чичилава Р. Сын Лаврентия Берия рассказывает. — К.: Инкопресс, 1992.

Шектер Дж., Дерябин П. Шпион, который спас мир. — М.: Междунар. отношения, 1993.

Юнг Р. Ярче тысячи солнц. — М.: Гос. изд-во л-ры в обл. атомной науки и техники, 1960.

2. Статьи из газет и журналов

Александров А. П. Как делали бомбу // Известия. — 1988. — 23 июля.

Арбатов А. Где предел разумной достаточности? // Новое время. — 1989. — № 17. — С. 12–13.

Ахромеев С. Наша военная доктрина // За рубежом. — 1989. — № 46. — С. 1–3.

Баев П. Цена ядерного престижа // Новое время. — 1992. — № 21. — С. 34–35.

Бирман И. Ноша не по плечу // Известия. — 1990. — 30 нояб.

Борейко В. Ядерное оружие: на Украине и около // КЗ. — 1991. — 20 нояб. — С. 4–5.

Будницкий А. Операция «Мерлин» // Мир увлечений. Секретные версии. — 2008. — № 1. — С. 14.

Головин И. Н. Кульминация. Рассказ о первом испытании советской атомной бомбы // Труд. — 1988. — 15 апр.

Гольданский В. Мир стал необычайно тесным... // Аргументы и факты. — 1989. — № 9.

Казина Н. СОИ — оружие первого удара для «звездных войн» // За рубежом. — 1987. — № 40. — С. 7.

Кикило В. Вверх по ступеням безумия // Известия. — 1987. — 29 июня.

Кондратьев А. Две ночи с супербомбой // ВВС. Тайны истории. — 2006. — № 10.

Кравчук Л. Последние дни империи... Первые годы надежды // Время. — 1994. — 24 мая.

Лук'янчук С. «Сатана» з українською біографією // Ми Тиждень. — 2008. — № 7. — С. 56–59.

Маляшенко И. Состязание в военных расходах // Новое время. — 1989. — № 22. — С. 18–20.

Маслов С. Я пробыл в ядерном грибе 30 минут... // Комсомольская правда. — 1996. — 19 окт.

Мацейко Ю. Чи нам потрібна ядерна зброя? // Літ. Україна. — 1991. — 31 жовт.

Маценко Г. Как Никита Хрущев на крейсере путешествовал в Великобританию // Секретные материалы XX века. — 2005. — № 19. — С. 34–35.

Михайлов В. Нашу атомную бомбу делают 100 тысяч человек // Комсомольская правда. — 1992. — 31 янв.

Морозов И., Козырев С. Бомба для Нагасаки в России? // Совершенно секретно. — 1992. — № 7. — С. 3–5.

Мошес А. Ядерная политика неядерной страны // Новое время. — 1993. — № 5. — С. 8–9.

Назаренко В. Контуры согласия? // Новое время. — 1989. — № 14. — С. 10–11.

Первухин М. Г. В августе 49-го. (Воспоминания об истории создания советской атомной бомбы) // Родина. — 1992. — № 8–9. — С. 52–61.

Полюшко В. «Атомный солдат», ставший свидетелем ЧП с первой водородной бомбой СССР // 2000. — 2007. — № 15.

Ранюк Ю. Атомна бомба — харківський винахід? // Вечірній Харків. — 1990. — 24 лип.

Рудаков С. Хроники от «ядерного» генерала // Досье. — 2008. — №№ 6. — С. 67–74.

Санин А. Как бомба спасла физиков // Московские новости. — 1990. — № 12. — С. 16.

Селюнин В. Конверсия по-генеральски // Огонек. — 1991. — № 36. — С. 14–18. Сметанин А. Он «одевал» и «раздевал» атомные бомбы // Наша республика. — 1992. — № 13.

Стахова Е. Украина примеряет ядерное платье // *Время*. — 2006. — 31 окт.

Трутнев Ю. А. Бомба — самый дешевый способ избежать войны // *Известия*. — 1992. — 19 авг.

Филин В. Технология сборки ядерной бомбы. Рассказывает дворник Минаев // *Комсомольская правда*. — 1992. — 6 февр.

Харитон Ю. Ядерное оружие СССР: пришло из Америки или создано самостоятельно? // *Известия*. — 1992. — 9 янв.

Хрущев Н. С. О культе личности и его последствиях (Доклад на XX съезде КПСС 25 февраля 1956) // *Известия ЦК КПСС*. — 1989. — № 3. — С. 128–170.

Юрьев Б. Гитлер и атомная бомба // *НЛО*. — 2005. — № 25. — С. 8.

notes

Примечания

Лэпп Р. Атомы и люди. — М.: Изд-во иностр. л-ры, 1959.

Юнг Р. Ярче тысячи солнц. — М.: Гос. изд-во л-ры в обл. атомной науки и техники, 1960.

Г. Киссинджер. Ядерное оружие и внешняя политика. — М.: Изд-во М.: Изд-во иностр. л-ры, 1959.

Гровс Л. Теперь об этом можно рассказать. — М.: Атомиздат, 1964.

Пестов С В Бомба Тайны и страсти атомной преисподней. — С.
Пб.: Изд-во фирмы «Шанс», 1995.

Новоселов В. Н., Толстиков В. С. Тайны «сороковки». — Екатеринбург: Уральский рабочий, 1995.

Чиков В. М. Нелегалы. Ч. 1. Операция «Enormous». — М.: АСТ, 1997.

Сметанин А. Он «одевал» и раздевал» атомные бомбы // Наша республика. — 1992 — № 13.

Филин В. Технология сборки ядерной бомбы. Рассказывает дворник Минаев // Комсомольская правда. — 1992. - 6 февр.

Кондратьев А. Две ночи с супербомбой. // ВВС Тайны истории. — 2006 — № 10.

Маслов С. «Я пробыл в ядерном грибе 30 минут...» // Комсомольская правда. — 1996 — 19 окт.

Полюшко В. «Атомный солдат», ставший свидетелем ЧП с первой водородной бомбой СССР // 2000. — 2007 — № 15

Федоренко Ю. Время и место. — М.-Зеленоград: Микрон-Принт, 2004.

Будницкий А. Операция «Мерлин» // Мир увлечений. Секретные версии. — 2008. - № 1. - с. 14.

Лэпп Р. Новая сила. Об атомах и людях. — М.: Изд-во иностр. л-ры, 1954.

Бомба, сброшенная на Нагасаки 9 августа 1945 г.

Соколов Б. Неизвестный Жуков: портрет без ретуши в зеркале эпохи. — Минск: Родиола-Плюс, 2000.

Чиков В. М. Нелегалы. Ч. 1. Операция «Enormous». — М.: АСТ, 1997.

Новоселов В. Н., Толстиков В. С. «Тайны «сороковки». — Екатеринбург: Уральский рабочий, 1995.

Г Киссинджер. Ядерное оружие и внешняя политика. — М.: Изд-во иностр. л-ры, 1959.

Федоренко Ю Время и место... — М.-Зеленоград: Микрон-Принт, 2004.

Боргезе Б. Десятая флотилия МАС. — М.: Изд-во иностр. л-ры, 1957.

Кеворков В. Диссидент союзного значения //ВВС. Тайны истории. — 2006 — № 38. — С. 12–13.

Пиблз К. Тайные полеты. — Смоленск: Русич, 2002.

Маценко Г. Как Никита Хрущев на крейсере путешествовал в Великобританию // Секретные материалы XX века. — 2005 — № 19. — С. 34–35.

Чичилава Р. Сын Лаврентия Берия рассказывает — К.: Инкопресс, 1992.

Судоплатов П. А. Спецоперации. Лубянка и Кремль 1930–1950 годы. М. — ОЛМА-ПРЕСС, 1997, с. 328–329.

Чиков В. М. Нелегалы. Операция «Enormous». -М.: АСТ, 1997. —
Ч. 1.

там же.

Харитон Ю. Ядерное оружие СССР: пришло из Америки или создано самостоятельно? // Известия. — 1992. - 9 нояб.

Борейко В. Ядерное оружие: на Украине и около // КЗ. - 1991. - 20 нояб.

Стахова Е. Украина примеряет ядерное платье // Время. — 2006. - 31 окт.